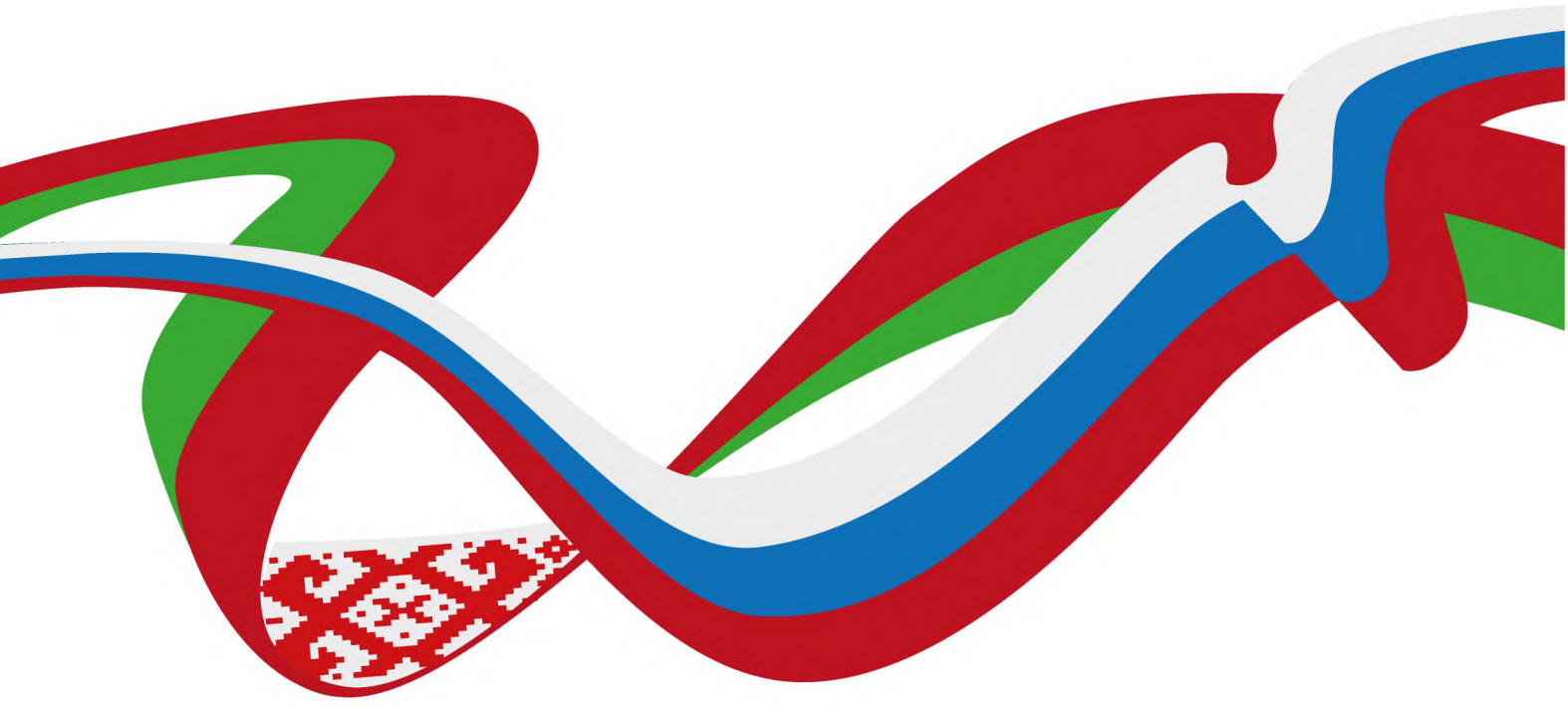
Россия и Беларусь:
история и культура в прошлом и настоящем

Выпуск шестой

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Смоленский государственный университет
Научно-образовательный центр
«Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем»

РОССИЯ И БЕЛАРУСЬ:
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Материалы исследовательского проекта
«Современное зарубежное историческое белорусоведение:
эволюция методологических подходов и оценок»

Выпуск шестой

Смоленск
Издательство СмолГУ
2020

УДК 94 (470+476) (063)
ББК 63.3(2)я 431
Р 768

Печатается по решению редакционно-издательского совета СмолГУ

Рецензенты:

О.В. Козлов, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Смоленского государственного университета;

Д.В. Карев, доктор исторических наук, профессор кафедры дизайна Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, директор Гуманитарного центра исследований Восточной Европы (г. Гродно)

Р 768 **Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и в настоящем:** материалы исследовательского проекта «Современное зарубежное историческое белорусоведение: эволюция методологических подходов и оценок» / под ред. Е.В. Кодина. Вып. 6. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2020. 98 с.

ISBN 978-5-88018-600-6,
продолжающееся издание

В сборнике, подготовленном коллективом научно-образовательного центра «Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем», публикуются материалы по исследовательскому проекту «Современное зарубежное историческое белорусоведение: эволюция методологических подходов и оценок».

Проведение исследования стало возможным благодаря финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-59-00001/20, и БРФФИ, проект № Г20Р-011 «Современное зарубежное историческое белорусоведение: эволюция методологических подходов и оценок».

УДК 94 (470+476) (063)
ББК 63.3(2)я 431

ISBN 978-5-88018-600-6,
продолжающееся издание

© Авторы, 2020
© Изд-во СмолГУ, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

НАШИ АВТОРЫ…… 4
ПРЕДИСЛОВИЕ…… 5

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ДОКЛАДЫ

Карев Д.В., Дудько А.Д.
Формирование знания о белорусской культуре в Европе во второй половине XX – начале XXI века: методология и методы исследования проблемы…… 7
Борисенок Ю.А.
Ключевые аспекты белорусского вопроса периода 1918 – 1921 годов в трактовках польской и белорусской исторической науки 2010-х годов …… 15
Долгач Т.В.
Формирование польской историографической концепции о Беларуси в конце XIX – 20-е годы XX века …… 25
Кобец О. В.
Белорусизация «по Рудлингу»…… 32
Цымбал А.Г.
Белорусская нация и государство (начало XX века – 1921 год) в отражении современной польской историографии …… 40
Новиков С.Е.
Новый немецкий взгляд на Брестскую крепость в июне 1941 года …… 49
Кодин Е.В.
Американское послевоенное белорусоведение: становление, 1950–1960-е годы…… 58
Стебурако А.Н.
Постсоветская трансформация белорусского общества и государства: современная французская историография …… 67
Большакова О.В.
Зарубежное белорусоведение в контексте дисциплины «Russian and East European Studies»…… 78
Родионов И.И.
Деятельность центров белорусоведения в Великобритании в XXI веке…… 87

Наши авторы

Большакова Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, зав. сектором истории России, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, г. Москва, Россия, jkmuf16@yandex.ru.

Борисёнок Юрий Аркадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры южных и западных славян исторического факультета МГУ, г. Москва, rodina2001@mail.ru.

Долгач Татьяна Валентиновна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела специальных исторических исследований Института истории НАНБ, г. Минск, Беларусь, dauhach@gmail.com.

Дудько Анастасия Дмитриевна, кандидат исторических наук, магистр филологических наук, доцент кафедры английской филологии Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, г. Гродно, karev@grsu.by.

Карев Дмитрий Владимирович, профессор, доктор исторических наук, директор Центра междисциплинарных исследований диаспор и зарубежного белорусоведения факультета искусств и дизайна профессор кафедры дизайна Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, г. Гродно, karev@grsu.by.

Кобец Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, зав. аспирантурой Смоленской государственной академии физической культуры, спорта и туризма, г. Смоленск, Россия, cobets.olga@yandex.ru.

Кодин Евгений Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Смоленского государственного университета, г. Смоленск, Россия, EVKodin@yandex.ru.

Новиков Сергей Евгеньевич, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории, мировой культуры и туризма Минского государственного лингвистического университета, г. Минск, Беларусь, novikau@tut.by.

Родионов Иван Игоревич, аспирант кафедры истории России Смоленского государственного университета, г. Смоленск, Россия, vanro.rodionov@yandex.ru.

Стебурако Анатолий Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы, г. Минск, Беларусь, steburaka@tut.by.

Цымбал Александр Георгиевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра всеобщей истории, международных отношений и геополитики Института истории НАНБ, доцент кафедры истории, мировой культуры и туризма МГЛУ, г. Минск, Беларусь, aleksander.g.t@gmail.com.

Предисловие

За период с 1991 г. белорусскими историками подготовлено и издано большое количество фундаментальных работ по истории Белоруссии, особенно сотрудниками Института истории Национальной академии наук в рамках Государственной комплексной программы научных исследований на 2011–2015 гг. «История, культура, общество и государство» и Государственной программы научных исследований на 2016–2020 гг. «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (пятитомная «История белорусской государственности», четырехтомный «Большой исторический Атлас Беларуси», двухтомник «Рижский мир в судьбе белорусского народа» и многие другие). В работах по истории Белоруссии активно используются различные источники: данные археологии, летописи, древние грамоты, повести, сказания, княжеские уставы, статуты, метрики, архивы древних актов соседних государств, научные труды белорусских, российских (в том числе советских), польских, литовских, украинских исследователей.

Однако на таком богатом источниковом и историографическом фоне постсоветского пространства почти полностью отсутствует западная историография белорусской истории таких крупных государств, как США, Англия, Германия, Франция, а тем более ее критический анализ. Так, например, даже в указанном выше пятитомном академическом издании по истории белорусской государственности в разделах «Историография и источники» вообще нет работ западных исследователей (в третьем томе лишь вскользь упоминаются имена Н. Вакара и И. Любачко в части оценки ими одного эпизода белорусской истории XX в. – создания в 1918 г. Белорусской Народной Республики).

В этой связи в своем исследовании 2016 г. «Зарубежное белорусоведение XVI – начала XXI века: основные этапы и проблемы становления и развития» Д.В. Карев и А.Д. Дудько, констатируя, что «никто из белорусских и зарубежных европейских авторов-славистов не проводил специального исследования по истории зарождения и формирования белорусоведения в странах этих континентов (Европы и Америки. – *Е.К.*) в период XX – XXI в.» (с. 80), призывают к «настоятельной необходимости профессионального непредвзятого осмысления того вклада, который был внесен зарубежным белорусоведением в исследование проблемы роли и места Беларуси в истории Восточной Европы» (с. 81).

Западная историография в основном формировалась в послевоенный период. Она не оказывала сильного воздействия на белорусскую историческую науку, находившуюся в целом под общесоветскими методологическими установками. Резкий рост интереса произошел в конце XX в. и продолжается в XXI в. В значительной степени это касается вопросов современной иудаики и

проблем Второй мировой войны, а также национальной идентичности. При этом какого-либо критического анализа западного исторического белорусоведения до сих пор не проводилось. Хотя именно в западном современном белорусоведении, и в первую очередь в США и Англии, формируются и внедряются в методологию исторических исследований и в историческое сознание новые подходы и оценки в освещении исторического прошлого Белоруссии (например, работы Тимоти Снайдера).

Несомненно, что формирование национальной исторической науки любого государства, и Белоруссия здесь не может быть исключением, невозможно без учета оценки отечественной истории зарубежными исследователями. Это дает возможность выработать максимально объективную оценку истории своей страны, избежать самоизоляции исторического сообщества отдельного государства и соблазна «самим написать свою историю» без оглядки на иные концепции и трактовки исторических событий.

К современной исторической науке Белоруссии это имеет самое непосредственное отношение. В повестку дня встает многогранная исследовательская задача: провести анализ современного исторического белорусоведения в основных западных странах – США, Англии, Германии, Франции, Польше; определить приоритетные направления в современных западных исследованиях, сравнив их с периодом становления и начального этапа в развитии белорусоведения с целью понимания эволюции методологических подходов и отражения «прошлых» оценок в современных работах.

С другой стороны, всегда существует опасность непосредственного заимствования и переноса в отечественную историческую науку отдельных положений из зарубежных исследований без их критического анализа в части как непосредственно содержания, так и оценок, и методологических подходов, нередко имеющих отношение больше к исторической политике, нежели непосредственно к истории. Это актуально особенно в отношении современных зарубежных исследований.

Заведующий кафедрой истории России СмолГУ,
руководитель научно-образовательного центра
«Россия и Беларусь: история и культура
в прошлом и настоящем»,
доктор исторических наук, профессор *Е.В. Кодин*

Д.В. Карев, А.Д. Дудько

Гродненский государственный университет им. Я. Купалы

УДК 001.82(476),19/20”

Формирование знания о белорусской культуре в Европе во второй половине XX - начале XXI века: методология и методы исследования проблемы

Ключевые слова: зарубежное белорусоведение; Европа; белорусская культура; методология и методы исследования.

В статье на основе изучения проблемы генезиса белорусоведения в странах зарубежной Европы и становления знания о белорусской культуре во второй половине XX – начале XXI вв. определяются принципиальные методологические подходы и методы исследования в этой сфере исторической культурологии. В результате анализа применяемого в данной области понятийного аппарата делаются выводы о необходимости внесения уточнений и корректировок исходных терминологических понятий.

К началу XXI в. в белорусской культурологии и историографии заметно оживился интерес к исследованию проблем формирования образа нашего государства и его культуры в зарубежном историко-культурологическом, экспертном сообществе как определенный знак возрастания внимания к Беларуси. Однако не все аспекты этой большой и важной научной и социокультурной проблемы разработаны с достаточной степенью полноты и доказательности. Одним из таких ее аспектов является вопрос о методологической основе проведения подобного рода исследования. С ним авторы этой статьи столкнулись в составе исполнителей госбюджетной темы «Зарубежное белорусоведение XVI – нач. XXI в.: основные этапы и проблемы становления и развития» (2011–2015 гг.) [1]. В процессе реализации своего раздела темы, посвященного генезису и формированию белорусоведения в странах зарубежной Европы, мы пришли к определенным выводам методологического характера.

1) Методологической основой подобного рода исследования должен являться комплексный междисциплинарный подход, который основывается на принципах взаимосвязи и взаимозависимости социогуманитарных и исторических наук. Работа должна базироваться на трех основных принципах научного исследования: историзма, системности и объективности, которые и позволят дать сбалансированную характеристику предмета нашего изучения.

• Принцип историзма позволяет рассмотреть процесс становления белорусоведения в зарубежной Европе в ходе его эволюционного развития, в тесной связи с социально-политическим и социокультурным контекстом отношений между Беларусью и странами зарубежной Европы послевоенного периода (конец 1940-х гг. – начало XXI в.). Применение этого принципа

потребует использования максимально репрезентативного круга источников, с учетом обстоятельств их создания, рассмотрения реконструируемых исторических фактов в их взаимосвязи и причинно-следственной обусловленности, концентрации внимания при реконструкции реалий прошлого на понимании исследуемой эпохи и людей в современных им культурных категориях.

• Применение принципа объективности диктует необходимость не только критического анализа фактографических данных, которые содержались в отечественных и зарубежных источниках, но и сопоставления качества аргументов, позиций авторов анализируемых текстов. Это дает возможность выявить тот объективный и субъективный подтекст, который в значительной мере определял степень и характер тенденциозности стоящего за текстом автора. Принцип объективности предусматривает также учет сложности и противоречивости ряда исследуемых явлений и процессов (процесс эмиграции белорусов в странах зарубежной Европы; формирование менталитета белорусской диаспоры в условиях иноэтничного социокультурного окружения; сложности положения белорусоведения в этих странах на современном этапе). И хотя абсолютная объективность исследователя невозможна, его обязанностью все же является осознание этой ситуации путем соответствующих рефлексий и стремление избежать на этой основе проявлений ангажированности и тенденциозности.

• Системный подход, направленный на анализ функционального и исторического аспектов развития зарубежного белорусоведения в новейший период истории, позволяет определить место белорусоведения в зарубежном страноведении Европы в более широком белорусоведческом контексте послевоенной Европы.

2) Среди общенаучных методов в работе должны быть использованы, прежде всего, анализ и синтез, формально-логические и исторические методы. В качестве специальных методов исследования необходимо использовать историко-сравнительный и историко-генетический методы. Применение первого позволяет сопоставить специфику отдельных этапов развития белорусоведения в новейший период истории; второго – выявить внутренние связи между ними. Использование в работе подобного рода прежде всего нарративных текстов (авторских текстов ученых-гуманитариев: филологов, литературоведов, историков, культурологов) предопределяет необходимость привлечения методов текстологического и историографического анализа. Историку-культурологу, работающему в сфере изучения общественной и научной мысли, историографу хорошо известно, что одним из важнейших факторов историографического анализа является анализ социокультурных предпосылок состояния и развития социогуманитарного знания и исторического знания, науки определенной эпохи (в нашем случае – зарубежного белорусоведения). Второй фактор связан с характером проблематики гуманитарных исследований, который в значительной мере вытекает из социально-политических и социокультурных условий существования гуманитарных наук. Проблематика обуславливает объемы и

характер источниковой базы исследования, методы ее источниковедческого анализа. Важными факторами являются и характеристика методологических принципов гуманитарного исследования и выявление характера научных концепций. Последний фактор наиболее значим применительно к анализу тех текстов в сфере гуманитарного знания, которые построены по правилам науки.

3) Историографический синтез, применяемый в историко-культурологическом исследовании, предусматривает возможность комбинации трех методов: классового, который рассматривает историко-культурный процесс как историю борьбы идей и течений в культуре и ее составной части – науке; культурологического, где историография выступает как органическая составная часть истории культуры в целом и науки в частности; сциентистского, ориентированного на восприятие внутренней логики развития науки. Историко-культурологический метод и историографический анализ и синтез дополняются методами историко-культурологической периодизации и классификации, что дает исследователю возможность выделить основные этапы историко-культурного процесса, выявить существенные изменения, происходящие в рамках основных его этапов, определить вклад в него конкретных исследователей [2].

4) Разработка адекватных методов и приемов познания предмета нашего исследования требует определения его основных терминов и дефиниций. Такими существенными понятиями проблемы являются понятия «культурно-историческое наследие», «диаспора», «национально-культурная идентичность», «белорусика», «реституция», «белорусоведение». Термины «белорусика» и «белорусоведение» являются ключевыми для понимания наиболее значимых аспектов изучаемой нами проблемы [3].

Первый из них чаще всего употребляется отечественными и зарубежными исследователями обычно применительно к белорусскому историко-культурному наследию за рубежом. Этот термин активно используется в библиотековедении для выделения изданий, написанных на белорусском языке или представителем белорусского этноса, а также опубликованных на белорусской территории или связанных с ней тематически. В белорусской исторической науке и культурологии относительно исторических источников, которые находятся за рубежом, это понятие стали употреблять с 1980-х гг. XX в. Расширение научно-информационного пространства, связанное с окончанием эпохи холодной войны, вызвало процессы активного возвращения культурного наследия той части белорусской национальной культуры, которая формировалась за границами Беларуси и создавалась в эмигрантских кругах. Термин «архивная белорусика» близок по смыслу к понятию «архивное и документальное наследие» Беларуси как заграничная его часть. В то же время имеются некоторые различия. Например, к зарубежной части национального архивного фонда Республики Беларусь относятся документы, созданные на территории белорусского государства в то или иное время, а затем в силу ряда обстоятельств оказавшиеся за его пределами. «Белорусика» изучает комплексы документов, которые тем или иным образом связаны с нашей историей. Из этой ситуации

вытекают существенные практические последствия международно-правового характера, связанные с возможностью возвращения («реституции») части утраченного культурного наследия Беларуси на Родину. Это обстоятельство делает возможным постановку проблемы о возвращении части наследия только в отношении тех архивов и документальных комплексов, которые были созданы на территории нашего государства. В ином случае, например относительно архивов белорусской эмиграции, подобные претензии не могут быть реализованы, а перемещение тех комплексов и культурных артефактов, которые относятся к истории Беларуси, может состояться только через обмен, приобретение, покупку или дар [4].

Исходя из существования подобных терминов, национальных и авторских особенностей при их использовании, существует потребность их уточнения и устранения неопределенности в научных текстах.

Трактовка в рамках нашей проблемы такого ключевого понятия, существующего в научной литературе XX – начала XXI вв., как «белорусоведение» не имеет единого толкования. В процессе своего существования его смысловое (предметное) наполнение пережило заметную эволюцию. Периодизация основных этапов формирования белорусоведения как особого направления в системе научных знаний о Беларуси также не имеет единой трактовки. Если одни белорусские исследователи выделяют как начальный его период XVI в. (авторы курса белорусоведения, разработанного в Европейском гуманитарном университете (г. Вильнюс) [5], то другие – выделяют в качестве начальной стадии конец XVIII – начала XIX вв. (З. Шибеко, И. Сороковик) [6; 7]. Один из ведущих современных белорусских исследователей З.В. Шибеко выделил в начале 1990-х гг. семь основных этапов в развитии белорусоведения как научного направления [8]:

- конец XVIII в. – до 1880-х гг. («подготовительный» период);
- 1880 – нач. XX в. (период «осознанного самопознания» нации под влиянием белорусского национально-освободительного движения с целью самообороны, «самозащиты от русификации и полонизации»);
- 1905–1907-е гг. (период приобретения белорусоведением легальных форм с опорой на национальные периодические издания; время, когда впервые заговорили о белорусоведении как *системе знаний о Беларуси*);
- 1914–1920-е гг. (время, хотя и номинального, формирования белорусской государственности – БНР, БССР; выделение в рамках белорусоведения трех направлений – отечественного, эмиграционного и зарубежного);
- 1921–1928-е гг. (этап институционального становления системы краеведческих, академических и вузовских центров БССР под влиянием политики «белорусизации»);
- 1930–1980-е гг. («упадок» белорусоведения в БССР, связанный со спецификой политического контекста этих лет, и формирование основных

зарубежных белорусоведческих центров в Западной и Центральной Европе, Северной Америке и Австралии);

- конец 1980-х – нач. 1990-х гг. (период возрождения белорусоведения как научного направления в БССР и суверенной Республике Беларусь, создания Международной ассоциации белорусистов и системы белорусоведческих исследовательских центров).

Он же одним из первых дал в своей статье «Беларусазнаўства», опубликованной в 1993 г. в первом томе «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі», нормативное понятийное определение «белорусоведения». Оно определялось им как «навука, што вывучае адметнасць і агульнасць беларусаў, іх нацыянальны рух, узаемаадносіны з суседзямі і ролю ў сістэме міжнароднай супольнасці народаў у мінулым і сучасным. Вызначаецца комплексным, міждысцыплінарным падыходам да праблем даследавання. Здзяйсняе самапазнанне нацыі з мэтай выпрацоўкі і ўдасканалення нацыянальнай тэорыі, вызначэння нацыянальнага шляху (аб'яднаўчай ідэі), аховы нацыянальных форм быцця, у якіх выяўляюцца заканамернасці агульначалавечага прагрэсу. У межах навуковай плыні існуе асветнае беларусазнаўства, якое распаўсюджвае сярод насельніцтва веды па мове, літаратуры, гісторыі, этнаграфіі, геаграфіі, эканоміцы, фальклярыстыцы, мастацтвазнаўству і інш.» [9].

Практически эта же схема периодизации (по З. Шибеко) была воспроизведена в учебном пособии по белорусоведению И. Сороковика. Элементом новизны в периодизации И. Сороковика является выделение седьмого этапа с мая 1995 г., который он характеризует как время новой волны дебелорусизации и принижения статуса белорусоведения в системе официального гуманитарного знания Республики Беларусь. Общей чертой и для периодизации З. Шибеко, и для периодизации И. Сороковика, на наш взгляд, является гипертрофированная трактовка роли политического фактора как основополагающего критерия для выделения основных этапов развития белорусоведения. Излишняя политизация в трактовке этого фактора отодвинула на задний план критерии *внутренних, собственно научных факторов* развития белорусоведения как особого научного направления в системе гуманитарного знания XIX–XX вв. И. Сороковик дает два возможных определения белорусоведения: 1) в широком смысле слова – «беларусазнаўства – гэта сістэма навуковых ведаў аб найбольш агульных заканамернасцях фармавання і развіцця беларусаў і ўсяго, што з імі звязана»; 2) в узком смысле слова – «беларусазнаўства – гэта навука аб беларусах і Беларусі». Предметом белорусоведения, по мнению автора, являются «найбольш агульныя заканамернасці фармавання, станаўлення і развіцця беларускага этнасу, яго самасвядомасці, этнічнай тэрыторыі беларусаў, іх дзяржаўнасці, матэрыяльнай і духоўнай культуры, узаемаадносін з іншымі этнасамі і дзяржавамі» [10].

По сравнению с нормативно-энциклопедическим определением понятия «белорусоведение», данным в энциклопедии «Этнаграфія Беларусі» (1989 г.), трактовки З. Шибеко и И. Сороковика представляются более осмысленными и сбалансированными, поскольку дефиниция, приведенная в версии 1989 г.,

выглядит весьма размытой с позиций, которые предъявляются к научным категориям. Белорусоведение, по мнению автора этой статьи, – «паняцце, што аб'ядноўвае шырокае кола пытанняў, звязаных са зборам, вывучэннем і публікацыяй матэрыялаў, прысвечаных культуры, грамадскай думцы Беларусі». Оно «Уключае розныя навукі і навуковыя дысцыпліны, найперш гісторыю, мовазнаўства, фальклярыстыку, этнаграфію, літаратуразнаўства, мастацтвазнаўства, апісанне падарожжаў па Беларусі, мемуарную літаратуру пра яе, краязнаўства і інш.». Согласно позиции авторов этой статьи, «Паслядоўна навуковы характар беларусазнаўства набыла пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі. Яго метадалагічную аснову складае марксісцка-ленінскі гіст. матэрыялізм» [11]. С точки зрения сегодняшних реалий это определение выглядит явно архаичным, узким и политизированным. Очевидны и принципиальные расхождения определений образца 1989 г. и 1990-х гг. в трактовке предмета белорусоведения и понимании основных этапов в его становлении.

Однако и в дефинициях З. Шибеко и И. Сороковика есть немало моментов, вызывающих не только критическое отношение, но и ряд вопросов, на которые не находишь аргументированных ответов и комментариев у вышеназванных авторов. Из определения З. Шибеко выпадает период истории белорусского этноса, который можно назвать догосударственным (до периода формирования средневековой белорусской народности и Полоцкого княжества). Автор концентрирует свое внимание главным образом на том периоде существования белорусского этноса, который можно определить как эпоха нациогенеза. Выпадает из определения и роль среды (географической и территориальной) как органического компонента белорусского этногенеза. В двух вариантах определения И. Сороковика очевидно явное противоречие между понятием белорусоведения в широком смысле слова как «системы научных знаний» (а это может быть суммарный комплекс нескольких наук. – *А. Д.*) и понятием белорусоведения как *самодостаточной* «науки о белорусах и Беларуси». Если изучение белорусов как этноса в качестве основного предмета исследования белорусоведения можно принять в качестве «ядра» определяемого понятия, то вторая часть этого определения - относительно «Беларуси» - вызывает немало вопросов. Прежде всего, о какой территории будет идти речь – о территории современной Республики Беларусь, о территории Беларуси XVI–XVII вв. (это всего лишь территория сегодняшних северных и восточных областей нынешней Беларуси) или территории, которую занимали восточнославянские племена VIII–IX вв. (Полесье и Подвинье), на базе которых и будет складываться, но в XIII – начале XVI вв., средневековая белорусская народность. Во всяком случае без дополнительного «комментария-расшифровки» этого момента, приведенного И. Сороковиком, определение будет выглядеть недостаточно корректным.

Как видно из приведенных примеров, в белорусской энциклопедической и учебной литературе конца 1980–1990-х гг. имеющиеся определения понятия «белорусоведение», которые претендуют на статус нормативных, страдают существенными недочетами. Еще менее качественную теоретическую

корректность мы встретим в ряде работ белорусских авторов, чьи статьи ставили своей задачей определение предмета белорусоведения. Одной из типичных статей такого рода является работа А. Лозки «Беларусазнаўства як прадмет», в которой автор определяет свое понимание белорусоведения следующим образом: «Беларусазнаўства, або беларусістыка, беларосіка, альбарутэніка – гэта паняцце, якое ўключае кола разнастайных ведаў па гісторыі, мовазнаўству, літаратуразнаўству, краязнаўству, этнаграфіі, фальклярыстыцы, мастацтвазнаўству і іншых дысцыплінах» [12].

Такая ситуация с множественностью нечетких определений понятия «белорусоведение» позволяет нам выразить свое представление о предмете этого научного направления. На наш взгляд, главным предметом изучения белорусоведения является, прежде всего, *выявление специфики исторической судьбы и особенностей белорусского этноса от момента его зарождения (генезиса) до сегодняшнего состояния*. В этой судьбе исследователя должна интересовать преимущественно эволюция основных форм существования его материальной и духовной культуры и таких основополагающих элементов, как язык, литература и историческая память, в которых наиболее ярко и ощутимо проявляется самоидентификация этноса. Такое понимание предмета белорусоведения позволяет нам определить его как особое научное направление в рамках исторической культурологии.

Исходя из данной трактовки предмета белорусоведения, понятие *«зарубежное белорусоведение»* будет нами интерпретироваться как одна из форм его проявлений, *главной особенностью которой является научная рефлексия зарубежного научного сообщества по проблеме исторической судьбы и особенностей белорусского этноса.* Как показало изучение эмпирического материала по истории формирования традиций зарубежного белорусоведения в послевоенной Европе, они являлись продуктом двух главных составляющих социокультурного характера: 1) белорусской диаспоры (прежде всего, ее интеллектуальной элиты) и 2) научного (экспертного) сообщества страны проживания этой диаспоры.

Литература

1. Карев Д.В. Зарубежное белорусоведение XVI – начала XXI вв.: основные этапы и проблемы становления и развития: монография. Гродно: ЮрСаПринт, 2016. 140 с.

2. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 440 с.

3. Герновіч Т.Д. Асаблівасці нацыянальнага разумення архіўнай // Образы прошлого в историографии: белорусско-французский диалог: сб. материалов к междунар. науч.-практич. конф. «Историография как объект исследования», Минск – Париж, БГУ – МГЭИ, 21–22 мая 2008 г. / БГУ; редкол.: А.Н. Алпеев [и др.]. Минск: ЗАО «Веды», 2008. С. 112–121.

4. Герновіч Т.Д. Беларускія дакументальныя зборы ў XIX – першай трэці XX ст. Гісторыя перамяшчэння і спробы вяртання // Сб. науч. работ студентов высших учебных заведений Республики Беларусь «НИРС 2002»: первое республиканское издание. Мінск, 2003. С. 21–33.

5. Введение в историографию белорусоведения [Электронный ресурс]. 2009. URL: http: // www.ehu.lt / studies / bachelor / catalogue / history_of_belarus_and_cultural_ / 0005716 / (дата обращения: 08.04.2010).

6. Саракавік І.А. Беларусазнаўства: вучэб. дапам. Мінск: Веды, 1998. 284 с.

7. Саракавік І.А. Беларусазнаўства як навука і вучэбная дысцыпліна // Беларусазнаўства. URL: http://txt.knihi.com/sarakavik/bielarusaznaustva.html (дата обращения: 11.07.2014).

8. Шыбека З.В. Беларусазнаўства // Энцыкл. гіст. Беларусі: у 5 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў [і інш.]. Мінск: Беларус. энцыкл., 1993. Т. 1. С. 346–348.

9. Шыбека З.В. Беларусазнаўства // Энцыкл. гіст. Беларусі: у 5 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў [і інш.]. Мінск: Беларус. энцыкл., 1993. Т. 1. С. 346.

10. Саракавік І.А. Беларусазнаўства як навука і вучэбная дысцыпліна // Беларусазнаўства. URL: http://txt.knihi.com/sarakavik/bielarusaznaustva.html (дата обращения: 11.07.2014).

11. Беларусазнаўства // Этнаграфія Беларусі : энцыкл. / гал. рэд. І. П. Шамякін [і інш.]. Мінск: Беларус. савецкая энцыкл., 1989. С. 55–56.

12. Лозка, А. Беларусазнаўства як прадмет // Беларусіка = Albaruthenica / рэд. А. Анціпенка [і інш.]; Нац. навук.- асвет. цэнтр імя Ф. Скарыны. Мінск: Навука і тэхніка, 1992. Кн. 2: Фарміраванне і развіцце нацыянальнай самасвядомасці беларусаў. С. 224–227.

D.V. Karev, A.D. Dudzko

Yanka Kupala State University of Grodno

The formation of knowledge about Belarusian culture in Europe in the second half of the XXth – the beginning of the XXIst centuries: methodology and methods of the research.

Key words: *foreign Belarusian studies; Europe; Belarusian culture; methodology and research methods.*

In the article, on the basis of the study of the problem of the genesis of Belarusian studies in Europe and the development of knowledge about Belarusian culture in this country in the second half of the XXth – early XXIst centuries, the principal methodological approaches and methods of research in this field of historical culturology are determined. Resulting from the analysis of the conceptual apparatus used in this field of research conclusions are drawn about the necessity to introduce clarification and corrections of the key terminological concepts.

Ю.А. Борисёнок

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Институт славяноведения РАН

УДК 93/94

Ключевые аспекты белорусского вопроса периода 1918 – 1921 годов в трактовках польской и белорусской исторической науки 2010-х годов*

Ключевые слова: *польская историография; белорусская историография; польско-белорусский узел; белорусский вопрос; Рижский мирный договор.*

В статье показано, что в польской и белорусской историографии 2010-х гг. при сохранении традиционных разногласий, сформировавшихся еще в межвоенный период, обозначились новые перспективные научные подходы к белорусскому вопросу в период 1918 – 1921 гг. В польской исторической науке привлекают внимание понятие «польско-белорусского узла» и сравнение попыток восстановления польской государственности с 1916 г. с формированием белорусских государственных структур с 1918 г. Ряд белорусских историков сблизили позиции с польскими коллегами в оценке причин и итогов советско-польской войны.

Как известно, отношения между двумя современными государствами – Республикой Беларусь и Польшей – в 2010-е гг. носили достаточно напряженный характер. Не последнюю роль в этих процессах играли и факторы исторического характера, в особенности связанные с непростыми для обеих сторон событиями 1918–1921 гг., определившими среди прочего пограничное и этническое польско-белорусское размежевание. Эти процессы по-прежнему влияют на освещение белорусского вопроса этого периода как в польской, так и в белорусской историографии. Примечательно, что ряд словесных конструкций, употребляемых не только историческими публицистами, но и профессиональными историками, характерен и для взаимных советско-польских исторических претензий межвоенного периода, которые в 2014 г. были обстоятельно отражены в монографии гомельского историка Николая Мезги [9] и в его докторской диссертации 2016 г. [10].

Приведем три характерных примера долговечности подобной лексики. Во-первых, в анонимном предисловии к сборнику документов о польско-белорусских отношениях периода 1921–1953 гг., увидевшему свет в Минске первым изданием в самом конце 2012 г., а в 2018 г. удостоившемуся уже третьего издания, особо подчеркивается, что «самое время вспомнить историю, задуматься об истинных причинах, корнях проблем белорусско-польских отношений, чтобы реально представлять себе степень опасности ситуации для национальной безопасности белорусского государства, а также подготовиться к

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-59-00001/20 «Современное зарубежное историческое белорусоведение: эволюция методологических подходов и оценок».

комплексному и своевременному реагированию» [11, с. 3]. Как и следовало ожидать, польская сторона отреагировала на этот сборник и предисловие к нему своевременно и комплексно. Известный историк Войцех Матерский опубликовал обширную и оперативно переведенную на белорусский язык рецензию, в которой обвинил составителей сборника среди прочего «в пропаганде анахроничной, черно-белой, весьма избирательной картины истории польско-белорусских отношений; абстрагировании от знаний о действительных палачах белорусского населения, которыми были: советские структуры ЧК, НКВД, НКГБ, а после марта 1946 г. – МГБ и МВД. А сборник же вышел в 2012 г., к тому же под эгидой Национальной академии наук и Министерства юстиции Беларуси. Как это следует понимать? [8]. Очевидно, что стилистические особенности критикуемого польским автором предисловия и его собственной рецензии во многом совпадают.

Во-вторых, Лукаш Адамский, один из руководителей созданного в 2011 г. Центра польско-российского диалога и согласия, 10 ноября 2013 г. в украинском издании «Неділя» под заголовком «Архаичный синтез» опубликовал обширную рецензию на капитальную коллективную монографию Института славяноведения РАН «Польша в XX веке. Очерки политической истории» [12]. Польский историк попытался уличить российских полонистов в том, что в XXI в. их взгляды на Польшу прошлого века безнадежно устарели и по-прежнему базируются на советском багаже. Но ахиллесовой пятой варшавского специалиста является его априорная симпатия к концепциям и подходам, выработанным в Польше в межвоенный период. В этом плане весьма характерны некоторые высказывания польского историка касательно белорусских проблем, транслирующие мироощущение межвоенной элиты II Речи Посполитой и в современной ситуации выглядящие уничтожающе архаично. Критикуя известного российского полониста Г.Ф. Матвеева за этническую характеристику белорусских территорий к началу 1920-х гг., Адамский рассуждает так: «На землях, посчитанных Матвеевым “белорусскими”, элиты были польские, еврейские или русские, а крестьянство – польское, а чаще всего польскоязычное и белорусскоязычное. Национальное движение белорусов находилось на зачаточной стадии, а интеллигенция, идентифицировавшая себя с белорусской нацией, была малочисленной. В свою очередь, в Виленском крае “этнические” литовцы были в значительном меньшинстве, там преобладали поляки, из которых многие имели очевидные литовские или белорусские корни». А далее следует шедевр из области гибридной, воистину мичуринской этничности: «В Вильно первых десятилетий XX в. и Виленском крае доминировали литовцы-поляки (их самый яркий представитель – Юзеф Пилсудский), восточнее – литовцы-поляки и литовцы-белорусы» [1]. Перед нами старый стереотипный польский подход 1920–1930-х гг., заключающийся в том, что никаких белорусов между Варшавой и Москвой нет и звать их никак, а если уж они есть – то в некотором ничтожном количестве.

В-третьих, даже в условиях, когда с 2017 г. наметилось системное и достаточно интенсивное сотрудничество польских и белорусских историков по

исследовательскому проекту «Поляки в Беларуси с конца XIX до начала XXI века. Избранные проблемы польско-белорусских отношений» [16], прежние лексические обороты все еще продолжают встречаться в ряде публикаций. В 2017 г. директор Института международных исследований Вроцлавского университета Здислав Юлиан Винницкий в статье «Рижский договор 1921 г. в оценке белорусской современной политической мысли и историографии» полностью отказал в каких-либо признаках государственности провозглашенной в марте 1918 г. Белорусской народной республике: «БНР <…> государственности в смысле международного права не представляла, ибо такой государственности не было ни де-юре, ни де-факто вследствие полного отсутствия законного международного признания» [16, t. I, s. 121]. Подобная жесткость формулировок была характерна для оценок БНР в советской и частично в белорусской историографии и в особенности в публицистике примерно до 2008 г. Современная же белорусская историческая наука, включая официальный ее сегмент, предпочитает более взвешенные оценки, отраженные, в частности, в двух коллективных монографиях Института истории НАН Беларуси 2018 и 2020 гг. [3; 4], вписывающиеся в общую концепцию белорусской государственности и емко заключенные в названии одной из них, где БНР охарактеризована как «шаг к независимости» [3].

В условиях устойчивого бытования и совершенствования в корпорации польских историков прежних клише представляются перспективными новые оценки польско-белорусского взаимодействия, содержащиеся в увидевшем свет в 2018 г. под эгидой Института политических исследований ПАН более чем 800-страничном сборнике документов и материалов «Польско-белорусский узел 1918–1921» [15]. Стоит подчеркнуть, что это в некоторой степени совместное творчество историков двух стран: В. Матерский выступил здесь в ключевой роли редактора-составителя книги и автора предисловия; известный белорусский историк Владимир Снапковский принял участие в подготовке документальной части публикации. В то же время ключевое для понимания новизны исследовательских оценок обширное предисловие написано Матерским единолично и отражает определенную эволюцию взглядов польского исследователя. Он высказывает здесь ряд важных концептуальных подходов, развивающих тему строго в рамках современной польской исторической науки.

Первый из таких подходов – сама формулировка проблемы «польско-белорусского узла» 1918–1921 гг. Подобное объединение разнообразных ситуаций двустороннего конфликта периода становления государственности поляков и белорусов способно стереоскопически изобразить как масштаб противоречий, так и неспособность их преодолеть иным путем, как переформатировав туго сплетенный узел в гордиев. Именно таким разрубанием дискуссии по белорусской проблематике стал Рижский мирный трактат 1921 г., расчленивший территорию белорусского этноса на советский и польский сегменты.

По мнению В. Матерского, «1918 г., также как и три последующих года до Рижского мира, формально определившего характер и форму польско-

белорусских отношений, это период, богатый событиями, исключительно важный для обеих наций, поляков и белорусов. Это время споров об отношении Беларуси к меняющейся концепции организации территориального и структурного упорядочения на северо-западных землях бывшей Российской империи, к возрождённой польской государственности. Это также период своеобразной игры польских политиков белорусской картой с Германией, Россией, Литвой и Антантой, а также с самими белорусами, но это также время непрерывной внутренней конфронтации – прежде всего между федералистами и инкорпораторами» [15, s. 8].

Заслуживает углубленного исследовательского внимания и точка зрения В. Матерского о том, что прецедент провозглашения в марте 1918 г. в Минске БНР (Белорусской народной республики) «можно признать в значительном приближении сравнимым с появлением на польских землях Регентского совета; в обоих случаях объём автономии сочетался скорее с германским (Центральных держав) протекторатом, нежели с процессом, целенаправленно стремящимся к независимости» [15, s. 16].

При этом Польское королевство, о провозглашении которого 5 ноября 1916 г. было объявлено от имени кайзера Вильгельма II и императора Австро-Венгрии Франца-Иосифа I, варшавский специалист аттестует достаточно позитивно: «В ноябре 1917 г. Регентский совет провозгласил первое правительство (премьера Яна Кухажевского), положив начало системе власти, продолжавшейся до окончания войны, правда, зависимого от оккупантов, но имевшего основные признаки отдельной государственности» [15, s. 9]. Более пессимистичны аттестации «квазигосударственных» белорусских проектов: БНР названа «иллюзией белорусской государственности», а казус «первой БССР», провозглашенной 1 января 1919 г., на взгляд В. Матерского, состоял в том, что «фикция советской Беларуси была столь очевидной, что она создавала для большевистских властей реальную проблему» [15, s. 14, 19]. На наш взгляд, разделение дефиниций на «иллюзию» и «фикцию», несмотря на внешнюю схожесть словоупотребления, вполне оправданно. Отграниченность БНР от пилотных проектов Советской Беларуси была очевидной. Небольшевистская государственность, что наглядно демонстрируют источники из сборника под редакцией В. Матерского, так и не смогла адекватно сформировать боеспособные вооруженные силы, исключительно важные для любой формирующейся державности, все варианты белорусских советских республик при их безусловно буферном характере неизменно сопровождала вооруженная сила Красной армии.

Деление же белорусских государственных проектов на «иллюзию» и «фикцию» еще более ста лет тому назад было характерной чертой подходов польского политического класса и в особенности временного начальника возрожденного польского государства Юзефа Пилсудского, не раз применявшего устойчивое словосочетание о «белорусской фикции». Заметим, что такая формулировка в качестве тактического средства была прагматична при отсутствии иного, нежели унитарное государство, варианта реального

восстановления государственности и границ Польши в условиях необходимости жестко реагировать на попытки непольских этносов оформить свою собственную державность. Государственность Беларуси на практике для Пилсудского была всегда неизменно неприемлемой.

И тогда, когда властям в Варшаве нехотя приходилось теоретически размышлять о Беларуси в виде географически вынужденной «буферной территории», правящие круги Польши не заходили дальше размеров существовавшей в 1920–1924 гг. «второй БССР» из части уездов Минской губернии. По верному замечанию В. Матерского, к лету 1919 г. «было очевидно, что даже эвентуальное признание белорусской государственности Варшавой может ограничиться Минщиной, оно не охватит исконные белорусские земли Виленщины и Гродненщины» [15, s. 25]. Этого не смогли в тот момент осознать белорусские несоветские деятели, долго удивлявшиеся тому, что Варшава не спешит даже формально признавать БНР и избегает обсуждения данной проблематики.

Один из напечатанных в сборнике под редакцией В. Матерского источников, фрагмент дневника чиновника Гражданского управления восточными землями Михала Станислава Коссаковского от 5 марта 1920 г., показывает, что в более выгодной с точки зрения геополитики ситуации польский лидер выражался прямо и недвусмысленно: «Пилсудский в Вильно уже отчетливо заявил Ивановскому, что белорусы обязаны порвать с фикцией государственности, забыть, что когда-то существовала Белорусская рада как суррогат правительства, и Ивановский на это вынужден был согласиться» [15, s. 413]. Такой подход временного начальника государства убирал реальную политическую почву из-под ног упомянутого Вацлава Ивановского и других белорусских политиков, рассчитывавших на взаимовыгодные союзнические отношений с Варшавой: в польской столице стремились лишь к их верности властям, но не к национально-культурному, не говоря уже о политическом, измерению белорусского вопроса.

Ю. Пилсудский в своих воззрениях в отношении белорусов был отнюдь не одинок. Источники из сборника под редакцией В. Матерского наглядно демонстрируют, что планам учреждения белорусской державности осознанно противостояли не менее четырех значимых направлений польского политического социума: во-первых, пилсудчики, лишь теоретически окормлявшие федералистскую концепцию, которая в практической реальности оказалась полностью непригодной; во-вторых, эндеки и их вождь Роман Дмовский, приверженные в белорусском вопросе инкорпорационной концепции; в-третьих, польские помещики и часть образованного общества Минщины и восточнобелорусских территорий, продвигавшие свои интересы в виде проекта полного контроля возрождающейся Польши над рубежами Речи Посполитой 1772 г.; в-четвертых, активные члены РКП(б) польского происхождения, не поддерживавшие национальную политику партии и наркомнаца РСФСР в отношении белорусского населения.

Такой разноплановый ракурс уместен в отношении традиционного стереотипа польской (и не только) историографии со столетней историей о слабости белорусского национального движения, упомянутого и в тексте предисловия В. Матерского к сборнику. Варшавский исследователь считает, что белорусское движение к 1918 г. «располагало относительно слабыми политическими элитами, опытность которых трудно сравнить с грузинскими, украинскими или польскими» [15, s. 13]; при этом «только формирующееся национальное движение <…> ограничивалось узкими интеллигентскими кругами» [15, s. 15]. Как показывают опубликованные в сборнике источники, этот подход точно отражает воззрения пилсудчиков и их лидера в то время. Ю. Пилсудский не доходил до признания несуществующим национального политического течения у белорусов, а его непримиримый политический оппонент Р. Дмовский прибегал, как показывает его записка В. Вильсону о территории польского государства от 8 октября 1918 г. и к такому аргументу: «Белорусы представляют собой абсолютно пассивный расовый элемент. Среди них нет никакого национального движения; нет также даже зачатков белорусской литературы» [15, s. 77].

Тезис о немощности белорусского движения и узости его интеллигентской социальной базы позволял Пилсудскому проводить в белорусском вопросе политику свободы рук. Такое нехитрое упрощение реального положения на белорусских землях охотно брали на вооружение и многие советские деятели, в том числе поляки по национальности. В. Матерский весьма перспективно для дальнейших исследований оценивает стартовавшие 22 июля 1919 г. негласные контакты советского поляка Юлиана Мархлевского с властями Польши как «неблагоприятные для дела интегральности белорусских земель изменения в отношениях Варшавы и Москвы» [15, s. 23]. Вне всякого сомнения, советско-польское соглашение по вопросу границ на любых условиях в то время неизбежно вело к расколу этнографической территории расселения белорусов; Рижский мир 18 марта 1921 г. в конечном итоге реализовал один из таких возможных вариантов.

Устойчивый историографический стереотип о «слабости белорусского движения» подлежит не менее чем трем значимым уточнениям: 1) характерная для многих историков практика тщательного сравнивания его с процессами на других «национальных окраинах» империи Романовых, в том числе с положением в Закавказье, которое особо интересует В. Матерского в связи с его исследовательским интересом к Грузии, далеко не всегда результативна и не учитывает специфику белорусских национальных процессов; 2) в 1918 г. белорусское национальное движение реально обладало более широкой социальной базой, значительно превосходившей узкие круги политиков из числа интеллигентов в первом поколении – за ними стояли многочисленные слои крестьянского населения; 3) не стоит искусственно сводить национальное движение белорусов лишь к небольшевистским его проявлениям, оно имело и значимую советскую составляющую в деятельности и идеях Александра Червякова и других советских руководителей с ярко выраженным белорусским

самосознанием, по многим проявлениям не противоречившим ментальности их политических оппонентов.

Стоит особо подчеркнуть, что в белорусской историографии 2010-х гг. при обращении к белорусскому вопросу периода 1918–1921 гг. практически отсутствует прямая трансляция исследовательских подходов современных польских историков. Такие прецеденты случаются, и нередко, в оценках ситуации 1921–1939 гг. – в этом отношении характерно название главы 2 «Беларусь и Польша в тисках тоталитарных держав» в монографии В.Е. Снапковского 2017 г. «Путь через столетие: белорусско-польские отношения 1918–2017 гг.» [14, с. 56]. Созвучны этому взгляду и формулировки гомельского историка Григория Лазько в статье, посвящённой историческим условиям объединения Беларуси в сентябре 1939 г. Исследователь считает, что «объединение было проведено в результате сговора двух диктаторов Гитлера и Сталина, которые меньше всего беспокоились об интересах белорусского народа <…>. К тому времени репрессии против белорусского движения, параллельно развёрнутые авторитарным санационным и тоталитарным сталинским режимами существенно ослабили его в Западной Беларуси и уничтожили в советской Беларуси» [7, с. 31].

Следует заметить, что при таком подходе не только привычно для современной польской исторической политики (и крайне непривычно – для современной белорусской исторической политики) стирается принципиальная для межвоенной ситуации в Беларуси разница между политическими режимами в Берлине и Москве. Уходит в густую тень одна из главных причин окончательного разрешения советско-польских территориальных споров осенью 1939 г., которую емко сформулировал в своей монографии 2009 г. известный польский историк и дипломат, посол Польши в Российской Федерации (2010–2014) Войцех Зайончковский: «Гений создателей СССР заключался в том, что они отнеслись к социальной действительности империи, точнее к ее этнической дифференциации, не как к врагу, а как к силе, которую можно использовать для целей революции. Культурные стремления и языки меньшинств, которые подавляли и душили в царские времена, сделались орудиями в руках новых властей» [17, s. 188–189].

Что же касается оценок процессов, именуемых В. Матерским «польско-белорусским узлом», то современные белорусские историки не склонны рассматривать их именно в таком ракурсе. Даже в специально посвященной периоду 1918–1921 гг. обширной главе упомянутой монографии соавтора В. Матерского В.Е. Снапковского содержится такой вывод: «В восточной политике Польши Беларусь занимала подчиненное в сравнении с Украиной и Литвой положение. Разрешение белорусского вопроса польские руководители, прежде всего Ю. Пилсудский, ставили в зависимость от решения украинского и литовского вопросов» [14, с. 35]. Логично предположить, что никакого «польско-белорусского узла», по мнению В.Е. Снапковского, или не было вообще или это был малозначимый «узелок».

А вот оценка исследователем федеративных конструкций польских политиков, наоборот, выглядит существенно преувеличенной: «Федералистские планы Пилсудского были направлены на создание либо литовско-белорусского государства в тесной федерации с Польшей, либо белорусской национально-культурной автономии в составе последней» [14, с. 35]. Имеющийся корпус источников, включая и те, что пространно представлены в сборнике «Польско-белорусский узел 1918–1921», позволяет уверенно говорить о линии Пилсудского в белорусском вопросе исключительно в настойчивом акценте на полное непризнание каких бы то ни было вариантов государственности для «белорусской фикции» и окончательном отказе уже к началу активных военных действий в 1920 г. от любых практических воплощений федеративных идей.

Заметные подвижки в развитии белорусскими исследователями проблематики белорусского вопроса в 1918 – 1921 гг. относятся прежде всего к уверенной акцентации проблематики государственности Беларуси этого периода [4; 6; 13]. Такой исследовательский ракурс в обращении к проектам как советской, так и антибольшевистской державности не оставляет значимых возможностей для поиска точек соприкосновения с современной польской исторической наукой. Это полностью применимо и к приоритетной для исследования белорусско-польских отношений данного периода теме дипломатических контактов, и в особенности времени подготовки и заключения Рижского мирного договора 1921 г. [5; 13]. В частности, польские историки не согласны ни с прежней однозначно негативной оценкой белорусскими коллегами Рижского мира и его последствий, ни с современными трактовками этих событий, представленными, в частности, в третьем томе «Истории белорусской государственности» (2019): «По условиям Рижского мирного договора Польша признала независимость и государственный суверенитет ССРБ» [6, с. 247], а также, в более мягкой форме, в монографии В.Е. Снапковского: «Рижский мирный договор стал первым легитимным международно-правовым актом XX в., который закрепил за Беларусью (названия государства в тексте не приведено) и белорусским народом ряд важнейших атрибутов государственности и национальных прав. <…> договаривающиеся стороны признавали независимость Беларуси, как и Украины, что давало основания Москве и Минску считать, будто бы это означает признание именно ССРБ, ибо коммунисты контролировали территорию республики, а правительство БНР находилось в эмиграции» [14, с. 36]. Именно дипломатическая сторона проблемы изучается углубленно, с привлечением новых для белорусской историографии источников, в том числе из польских архивов, что в особенности характерно для опубликованной в 2017 г. монографии Ольги Боровской «Белорусский вопрос на советско-польских переговорах 1918–1921 гг. [2] и написанных при ее активном участии обширных разделов значимых коллективных трудов 2014 и 2019 гг. [13, с. 151–190; 6, с. 199–251].

В.Е. Снапковский отмечает недостатки белорусской историографии до начала 2010-х гг. «условно “антипольские” оценки не уравновешены, по нашему

мнению, соответствующими характеристиками политики советской России в отношении к Беларуси» [14, с. 9]. Усилиями этого исследователя, О.Н. Боровской и ряда других белорусских историков преимущественно комплиментарный подход в изучении советской внешней политики этого периода уступает место более взвешенным оценкам, но при этом недостаточное внимание уделяется различным подходам высокопоставленных советских руководителей к целям и итогам войны с Польшей и месту белорусских дел в этом комплексе проблем. Как и в работах ряда российских историков, ряд ключевых выводов делается на основе повышенного доверия к дипломатическим документам, прежде всего НКИД РСФСР, без строго необходимого в этом случае учета параллельной внешней политики большевиков в лице созданного в 1919 г. Коминтерна. Думается, постановка вопроса сквозь призму «польско-белорусского», а еще конструктивнее - «польско-белорусско-советского», узла может придать исследованиям по данной проблематике дополнительный импульс.

Таким образом, 2010-е гг. представляются достаточно самостоятельным, крайне интересным и в целом продуктивным периодом изучения важнейших составных частей белорусского вопроса периода 1918–1921 гг. как в польской, так и в белорусской историографии. Польский исследовательский инструментарий пополнился перспективным понятием «польско-белорусского узла», профессиональные возможности белорусских историков все чаще расширяются за счет активного использования источников, в том числе архивных, на польском языке и современной польской историографии по данной проблематике. При этом даже в условиях, когда большую часть этого десятилетия соображения политической целесообразности влияли на выводы историков несколько меньше, чем прежде, принципиального сближения позиций специалистов двух стран так и не произошло.

Литература

1. Адамский Л. Архаичный синтез // Неділя. 2013. 10 листопада.
2. Бароўская В.М. Беларускае пытанне на савецка-польских перагаворах 1918–1921 гг. Мінск, 2017.
3. Беларуская Народная Рэспубліка – крок да незалежнасці: да 100-годдзя абвяшчэння: гістарычны нарыс. Мінск, 2018.
4. Беларуская Народная Рэспубліка ў гісторыі беларускай нацыянальнай дзяржаўнасці. Мінск, 2020.
5. Да 90-годдзя прыняцця Рыжскага дагавору 1921 г: матэрыялы з гісторыі польска-беларускіх узаемаадносін у XX ст.: зборнік навуковых прац III міжнароднай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі, Мінск, 9–10 чэрвеня 2011 г. Мінск, 2012.
6. История белорусской государственности. В 5 т. Т. 3: Белорусская государственность: от идеи к национальному государству (1917–1939 гг.). Минск, 2019.
7. Лазько Р.Р. Нас аб'ядналі – хто? – Чужаніцы ... // Восень 1939 года ў гістарычнай традыцыі і вуснай гісторыі. Мінск, 2015.
8. Матэрскі В. Польшча – Беларусь (1921–1953) // arche.by. 2013. 5 ліпеня.
9. Мезга Н.Н. Между наукой и политикой: советско-польские отношения в историографии России и Польши 1918–1941 годов. Гомель, 2014.

10. Мезга Н.Н. Советско-польские отношения в советской и польской историографии 1918–1941 гг.: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Минск, 2016.
11. Польша – Беларусь, 1921–1953: сборник документов и материалов. 3-е изд. Минск, 2018.
12. Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012.
13. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921-1953 гг. В 2 кн. Кн. 1. Минск, 2014.
14. Снапкоўскі У.Е. Шлях скрозь стагоддзе: беларуска-польскія адносіны 1918–2017 гг. Мінск, 2017.
15. Materski W. (wybór i opracowanie). Węzeł polsko-białoruski 1918–1921. Dokumenty i materiały. Warszawa, 2018.
16. Polacy na Białorusi. Od końca XIX do początku XXI wieku. Wybrane problemy stosunków polsko-białoruskich. T. I–III. Warszawa, 2017–2019.
17. Zajączkowski W. Rosja i narody. Ósmy kontynent. Szkic dziejów Eurazji. Warszawa, 2009.

Y.A. Borisenok
Moscow State University
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

Key aspects of the Belarusian issue of the period 1918–1921 in the interpretations of the Polish and Belarusian historical science in the 2010s

Key words: *Polish historiography; Belarusian historiography; Polish-Belarusian knot; Belarusian question; Riga peace treaty.*

The article shows that in the Polish and Belarusian historiography of the 2010s, while maintaining the traditional disagreements that formed back in the interwar period, new promising scientific approaches to the Belarusian issue emerged in the period 1918-1921. In the Polish historical science, attention is drawn to the concept of the "Polish-Belarusian knot" and the comparison of attempts to restore Polish statehood since 1916 with the formation of Belarusian state structures since 1918. A number of Belarusian historians have brought their positions closer to their Polish colleagues in assessing the causes and results of the Soviet-Polish war.

Т.В. Долгач

Институт истории
Национальной академии наук Беларуси

УДК 930.23(438):94(476)“ XIX/1930”

Формирование польской историографической концепции о Беларуси в конце XIX – 20-е годы XX века*

Ключевые слова: *историография; белорусистика; II Речь Посполитая; Польша; Беларусь; краковская школа; варшавская школа; «Kresy wschodnie»; ягеллонская идея.*

В статье рассматривается формирование польской историографической концепции о Беларуси в конце XIX – 20-е гг. XX в. Отмечается, что научные представления о белорусах развивались в рамках сложившихся историографических школ – краковской и варшавской. В статье показано влияние ягеллонской идеи, а также политических интересов и потребностей возрожденного польского государства на формирование польского историографического корпуса о Беларуси.

Создание национальной концепции истории Беларуси невозможно без основательного анализа теоретических подходов к изучению истории государства в предшествующие эпохи. Целостное представление о прошлом Беларуси можно получить только при комплексном исследовании отечественных и зарубежных историографических концепций. Особый интерес при этом представляет взгляд на прошлое страны со стороны её ближайших соседей, с которыми Беларусь объединена общими историческими сюжетами.

Наличие значительного числа общих для Беларуси и Польши страниц истории привело к оформлению большого количества независимых центров, в которых занимаются исследованием проблем исторического белорусоведения в Польше. Это и кафедра белорусоведения в Варшаве, специальный центр – Centrum Studiów Białoruskich, специализирующийся на исследованиях конкретно белорусской проблематики. Важным центром белорусистики в Польше является Белостокский университет, интерес к проблемам истории Беларуси проявляли и проявляют историки Торуньского университета им. Н. Коперника и др.

Общие для обеих стран исторические проблемы занимают значительное место в польских исследованиях о Беларуси. Огромный пласт работ посвящен белорусско-польской медиевистике, истории нового времени, некоторым проблемам новейшего времени. Выделяется и историографический комплекс, посвященный событиям XX в.

* Исследование выполнено при поддержке БРФФИ и РФФИ в рамках научного проекта Г20Р-011 «Современное зарубежное историческое белорусоведение: эволюция методологических подходов и оценок».

Отметим, что формирование некой историографической концепции о Беларуси в Польше началось ещё в конце XIX в. и её теоретические основы выстаивались вокруг изучения в первую очередь истории Речи Посполитой, уний Короны Польской и Великого княжества Литовского. На рубеже XIX – XX вв. возрос интерес польских исследователей непосредственно к истории Беларуси. Это было обусловлено потребностями польского национального движения и требовалось для обоснования права Польши на *Kresy Wschodnie* [2, с. 154].

Термин *Kresy Wschodnie,* или восточные окраины, повился в середине XIX в. и подразумевал территории восточнее линии Вильно–Львов, которые до разделов 1772 г. входили в состав Речи Посполитой. Безусловно, это не просто топографическое наименование, понятие имело и культурно-исторический контекст, связанный с цивилизаторской миссией Польши на востоке. В период существания II Речи Посполитой термин употреблялся на официальном уровне в отношении входивших в её состав Западной Беларуси и Западной Украины с целью подчеркнуть «польскость» этих территорий.

Анжей Новак полагает, что *Kresy* имеет ещё и временной смысл: в условиях разделов Речи Посполитой так обозначали не только окраины государства, но и конец существования польской культуры. Под влиянием Российской империи, а затем конкуренции новых национальных идей – украинской, литовской, белорусской – польская культура утратила на этих землях свою позицию и терпела постоянный регресс. Слово *Kresy*, согласно Новаку, тесно связано с чувством утраты. [17]

Идея кресов и «польскости» кресов была связана со спецификой восприятия польской общественностью белорусского населения. В связи с этим польская историография о белорусах формировалась в условиях некоторых стереотипных представлений и заблуждений. Так, сложившаяся к концу XIX в. дихотомия *поляк-католик* и *белорус-православный* при отсутствии понятия *белорус-католик* искажала представления об этническом составе территорий. Отметим, под влиянием публикации материалов Виленской археографической комиссии и результатов Всероссийской переписи населения 1897 г. некоторые польские историки стали осторожнее высказываться в отношении количества поляков на территории Беларуси. Однако возможная гибкость подходов польской историографии о белорусах в начале XX в. нивелировалась медленным развитием непосредственно белорусской историографии [2, с. 156].

К началу XX в. в польской историографии сложились две основные историографические школы по изучению прошлого Беларуси: краковская и варшавская. Краковская возникла в той части бывшей Речи Посполитой, которая после разделов конца XVIII в. вошла в состав Австрии. Внутриполитические события в Австрии привели к трансформации империи в так называемую «дуалистическую монархию» (с 1862 г. – Австро-Венгрия) и предоставлению некоторых прав самоуправления окраинам. Культурная и научная автономия последних проявлялась через деятельность университетов и подготовку собственных исследовательских кадров. Так, в Кракове действовала

историческая кафедра в рамках работы Ягеллонского университета, с которой связаны имена известных представителей польской исторической мысли – Михала Бобжиньского (*Michał Hieronim Bobrzyński, 1849–1935*), Станислава Смольки (*Stanisław Smolka, 1854–1924*), Юзефа Шуйского (*Józef Szujski, 1835–1883*) [14, с. 16]. Все они стояли на позициях цивилизаторской миссии Польши, а в исследованиях М. Бобжиньского восточная граница Польши совпадала с восточной границей Великого княжества Литовского.

С 1872 г. в Кракове действовала *Akademia Umiejętności*. На торжественном открытии Академии присутствовал император Франц Иосиф, что подчеркивало одобрительное отношение официальных властей к развитию польской научной мысли. При академии была основана комиссия, которая занималась источниковедческой эвристикой, публикацией исторических источников, научных сборников, монографий. Одним из сотрудников комиссии в конце XIX в. стал Феликс Кароль Конечный (*Feliks Karol Koneczny, 1862–1949*). В 1901 г. вместе с Марианом Здзеховским (*Marian Zdziechowski, 1861–1938*) и другими единомышленниками он создал в Кракове Славянский клуб. Цель возникшего интеллектуального сообщества лежала в области распространения знаний о славянских народах, их культуре, искусстве, религиозных взаимоотношениях, информирования о проблемах в системе образования и социальной жизни. Официальным печатным органом Славянского клуба стал ежемесячный журнал *Świat Słowiański*, основной задчей которого являлось воспитание знатоков славянской культуры, экспертов, свободных от политической ангажированности [7, с. 710]. На страницах этого журнала публиковались статьи, касающиеся польско-российских взаимоотношений, истории Польши и соседних народов, отчеты о заседаниях клуба, реферативные изложения книг славянских авторов, обзоры славянской прессы, в том числе о белорусских территориях. Обзоры прессы рисуют специфическую, но вполне объяснимую картину восприятия белорусских территорий в польской общественной мысли: в публикациях территория Беларуси воспринималась как закономерное продолжение Великого княжества Литовского. В целом журнал имел панславянскую окраску и зачастую демонстрировал мессианские взгляды авторов публикаций на роль Польши в истории.

В иных условиях развивалась варшавская школа. В Царстве Польском после подавления восстания 1863–1864 гг. были закрыты все высшие учебные заведения, запрещено издание журналов исторической тематики. Несмотря на это, учёные продолжали свою работу, однако она финансировалась за счёт частных пожертвований. Проблемное поле исследований также имело отличия от краковской школы: они строились в большей степени вокруг анализа социально-экономических и культурных проблем. Тем не менее историки варшавской школы разделяли и продолжали ягеллонскую идею*, которая

* Впервые «ягеллонская идея» была введена в научный оборот Феликсом Конечным, профессором Краковского университета, автором работ по истории Польши и ВКЛ, теории цивилизаций [9].

предполагала создание польского федеративного государства путём включения в него территорий современных Литвы, Беларуси, Украины. Данная идея перекликалась с концепцией краковской школы в видении цивилизаторской миссии Польши на востоке, однако предусматривала бескомпромиссную конфронтацию с Москвой, в то время как представители краковской школы не отказывались от идеи польско-российского договора.

Ягеллонская идея строилась вокруг тезиса «безисторичности народов», согласно которому если народ не имеет собственного государства, он не имеет истории. К таким «безисторичным» народам сторонники ягеллонской идеи относили и белорусов. Так, Оскар Халецкий (*Oskar Halecki, 1891–1973)* – преподаватель курса восточно-славянской истории Варшавского университета отмечал независимость Великого княжества Литовского от Московской Руси, но всю историю Беларуси сводил к сближению с Польшей [15, с. 564].

Схожие взгляды прослеживались и в работах Леона Василевского (*Leon Wasilewski, 1870–1936*) – историка, члена Польской партии социалистов, а впоследствии первого министра иностранных дел II Речи Посполитой. Он писал о белорусах как о людях, которые «не выдерживают сравнения с государственными народами, хотя некоторые черты приближают их к некоторым из них» [10, с. 82]. Автор делает вывод, что белорусы не имеют собственных государственных традиций, что отдаляет их от государственных народов.

В 1912–1914 гг. была опубликована книга *Litwa i Białoruś. Przeszłość – teraźniejszość – tendencje rozwojowe* под авторством Л. Василевского [5]. Она стала одним из первых трудов в польской историографии, посвящённой «белорусскму вопросу» и белорусской истории начала XX в. Автор констатировал зарождение белорусского национального движения, описал идеологические и политические различия между белорусами и литовцами. Л. Василевский, продолжая ягеллонскую идею, выступал за федерацию Польши, Литвы и Беларуси и союз с независимой Украиной. Был противником идеи полонизации белорусов и украинцев, призывая правительство II Речи Посполитой к выработке взвешенной национальной политики возрожденной Польши и обеспечению национальным окраинам равных прав с поляками. Эти идеи нашли выражение в его монографии *Litwa i Białoruś. Zarys historyczno-politycznych stosunków narodotwórczych*, опубликованной в 1925 г. [4].

После возрождения польского государства в 1918 г. под влиянием ягеллонской идеи развивались взгляды польской политической элиты на формирование восточных границ государства [12, с. 131]. Политические амбиции Польши оказали влияние и на научную сферу, способствовали выходу ряда работ польских историков, в которых авторы пытались оправдать историческую легитимность включения белорусских земель в состав Польского государства. Так, в 1919 г. увидела свет работа Кшиштофа Олендзкого (*Krzysztof Olędzki*) *Kresy wshodnie a Polska*, в которой автор определял, что жители *Kresów wschodnich* не способны создать сильное правительство, поскольку не имеют подобного исторического опыта [16]. Без сильной власти эти земли неизбежно

окажутся в «московской неволе». Исходя из этого, Олендзкий делает вывод, что помочь *Kresam* сможет только сильный сосед, коим в его глазах являлась Польша. Упреждая вопрос, почему «безгосударственным» белорусам стоит идти за своим западным, а не восточным соседом, Олендзкий пишет, что «лучше идти с просвещенным Западом, чем варварским востоком, который … с идей коммунизма учинил смесь крови, позора и угнетения» [12, с. 565].

Концепция Олендзкого во многом была созвучна федералистской идее Юзефа Пилсудского, который хотел собрать «в границах Речи Посполитой три братских народа: поляков, русинов и литвинов, восстановить и укрепить старую и светлую традицию Люблинской унии», и подчеркивала наметившуюся конвергенцию политической и научной идей [12].

Политические планы Польши относительно её восточной границы обусловили интерес учёных к истории уний Короны Польской и Великого княжества Литовского. В 1919 г. вышла работа Освальда Бальцера *Tradycya dziejowa unii polsko-litewskiej* (*Oswald Marian Balzer, 1858–1933)* [1]. Автор отметил двойственность подходов польских политических сил к политике относительно Литвы (под которой подразумевал все земли бывшего Великого княжества Литовского). Оба подхода предусматривали объединение Польши и Литвы, но на разных принципах: первый – на основе дуалистического устройства, второй основывался на идее более тесного объединения и не предусматривал некой самостоятельности для Литвы [12, с. 564].

Идею «тесного» объединения – фактически инкорпорации белорусских, украинских, литовских территорий в состав Польши - поддерживал Станислав Кутшеба (*Stanisław Kutrzeba, 1876–1946*), который полагал, что само население территорий бывшего Великого княжества Литовского является сторонником присоединения, а не федерации [8].

В октябре 1919 г. была торжественно возобновлена деятельность Виленского университета (с 1919 по 1939 гг. - *Uniwersytet Stefana Batorego).* В нем работали видные польские историки Генрик Ловмяньский (*Henryk Łowmiański, 1898–1984*), Феликс Конечный и др. Почётным профессором университета, а затем ректором являлся Мариан Здзеховский.

Мариан Здзеховский родился в д. Новосёлки близ Ракова – местечка Минской губернии (сейчас – Воложинский район Минской области, Республика Беларусь), однако был носителем польской идентичности. Впрочем, как справедливо полагают исследователи, его самоидентификация скорее соответствовала идее «краёвости», имела отсылки к исторической Речи Посполитой и была выражена в его словах: «И если бы меня сегодня спросили, кем я чувствую себя в своем сердце, я бы ответил, что чувствую себя гражданином Великого княжества Литовского, неразрывно связанного с Польшей. Когда я вижу флаг с орлом, но без погони, который развевается с высоты Замковой горы, я воспринимаю это как оскорбление, нанесенное мне лично» [11].

Здзеховский являлся выразителем консервативной идеи, в связи с чем поддерживал культурные и экономические интересы польскоязычной шляхты,

высокую ценность придавал частной собственности, в связи с чем резко критиковал земельную реформу, которая была проведена во II Речи Посполитой.

Здзеховский не был сторонником белорусской идеи, как и сторонником самоопределения и развития малых народов. Он утверждал, что только в больших «национальных и государственных бассейнах» человек может достичь высочайшего человеческого типа, только большие «фабрики культуры» великих исторических народов производят полноценные общечеловеческие ценности во всех сферах духовного творчества [18, с. 165–166]. Однако, что касается национальной политики в отношении белорусских территорий, Здзеховский настаивал на предоставлении национальным меньшинствам (к коим относил белорусов) возможности для национально-культурного развития. Для этого, по его мнению, полагалось содействовать развитию их образования на национальных языках, обеспечить возможность выпускникам национальных школ поступать в польские университеты.

Таким образом, в конце XIX – 20-х гг. XX вв. в польской историографии существовало несколько концепций относительно Беларуси, однако в основе их лежала ягеллонская идея, которая впоследствии стала важным внешнеполитическим ориентиром возрожденного польского государства. Несмотря на некоторый плюрализм мнений, с появлением на карте Европы II Речи Посполитой историческая наука оказалась под значительным влиянием государственной идеологии и стала делать акценты на тех проблемах, которые отражали политические амбиции молодого государства.

Литература

1. Balzer O. Tradycya dziejowa unii polsko-litewskiej. Lwòw-Warszawa: Nakładem księgarni Gubrunowicza i syna, 1919. 24 s.
2. Белазаровіч В.А. Гістарыяграфія гісторыі Беларусі: дапаможнік; пад агульн. рэд. І.П. Крэня, А.М. Нечухрына. Гродна: ГрДУ, 2006. 346 с.
3. Bobrzyński M. Dzieje Polski w zarysie. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1879. 495 s.
4. Wasilewski L. Litwa i Białoruś. Zarys historycznopolitycznych stosunków narodotwórczych. Warszawa, 1925.
5. Wasilewski L. Litwa i Białoruś. Przeszłość – teraźniejszość – tendencje rozwojowe. Kraków, 1912.
6. Дианова В.М. Теория цивилизации Феликса Конечного: своеобразие и смысловие параллели // Философское обозревание. 2015 Вып. 1 (6). С. 154–164.
7. Дианова В.М., Скочиньский Я.Г. «Славянский клуб» в Кракове: научно-просветительская деятельность в 1901–1912 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. Вып. 4. С. 709–720.
8. Kutrzeba S. Polska odrodzona 1914–1921. Kraków: Gebethner i Wolff, 1921. 230 s.
9. Koneczny F. Jagiełło i Witołd (1382 – 1392) // Przewodnik naukowy i literacki. 1892. R. XX. T. XX. Z. I. Styczen.
10. Королёв Г. Беларусское национальное движение в оценках Леона Василевского // Шосты міжнародный кангрэс даследчыкаў Беларсі. Працоўныя матэрыялы. Т. 6. Вільня, 2017. С. 81–84.
11. Кручковский Т.Т. Некоторые дискуссионные историографические проблемы исторического прошлого и современности польского национального меньшинства в Беларуси

(ответ на рецензию А.Ф. Смоленчука на книгу – T. Kruczkowski Polacy na Białorusi na tle historii i współczesności, Słonim 2003.) // Гістарычны Альманах. Гродна, 2004. Т. 9.

12. Мезга Н.Н. Обоснования территориальных претензий Польши на Востоке в польской историографии 1919–1921 гг. // Актуальные проблемы и перспективы изучения новой и новейшей истории зарубежных стран: материалы междунар. науч.-теорет. конф., посвящ. 75-летию образования каф. истории Нового и Новейшего времени / редкол.: В.С. Кошелев (пред.) [и др.]. Минск: Изд. центр БГУ, 2012. С. 131–133.

13. Мезга Н.Н. Политическое наследие эпохи Ягеллонов в оценках польской и советской межвоенной историографии // Беларусь в современном мире = Беларусь у сучасным свеце: материалы XVIII Междунар. науч. конф., посвящ. 98-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 30 окт. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Г. Шадурский (пред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2019. С. 563–567.

14. Мікалаева Л.В. Погляд на маскоўска-літоўскія палітычныя канфлікты ў канцы XIV – першай палове XVI стагоддзяў у польскай гістарыяграфіі XIX стагоддзя // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории: сб. науч. тр. Вып. 3 / редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. Минск: РИВШ, 2019. С. 16–22.

15. Мязга М.М. Польская міжваенная гістарыяграфія аб усходняй палітыцы Польшчы ў час польска-савецкай вайны 1919–1920 гадоў // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, № 4(73). Гомель, 2012. С. 563–567.

16. Olędzki K. Kresy wshodnie a Polska. Warszawa: Druk. Z. Swiętońskiego, 1919. 16 s.

17. Радзік Р. Палякі – Беларусы: узаемныя стэрэатыпы ў XIX і XX ст. (да 1939 г.) // Беларускі гістарычны агляд. 1997. Т. 4. Сш. 1–2 (6–7). Снежань.

18. Самойла У. Праф. Зьдзехоўскі аб беларускай душы. Выбранае; уклад., падрыхтоўка тэкстаў, уступ. слова, агульнае рэдагаванне Наталлі Гардзіенкі, Лявона Юрэвіча; камент. Наталлі Гардзіенкі, Аляксандра Пашкевіча, Лявона Юрэвіча. Мінск: Кнігазбор, 2017. 288 с.: [4] с. іл. (Бібліятэка Бацькаўшчыны; кн. 34).

T.V. Dolgach

Institute of History National Academy of Sciences of Belarus

Formation of the Polish historiographical concept of Belarus in the late XIX-20s of the XX century

Key words: *historiography, Belarusian studies; II Polish-Lithuanian Commonwealth; Poland; Belarus; Krakow school; Warsaw school; "Kresy wschodnie"; Jagiellonian idea.*

The article deals with the formation of the Polish historiographical concept of Belarus in the late XIX-20s of the XX century. It is noted that scientific ideas about Belarusians developed within the framework of the established historiographical schools – Krakow and Warsaw. The article shows the influence of the Jagiellonian idea, as well as the political interests and needs of the revived Polish state on the formation of the Polish historiographical corpus about Belarus.

О.В. Кобец

Смоленская государственная академия физической культуры, спорта и туризма

УДК 94 (47)/94 (476)

Белорусизация «по Рудлингу»*

Ключевые слова: *национальная политика; белорусизация; сопротивление; Рудлинг.*

В статье дается характеристика одного из основных положений книги Пера Андерса Рудлинга «Подъем и падение белорусского национализма, 1906–1931 гг.)» (Rudling, Per Anders. The Rise and Fall of Belarusian Nationalism, 1906–1931) о том, что население Белоруссии не было готово к принятию и проведению политики белорусизации в русле решений X и XII съездов РКП(б) и всемерно сопротивлялось данной политике. Автор анализирует указанный тезис Рудлинга на примере Смоленской губернии, соглашаясь с самим фактом неприятия белорусизации, но не со степенью сопротивления ей.

С того времени, когда началась политика белорусизации прошло уже фактически 100 лет.

Наиболее полно содержание понятия «белорусизация» было отражено в определении, сформулированном в середине 1920-х гг. главным государственным органом, отвечавшим за реализацию данной политики в Белоруссии – Центральной Национальной Комиссией ЦИК БССР. Под белорусизацией в широком смысле этого слова следовало понимать: развитие белорусской культуры на белорусском языке; выдвижение белорусов на партийную, советскую, профессиональную и общественную работу; перевод партийного, государственного, профессионального, кооперативного аппаратов и частей Красной Армии на белорусский язык» [7, с. 9].

Чаще всего в историографии вопроса начало практической работы по белорусизации относится к июлю 1924 г., когда вторая сессия ЦИК БССР VI созыва приняла постановление «О практических мероприятиях по проведению национальной политики». После этого была сформирована специальная комиссия по осуществлению национальной политики во главе с А.И. Хацкевичем. С этого момента белорусизация становится государственной политикой Белорусской республики.

На самом же деле этот процесс начался в республике существенно раньше. Еще в декабре 1920 г. Всебелорусский съезд Советов, а затем и вторая сессия ЦИК Белоруссии (февраль 1921 г.) постановили принять все меры к усилению работы на языке подавляющего большинства трудового крестьянства Белоруссии – на языке белорусском; перевести постепенно все учреждения, где

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-59-00001/20 «Современное зарубежное историческое белорусоведение: эволюция методологических подходов и оценок».

обучались дети-белорусы, на их «материнский» язык преподавания; развить усиленную работу по подготовке учителей, которые могли бы вести преподавание на белорусском языке.

Как видим, Белоруссия выдвинула вопросы национального строительства на первое место даже на несколько месяцев раньше, чем такую политику поставил на повестку дня в марте 1921 г. X съезд РКП(б).

При этом для всех было очевидно и то, что сама молодая белорусская республика, входившая тогда в состав РСФСР, только что вышедшая из сражений польско-советской войны, с полностью разрушенной экономикой, была фактически не готова на этом этапе к практическому проведению у себя политики белорусизации, особенно в материальном и кадровом отношении. Об этом свидетельствовала сама Центральная национальная комиссия [7, с. 12]. Да и в целом по Российской Федерации зашедшая в тупик политика «военного коммунизма» не давала поводов для оптимизма в отношении скорого восстановления хозяйства после только что завершившейся Гражданской войны.

Тогда чем объяснялся такой резкий поворот в сторону *неотложного* разрешения национального вопроса именно в это время, т.е. ранней весной 1921 г.?

Нам представляется, что наиболее аргументированный ответ предлагает в своей известной работе «На крутых поворотах белорусской истории» Ю.А. Борисенок, который показывает, что белорусизация была в первую очередь вызвана стремлением российских центральных властей показать противоположность своей национальной политики и практик полонизации в западных частях Белоруссии после Рижского мира [1, с. 14].

Трудная работа по подготовке текста Рижского мирного договора велась долгие месяцы, начиная, по сути, с октября 1920 г. Договор будет подписан 21 марта 1921 г. А решения X съезда по развитию национальной государственности на своих языках будут рассмотрены до того – 10 марта! Москва хорошо понимала, считает Ю.А. Борисенок, что Польша Пилсудского не откажется от провозглашенной ею ассимиляторской политики на получаемых белорусских и украинских землях. Потому решения X съезда следует рассматривать как некий политически упреждающий шаг по национальному строительству на советских территориях Белоруссии и Украины. Ю.А. Борисенок заключает в этой связи: «Решение белорусского вопроса путем белорусизации начало реализовываться с 1921 г., когда стало окончательно ясно, что РСФСР не избежать достаточно длительного и беспокойного соседства с возрожденной II Речью Посполитой» [1, с. 95].

В году, предшествующем выходу в свет названной работы Ю.А. Борисенка, т.е. в 2012 г., была издана на чешском языке книга исследовательницы из Карлова университета Алены Марковой «Советская белорусизация как путь к нации». В целом очень положительно оценивая работу Марковой, Ю.А. Борисенок с явным сожалением пишет о том, что автор «совершенно не придала значения внешнеполитическому измерению белорусизации» [1, с. 27].

Сама же Алена Маркова не соглашается с основными оценками процесса белорусизации, предложенными в изданной в 2014 г. книге «Подъем и падение белорусского национализма» [9] шведско-американского историка Пера Андерса Рудлинга, специалиста по истории украинского и белорусского национализма, профессионально изучавшего русский язык в Швеции, историю в Калифорнии (США), защитившего докторскую диссертацию по истории в университете Канады, работающего в Швеции, гражданина двух государств – США и Швеции. Книга издана в университете Питтсбурга (Пенсильвания, США), поэтому она может быть отнесена и к американской историографии по белорусоведению.

Имя Рудлинга хорошо известно белорусским историкам, особенно специалистам по Второй мировой войне: он активно публиковался по проблемам геноцида и холокоста на земле Белоруссии, писал о Хатыни и сожженных деревнях республики, о нацистском терроре и белорусском коллаборационизме. Книга 2014 г. показывает виденье автором всей многогранной истории белорусского национализма начиная с конца XIX в. и до его разгрома в начале 1930-х гг.

Непосредственно интересующему нас вопросу – белорусизации – посвящены глава 4 (о белорусизации и коренизации), глава 6 (оппозиция белорусизации) и глава 8 (о подавлении белорусского «коммунистического национализма»). При этом автор показывает и параллельный процесс подавления белорусского национализма на землях, занятых поляками по результатам Рижского мирного договора.

В работе Рудлинга достаточно слабая источниковая база: он опирается в основном на большое количество опубликованных ранее исследований других авторов, хотя имеются и ссылки на документы национальных архивов США, Белоруссии и Швеции, а также польских, литовских и украинского архивов. Однако в исследовании нет того местного архивного материала, который бы становился изначальной документальной базой для подтверждения зачастую крайне резких выводов и заключений автора. Отсюда, как считает А. Маркова, в книге Рудлинга много спорного и неоднозначного в оценках. Именно последнее обстоятельство позволило ей в своей обширной и очень критической рецензии на работу Рудлинга написать следующее: «Проявляя односторонность в подборе фактов и материала, автор, вольно или невольно, формирует искаженную историческую картину, игнорирующую многогранность и многоуровневость описываемых им процессов» [6, p. 281].

Какие же подходы и оценки предлагает читателю Рудлинг, за что он был обвинен в искажении исторической реальности? Остановимся далеко не на всех из них.

Один из основных тезисов Рудлинга, который при этом не стал чем-то новым для современной западной историографии, представляет собой утверждение, что новая национальная политика X съезда и курс на коренизацию XII съезда РКП(б) являлись в первую очередь *тактическим решением большевиков* с целью использовать национальные чаянья народов России для

укрепления своих властных позиций. Это известное положение еще молодого гарвардского профессора Ричарда Пайпса не уходит с повестки дня и по сей день.

Именно частью большого советского национального проекта по развитию домодерных наций становилась, в оценке Рудлинга, белорусизация [9, p. 142]. Хотя ставить на один уровень в этом отношении, например, Туркестан и Белоруссию, конечно, было бы неправильным. В экономическом отношении, даже с учетом разрушенного хозяйственного комплекса, Белоруссия находилась на значительно более высоком уровне развития. Да и русский язык был здесь родным для значительной, если не большей части населения.

Как раз именно это последнее обстоятельство и создавало самые большие трудности как для белорусских националистов, так и для московских властей: как переводить страну на белорусский язык, если она говорит на русском как на родном языке?!

Население Белоруссии, по Рудлингу, не обладало к тому времени ярко выраженной национальной идентичностью. Большевики, пишет он, поверили в существование отдельной белорусской нации еще до того, как это сделало большинство самих белорусов [9, p. 163]. Другими словами, Рудлинг утверждает, что белорусское население не было готово в части национального сознания к принятию, а значит, и к проведению политики белорусизации. И когда Москва объявила о ее необходимости, именно это обстоятельство заставило власти проводить белорусизацию в республике административно-бюрократическим путем [9, p. 212]. Что, в свою очередь, вызвало сильное сопротивление широких слоев белорусского населения.

Не вписывалась Белоруссия и в общую постановку проблемы коренизации, поднятой на XII съезде РКП(б) весной 1923 г. В своем докладе по национальному вопросу Сталин на первое место вновь ставил задачу родного языка, призывая делегатов и работников на местах «принять все меры к тому, чтобы Советская власть в республиках стала понятной и родной, чтобы Советская власть была у нас не только русской, но и международной». Для этого требовалось, чтобы «не только школы, но и все учреждения, все органы, как партийные, так и советские, шаг за шагом национализировались, чтобы они действовали на языке, понятном для масс, чтобы они функционировали в условиях, соответствующих быту данного народа» [4, с. 492]. На общем фоне большого количества примеров остроты национального вопроса (петлюровщина в Правобережной Украине, восстание басмачей в Туркестане, недовольство якутов в Сибири, конфликт в Грузии [4, с. 611] и др.), такая установка воспринималась делегатами от тех территорий вполне естественной.

Но к Белоруссии, как и к регионам европейской части России, это не имело никакого отношения. Здесь национальный вопрос если и вставал, то только в части проявлений антисемитизма. А так называемого «белорусского вопроса» как отдельной национальной проблемы ни в Российской империи, ни в Советской России никогда не существовало. На Смоленщине, к примеру, белорусы воспринимались местным населением в значительной степени как часть русского народа, говорящая на особом русском языке.

«Подлил масла в огонь» некоего «очагового» сопротивления среди «восточных белорусов» и начавшийся одновременно активный процесс расширения территории Белорусской Советской Республики за счет приграничных российских губерний. В 1924 г. во исполнение постановления ВЦИК СССР от 3 марта того же года Белоруссии были переданы территории с преобладающим белорусским населением – 16 уездов Витебской, Гомельской и Смоленской губерний. В результате этого укрупнения территория БССР увеличилась более чем в два раза, а численность населения – почти втрое, составив 4,2 миллиона человек. Второе «прирастание» территории БССР, хотя уже и в значительно меньших размерах, произойдет в 1926 г.

Казалось бы, белорусское население должно было радоваться данному обстоятельству, но практика показала обратное: лишь малая часть «новых» граждан республики легко приняла для себя государственный статус белорусского языка; остальных приходилось заставлять менять язык против их воли [9, p. 210]. В ранее названной работе Ю.А. Борисенка новые белорусские земли определяются автором как «приговоренные к белорусизации». Рудлинг же пишет более резко. Данное укрупнение белорусского государства привело к значительному увеличению числа недовольных, часто питавших отвращение к своей новой, предписанной сверху белорусской национальности и оказывавших массовое сопротивление проводимой властями политике белорусизации. Рассматривая национализацию как необходимое условие модернизации, советские власти были категорическими противниками любых предложений по ассимиляции с преобладающей русской культурой [9, p. 217].

Оставив без комментариев тезис автора об отношении «новых белорусов» к своей национальности и о «массовом сопротивлении», в целом с положением о неприятии коренным населением политики белорусизации трудно не согласиться.

Рассмотрим это на примере Смоленщины, которая на протяжении веков имела самое непосредственное отношение к Белоруссии. В апреле 1918 г. Смоленск даже стал административным центром Западной области, в состав которой к тому времени входили Витебская, Могилевская и Минская губернии. 1 января 1919 г. именно в Смоленске была провозглашена и Социалистическая Советская Республика Белоруссия. В январе 1919 г., после переезда белорусского правительства в освобожденный от немецких войск Минск, Смоленск окончательно перешел в состав России.

В середине XIX в. население великорусских уездов Смоленской губернии составляло чуть более 500 тысяч человек, а белорусских – свыше 575 тысяч, т.е. белорусов было больше, чем великороссов (51%) [8, с. 98–99]. Почти через 50 лет, по первой всероссийской переписи населения 1897 г., в Смоленской губернии из общей численности в 1,5 миллиона человек белорусов по языку окажется уже только 100 700 человек, или 6,6% [5, с. 185].

Очевидно, что связано это было не с физическим сокращением самого белорусского этноса, в том числе на Смоленщине, а с желанием приписать себя к великорусской нации, в ареале проживания которой за это время развернулось

грандиозное индустриальное строительство, дававшее широкие возможности обустройства белорусского крестьянства в новых промышленных центрах России. «Техническая» запись себя в великороссы по языковому признаку и «стыдливое» самоотстранение от белорусского языка выглядят в такой ситуации вполне логично и объяснимо.

А по данным первой советской переписи 1920 г. в Смоленской губернии из двух с небольшим миллионов человек белорусов еще в два раза меньше – только 54 700 (2,62%) [3, л. 24]. Очередное почти двойное сокращение покажет перепись 1926 г.: белорусов в губернии «останется» только 20 408 [2, л. 67].

Ю.А. Борисенок объясняет начинавшееся с 1923 г. неизбежное падение численности белорусского населения тем, что все решения о белорусско-российском пограничье исходили не из этнографических или социально-экономических аргументов, а из политической целесообразности [1, с. 125]. И с такой оценкой трудно не согласиться. Но, как нам представляется, связано это было не только с одними территориальными реорганизациями. Да, конечно, передача в 1924 г. в состав Могилевской губернии Мстиславского и Горецкого уездов Смоленской губернии сказалась на снижении численности белорусского населения на Смоленщине. Но никак не менее важным, а, скорее, наоборот, более существенным основанием к наметившемуся снижению численности смоленских белорусов в середине 1920-х гг. стало стремление последних более активно включаться в начавшиеся индустриально- и социально-модернизационные процессы, которые гораздо значительнее проявлялись как раз в российских, а не в белорусских регионах и предоставляли существенно больше возможностей белорусскому крестьянству для социального лифта.

Особенно это касалось подрастающего поколения. Основной формой практической белорусизации на Смоленщине, как, впрочем, и на других приграничных территориях, станет не перевод на белорусский язык органов государственной власти, а создание белорусских школ с обучением в них на белорусском языке. Однако делалось это в значительной степени вопреки желаниям не только русской части населения, но и белорусских жителей губерний.

Само белорусское население, читаем в одном из докладов Смоленского губоно, «относится к школе на родном языке безразлично, а нередко и враждебно». Родители вполне обоснованно считали, что для будущей жизни, а тем более в России, частью которой и являлась Смоленщина, детям нужен будет именно русский, а не белорусский язык. Даже та часть белорусского населения губернии, которая проживала на границе с Белоруссией и поддерживала экономические связи с этнической родиной, требовала от учителей, чтобы они «преподавали белорусский язык» (но не на белорусском языке вели все предметы. – *О.К.*) [3, л. 315 об.].

Высокая степень искусственности политики белорусизации и ее неприятия значительной частью населения российско-белорусского порубежья более чем очевидна. И, скорее всего, Рудлинг в своей общей констатации наличия сопротивления белорусизации прав. Хотя говорить о том, что белорусское

население республики в большинстве своем не было заинтересовано в национальной политике, основания вряд ли имеются.

За годы практической белорусизации в республике был совершен настоящий прорыв в культурном строительстве: открыты Белорусский государственный университет, Белорусская государственная академия сельского хозяйства, Белорусский институт культуры, преобразованный затем в Белорусскую академию наук, Белорусский государственный театр имени Янки Купалы, к 1928 г. 80% школ были переведены на белорусский язык обучения и многое другое.

И какой-либо альтернативы такому развитию БССР после XII съезда партии и курса на коренизацию уже не было, заключает Ю.А. Борисенок. В то же время при решении белорусских проблем, в том числе и территориальных вопросов, во главу угла ставились не этнографические и даже не социально-экономические аргументы, а принцип политической целесообразности, жестко сочлененный с пресловутой «польской интригой» [1, с. 20], т.е. установка поддерживать все национальное в противоположность практике полонизации на западных белорусских землях.

Хотя при всем при этом белорусизацию как новую советскую национальную политику белорусским властям зачастую приходилось не просто проводить, но нередко и внедрять.

Литература

1. Борисенок Ю.А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М.: ООО «Родина МЕДИА», 2013. 352 с.
2. ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4746.
3. ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4748.
4. Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М.: Изд-во политической литературы, 1968. 921 с.
5. История белорусской государственности. В 5 т. Т. 1: Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII века / А.А. Коваленя [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2018. 598 с.
6. Маркова А. Per Anders Rudling, The Rise and Fall of Belarusian Nationalism, 1906–1931 (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015). 436 pp. // Ab Imperio. 2016. № 4. P. 269–283 (Review).
7. Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Социалистической Советской Республике. Ч. I.: Белорусизация. По материалам Центральной Национальной Комиссии ЦИК БССР. Минск: Издание Центральной Национальной Комиссии ЦИК БССР, 1927. 151 с.
8. Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии / сост. Яковом Соловьевым, нач. б. Смолен. отряда уравнения гос. крестьян в денеж. сборах, на основании сведений, собр. этим отрядом. М.: иждивением Учен. ком. М-ва гос. имуществ, 1855. 486 с. (Цит. по изданию: Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии. Смоленск: Универсум, 2011. 503 с.).
9. Rudling Per Anders. The Rise and Fall of Belarusian Nationalism, 1906–1931. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015. 436 p.

O.V. Kobetc
Smolensk State Academy of Phisycal Culture, Sport and Tourism

Belarusization "on Rudling"

Key words*: national policy; Belarusization; resistance; Rudling.*

The article describes one of the main provisions of the book by Per Anders Rudling "The Rise and Fall of Belarusian Nationalism, 1906–1931" that the population of Belarus was not ready to adopt and implement a policy of Belarusization in line with the decisions of the X and XII Congresses of the RCP(b) and strongly resisted this policy. The author analyzes Rudling's thesis on the example of the Smolensk province, agreeing with the very fact of rejection of Belarusization, but not with the degree of resistance to it.

А.Г. Цымбал

Минский государственный лингвистический университет,
Национальная академия наук Беларуси

УДК 930.23(438):94(476)“1900/1921”

Белорусская нация и государство (начало XX века – 1921 год) в отражении современной польской историографии*

Ключевые слова: *Беларусь; белорусы; польская историография; начало XX века; белорусская нация.*

В статье представлен обзор ключевых тем по проблематике формирования белорусской нации и государства в начале XX в., которые поднимаются в современной польской исторической науке. Отмечается, что рост интереса к истории Беларуси наблюдается после коллапса Советского Союза, образования суверенной Республики Беларусь и начала процессов посткоммунистической трансформации. В центре внимания польских исследований истории Беларуси оказались вопросы польского присутствия на востоке, возможности включения белорусских земель в единое государство с Польшей на началах федеративности в начале XX в. Рассматриваются проблемы этнических корней, формирования модерной нации и идентичности белорусов, акцентируется нахождение белорусов на стыке западной католической и восточно-православной цивилизаций. Доминирующим остается нарратив слабости белорусского национального движения и раскола элит, несформированности национального самосознания у сельских масс населения, что обусловило отношение со стороны более сильных соседей к белорусским землям как к объекту своих территориальных претензий.

Белорусская проблематика никогда не являлась популярным направлением исследований у польских историков в сравнении с другими восточными соседями: Украиной, Россией и Литвой. В соответствии с польской историографической традицией, заложенной еще в XIX – первой трети XX вв., Беларусь рассматривалась сквозь призму «польских кресов», польского культурного и экономического доминирования в регионе, неразвитости национального самосознания населения и отсутствия исторической традиции государственности. Не вызывали «белорусские исследования» большого интереса и у польских историков периода Польской Народной Республики. Существовавшие идеологические и цензурные ограничения относительно спорных вопросов белорусско-польской истории и польского присутствия на востоке не содействовали популярности белорусской тематики, особенно это касалось истории XX в. Немногочисленные монографии, публиковавшиеся в послевоенный период, имели методологически ограниченный характер, не ставили в центр внимания острые проблемы истории белорусско-польских

* Исследование выполнено при поддержке БРФФИ и РФФИ в рамках научного проекта Г20Р-011 «Современное зарубежное историческое белорусоведение: эволюция методологических подходов и оценок».

отношений. Можно упомянуть единственную обобщающую работу по истории Беларуси, изданную в ПНР, авторства М. Космана [1], в которой история XX в. представлена кратко и схематично в духе социалистического строительства и обличения империалистических планов Пилсудского. Также следует отметить исследования белорусского коммунистического движения в межвоенной Польше А. Бергман [2].

Кардинальные изменения наступили после 1989 г. с началом посткоммунистической трансформации. Процессы транзита создали новую историографическую ситуацию, характеризующуюся демократизацией общественно-политической жизни, плюрализмом мнений и устранением цензурно-идеологических ограничений. Распад Советского Союза, появление независимой Республики Беларусь стали причиной роста заинтересованности в истории восточных соседей Польши, в том числе и Беларуси. Историки начали обращаться к проблемам польско-белорусской истории начала XX в., которые ранее не присутствовали в научном дискурсе периода ПНР. Среди тем, которые привлекли внимание польских ученых, можно назвать формирование белорусской нации, становление белорусского национального движения, проблему создания белорусской государственности в начале XX в., белорусский вопрос во время польско-советской войны и польские концепции относительно белорусских земель.

Активизации исследований содействовала и «архивная революция» в постсоветских странах. Исследователи из Польши получили возможность работать в архивах Республики Беларусь, Украины, Российской Федерации. Снятие ограничений по работе с архивными документами Национального архива Республики Беларусь, областных архивов в Гродно и особенно в Бресте привело к значительному росту числа работ о межвоенном периоде, положении западнобелорусского региона в составе Польши.

Интерес к белорусской проблематике обусловил появление ряда работ, в которых рассматривается происхождение белорусского народа, его идентичность. В первую очередь необходимо назвать исследования Р. Радзика, посвященные ответу на вопрос «Кто такие белорусы?» [3]. В работе он представляет свой взгляд на нациообразующие процессы в Беларуси в конце XIX – XX вв. Автор анализирует причины слабости процесса формирования белорусской нации через призму культуры, социальных структур и политики. Особое внимание обращается на национально-культурную эволюцию белорусского общества за последние два столетия в контексте Центрально-Восточноевропейского региона. Значительная часть книги посвящена польско-белорусским отношениям и анализу взаимных национальных стереотипов, функционирование которых автор изучает в различные периоды XX века. В фокусе исследований Р. Радзика лежат также вопросы формирования модерной белорусской нации и общества, в первую очередь идентичности белорусов. Автор анализирует культурные, цивилизационные и политические факторы, оказавшие влияние на нациообразущие процессы в белорусском обществе, на фоне становления модерных наций в Центрально-Восточной Европе. Идет

осмысление белорусской нации как «пограничной» между Западом и Востоком. Раскрывается образ «белорускости» в литературе и публицистике на примере творчества Я. Коласа и публикаций «Нашей Нивы» (1906–1915 гг.). Детально автор исследует уникальный феномен самосознания белорусов в виде «тутэйшасці». Отдельное внимание обращается на два подхода к интерпретации истории белорусов: советский и национальный. Автор отмечает множественность идентичностей белорусского общества, к которым относит советскую, русскую и белорусскую [4].

Проблему происхождения белорусов и названия «Белая Русь» исследовал О. Латышонек. По его мнению, понятие появляется в источниках в XIII в. в результате экспансии Западного мира на восток Европы. Автор проследил упоминания «Беларуси» в средневековых источниках, работах польских авторов, раскрыл, каким образом в истории менялась географическая привязка данного названия. По мнению О. Латышонка, предки современных белорусов достаточно поздно приняли это название как собственное - только во второй половине XVI в. под влиянием польской историко-географической литературы. Называет он и «первого белоруса» – Соломона Рысинского из-под Витебска, который в 1586 г., согласно источникам, идентифицировал себя как белоруса, что для того времени стало значительным интеллектуальным сдвигом в сравнении с традиционной привязкой «литвин – католик» и «русин – православный». Реформация же привела к ломке традиционных этническо-религиозных стереотипов и росту этнической идентичности, а Рысинский, как допускает автор, возможно, был протестантом [5, с. 307].

Интерес к формированию белорусской нации и белорусского национального движения с идеей создания собственного государства в начале XX в. нашел отражение в работе «Беларусь в период общественно-политического кризиса (1900–1914)», автором которой является С. Ланец. На его взгляд, революционные события 1905 г. содействовали мобилизации и выделению в общей массе движения за национальную независимость, которое первоначально отстаивало идею культурной и политической автономии для белорусов. Лидером данного направления являлась Громада, которой удалось распространить и популяризовать национальную идею благодаря белорусскоязычным публикациям, однако попытки создания белорусских школ не имели успеха в силу противодействия российского правительства. Также автор отмечает, что, учитывая многонациональность региона, главными противниками идеи белорусского государства стали поляки и русские. Если в Польше за идею федеративности выступала Польская социалистическая партия, то в России часть демократического лагеря соглашалась на автономию для белорусов, однако и поляки, и русские в подавляющем большинстве отказывали белорусам в праве на независимость. Э. Миронович, развивая данную проблему, в свою очередь, отмечал, что со стороны России активность белорусов трактовалась как польская интрига, а поляки смотрели на национально-государственные стремления белорусов как на российскую интригу [6, с. 7].

Проблематику белорусского национального движения в начале XX в. исследовал Ю. Туронок, который раскрыл проблему сквозь призму биографии одного из известных белорусских деятелей – В. Ивановского. Выдвинув в 1902 г. постулат создания современной белорусской нации и Молодой Беларуси, Ивановский активно участвовал в практической реализации данной идеи, которая являлась вызовом одновременно Польше и России. Ивановского автор характеризует как национального романтика, который говорил о важности возвращения народных древних ценностей, самостоятельного политического мышления и необходимости «отрезать пуповину» белорусского народа от культур соседей, которые делили народ на «поляков» и «русских». В то же время Ивановский понимал необходимость внешней поддержки и сотрудничал с Россией, Польшей и Германией в зависимости от потенциала союзника и его содействия интересам возрождения Беларуси [7, с. 5].

Ряд исследователей изучал феномен «краёвости» как концепт белорусско-литовской государственности с опорой на историческое наследие Великого княжества Литовского. Данная концепция получила распространение среди польской шляхты и интеллигенции в Литве и Беларуси в конце XIX – начале XX вв. Идея должна была гармонизировать отдельные национальные устремления белорусов и литовцев в тесной связи с Польшей [8, с. 5].

Проблему реализации проекта самостоятельного белорусского государства поднимала Д. Михалюк. В своей книге она представила развитие идеи белорусской государственности в виде создания Белорусской Народной Республики, провозглашения ее независимости 25 марта 1918 г. и становления основ государства в период деятельности первых четырех правительств: Я. Воронко, Р. Скирмунта, И. Середы и А. Луцкевича. Как отмечала автор, основной задачей данных правительств в сфере внутренней политики была организация верховных органов власти и структур ее территориальной администрации. При Воронко были созданы Народный секретариат и Совет старейшин, однако не удалось установить контакт с помещиками как наиболее влиятельной группой, которая могла бы финансировать процесс создания независимой Беларуси. Скирмунт планировал консолидацию политических сил вокруг государственной программы, но не смог преодолеть пророссийские настроения в пользу польской и западной ориентации. Правительство Середы разработало принципы выборов в территориальные органы БНР, планировалось создавать волостные, местечковые, городские, поветовые и губернские рады. Луцкевич, в свою очередь, старался консолидировать национальное движение в условиях, когда БНР уже была лишена территории. Он пытался активно действовать на международном уровне, однако БНР не смогла продержаться как государство, хотя ее де-факто признали Украина, Германия, Латвия и Литва. Только Финляндия официально признала существование БНР. Автор отмечает, что часто причиной поражения считают слабую консолидацию белорусского национального движения, однако решающую роль сыграли внешние факторы. Территория, на которой старалось действовать правительство БНР, все время была занята чужими войсками: немцами, большевиками и поляками. БНР

невозможно было достичь своих целей без международной поддержки и в условиях антибелорусской деятельности соседних стран. Необходимости в существовании независимой БНР не видели и государства, которые на международных конференциях решали, как будет выглядеть послевоенная карта Европы [9, с. 498–520].

Польские историки исследуют попытки создать белорусскую армию, которая смогла бы отстоять независимость БНР в противостоянии с более сильными соседями. Так, О. Латышонек изучал белорусские воинские формирования, которые возникли не только в Беларуси, но и в Литве, Украине, России, Эстонии и Молдове и имели антибольшевистскую направленность. Автор рассматривает возникновение белорусского воинского движения в 1917–1918 гг., белорусские отряды в армии Литвы, политику Советской России в отношении Беларуси в 1918–1920 гг. с акцентом на военных вопросах, а также деятельность Белорусской военной комиссии в 1919–1921 гг. и формирование под руководством С. Булак-Балаховича. В сфере внимания исследователя находится создание и боевая деятельность 1-й Слуцкой бригады стрельцов и белорусских воинских формирований в Польше [10].

Участие белорусов в польско-советской войне на стороне Польши исследовал З. Карпус. Он отмечал, что с согласия и при помощи польских властей создавались белорусские, украинские и др. части, что было связано с реализацией федеративной концепции в польской восточной политике. Некоторые формирования, например армия генерала Булак-Балаховича, принимали участие в борьбе с большевиками. Автор утверждает, что первыми союзниками Польши в войне были белорусы. Формирование белорусских частей началось с декрета Пилсудского от 22 октября 1919 г. С подобной инициативой уже в конце июля выступала Белорусская рада Виленщины и Гродненщины, которую поддержали белорусские общественные организации, действовавшие в Минске. Белорусские формирования создавались на добровольческой основе. Планировалось сформировать два батальона пехоты, но в результате появился только один, насчитывавший около 100 солдат. По мнению З. Карпуса, в целом идея создания белорусских вооруженных сил закончилась неудачей по причине раскола в среде белорусских политических элит по вопросу сотрудничества с поляками и отсутствия интереса с польской стороны [11, с. 172].

Проблему белорусских воинских формирований поднимал и А. Косески, который считал, что в случае успеха акции генерала Булак-Ба лаховича Польша могла бы поддержать включение белорусской стороны в переговорный процесс в Риге [12, с. 69]; очевидно, белорусский вопрос в таком случае мог решиться в виде федеративной единицы в составе Польши.

Как альтернативу польскому плану федерации Э. Чапевский рассматривал попытку Москвы создать ЛитБел. Автор считает, что БССР была создана московскими большевиками в пропагандистских целях для демонстрации вовне, что в РСФСР также были белорусы, которые по своему волеизъявлению получали советское государство. Однако, как утверждает Чапевский, без согласия Москвы в состав БССР включались слишком обширные территории, в

результате уже через месяц было решено забрать Смоленщину, Витебщину и Могилевщину в пользу большевистской России. Кроме противопоставления федеративной концепции Польши ЛитБел создавался также с целью ослабления национально-независимых стремлений белорусов [13, с. 43–44].

Вопрос польской восточной границы в 1918–1921 гг. и связанная с ним проблема Беларуси неоднократно поднимались в польской историографии. Известное противостояние Ю. Пилсудского, выдвигавшего концепцию федерации, и национальных демократов, отстаивавших необходимость инкорпорации восточных территорий, закончилось фактической реализацией требований эндеков. Позицию данного политического лагеря на землях бывшего ВКЛ относительно белорусского вопроса исследовал П. Домбровски. В отношении будущего Литвы и Беларуси среди местных национал-демократов доминировала концепция инкорпорации [14].

Идеи Пилсудского столкнулись не только с противостоянием политических противников, но и с реальностью на белорусских землях. Вопрос деятельности польской администрации в Беларуси в годы польско-советской войны раскрыла И. Геровска-Каллаур в своем исследовании, посвященном Гражданскому управлению восточных земель – административной единице, созданной на территории бывшего ВКЛ и занятой польской армией в годы войны. В деятельности структуры нашли отражение как внутрипольские конфликты, так и споры между федерализмом Ю. Пилсудского и идеей построения национального государства, предложенной Польским национальным комитетом. Как показывает автор, к позиции последнего склонялись и крупные польские помещики на востоке. Данная структура была создана Пилсудским с целью продвижения федеративной концепции воссоздания Польши, однако на практике деятельность ГУВЗ привела к поражению начальника государства, как называли Пилсудского, и реализации положений восточной политики, предлагаемых польским национальным лагерем. По мнению автора, данной программы хватило на одно поколение. В основу Версальско-Рижской системы была заложена бомба замедленного действия в виде неизбежного национального вопроса, проблемы восточной границы и, как результат, нового вооруженного конфликта [15].

Конфликт подходов польских политических сил в 1918–1922 гг. к белорусской проблематике демонстрирует исследование К. Гомулки [16, 17]. Автор рассматривала особенности эволюции концепций в условиях политической нестабильности и их столкновение с реальной практикой государственного строительства. В работе показаны позиции польских политических групп относительно белорусского национального движения через призму формирования восточной границы Польши, а после ее определения – место белорусского движения в возрожденной Польше. Автор анализирует отношение польских политических сил к вопросу белорусской государственности в виде независимой республики либо автономии в составе Польши, детально раскрывает белорусский вопрос во время польско-советских переговоров, а также деятельность белорусов в Средней Литве. К. Гомулка

приходит к выводу, что принятие Виленщины в состав Польши активизировало процесс полонизации, который уже несколько месяцев происходил на территории, присоединенной к Польше в результате Рижского мира.

Результатом противостояния двух польских концепций относительно бывших территорий Речи Посполитой стал Рижский мир, институциализировавший фактически инкорпорационную программу национальных демократов. Как отмечает Е. Боженцки, федералистская программа Пилсудского хоть и имела недостатки в реализации, однако вынудила Москву поддерживать иллюзию независимости и государственности советской Беларуси, несмотря на то что в реальности республика не имела легитимности и суверенитета [18].

Проблему белорусской государственности и поиска внешней опоры для реализации национальных устремлений показывает В. Матерски в совместном с белорусским историком В. Снапковским историко-документальном издании «Польско-белорусский узел. 1918–1921» [19]. В обширном предисловии представлен исторический очерк польско-белорусских отношений и государствообразующих процессов в Беларуси и Польше в контексте событий немецкой оккупации и российской революции. Белорусское стремление к созданию собственного государства автор называет периодом меняющейся веры, что благодаря поддержке кого-то из соседей реализуется мечта белорусов о национальном государстве, хотя бы в виде автономии, но с признанием субъектности белорусской нации. Польша, с ее травмой разделов Речи Посполитой, представляла наиболее вероятного кандидата на патронаж над белорусской государственностью. В. Матерски отмечает, что для белорусских земель и связанных с ними элит импульсом к постановке вопроса о новых формах государственного устройства в Беларуси стала Февральская революция 1917 г., хотя розыгрыш белорусской карты начался еще в августе 1915 г. со вступлением на территорию Беларуси немецких войск, которые поддержали белорусов в противовес полякам. В дальнейшем государствообразующие процессы автор анализирует через дихотомию большевизации и создания национального государства как способа противостояния распространению большевистской революции, последствия которой Беларусь ощутила незамедлительно. По мнению автора, и Варшава, и Москва считали, что белорусская государственность находится еще в процессе становления, соответственно, и территория ее еще далека от точного определения, что давало основания для игнорирования мнения белорусов в польско-большевистских переговорах по проблеме границы. В работе показаны как попытки представителей БНР найти поддержку в лице Польши, так и создание советской Беларуси, фиктивный характер которой, по утверждению автора, понимали и сами большевики [19, с. 19–20].

Таким образом, коллапс Советского Союза, образование суверенной Республики Беларусь и начало процессов посткоммунистической трансформации, сопровождавшиеся снятием идеологически-цензурных ограничений в исторической науке и «архивной революцией», привели к росту

интереса к белорусской тематике в Польше. Внимание к истории Беларуси сохранилось и после 1994 г. поворот к советско-ностальгической политике памяти в Беларуси. В центре внимания польских исследований истории Беларуси оказались вопросы польского присутствия на востоке, возможности включения белорусских земель в единое государство с Польшей на началах федеративности. Поднимается проблема этнических корней белорусов и формирования модерной нации, идентичности белорусов, акцентируется нахождение белорусов на стыке западной католической и восточно-православной цивилизаций. Польские исследователи обращаются к темам, вытесненным на периферию официального научного дискурса в Беларуси. Например, возможности образования белорусского государства на небольшевистской основе в начале XX в. и попыток создания антибольшевистских вооруженных формирований белорусов. Тем не менее доминирующим остается нарратив слабости белорусского национального движения и раскола элит, несформированности национального самосознания у сельских масс населения, что обусловило отношение со стороны более сильных соседей к белорусским землям как к объекту своих территориальных претензий. Польша и Россия не воспринимали белорусов как самостоятельную политико-национальную единицу, имеющую исторический потенциал государственности.

Литература

1. Kosman M. Historia Białorusi. Wrocław [etc.]: Zakład Narodowy im. Ossolińskich Wydaw., 1979. 404 s.
2. Bergman A. Sprawy białoruskie w II Rzeczypospolitej. Białostockie Towarzystwo Naukowe. Warszawa: Państwowe Wydawnictwa Naukowe, 1984. 285 s.
3. Radzik R. Kim są Białorusini?. Toruń: Wydaw. Adam Marszałek, cop. 2003. 243 s.
4. Radzik R. Białorusini – między Wschodem a Zachodem. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2012. 262 s.
5. Łatyszonek O. Od Rusinów Białych do Białorusinów: u źródeł białoruskiej idei narodowej. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2006. 388 s.
6. Mironowicz E. Białoruś. Warszawa: Wydawnictwo Trio, 2007. 410 s.
7. Turonek J. Wacław Iwanowski i odrodzenie Białorusi. Warszawa: Gryf: Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 1992. 148 s.
8. Krajowość – tradycje zgody narodów w dobie nacjonalizmu: materiały z międzynarodowej konferencji naukowej w Instytucie Historii UAM w Poznaniu (11–12 maja 1998) / pod red. Jana Jurkiewicza. Poznań: Instytut Historii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1999. 158 s.
9. Michaluk D. Białoruska Republika Ludowa 1918–1920: u podstaw białoruskiej państwowości. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2010. 597 s.
10. Łatyszonek O. Białoruskie formacje wojskowe 1917–1923. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 1995. 273 s.
11. Karpus Z. Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku: oddziały wojskowe ukraińskie, rosyjskie, kozackie i białoruskie w Polsce w latach 1919–1920. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1999. 230 s.
12. Koseski A. Białoruskie formacje zbrojne // Polska – Białoruś 1918–1945 / red. Wiesław Balcerak. Warszawa, 1994. S. 59–73.

13. Czapiewski E. Białoruś między polską a Rosją Radziecką – Litbieł (1919–1920) // Polska i Białoruś w XX wieku. Z dziejów Europy Środkowo-Wschodniej / red. E. Czapiewski i G. Strauchold. Wrocław, 2009. S. 37–49.
14. Dąbrowski P. Narodowa Demokracja byłego Wielkiego Księstwa Litewskiego: studium z zakresu myśli politycznej i działalności obozu narodowego na ziemiach litewsko-białoruskich w latach 1897–1918. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2010. 388 s.
15. Gierowska-Kałłaur, J. Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich: (19 lutego 1919 – 9 września 1920). Warszawa : Wydaw. Neriton: Instytut Historii PAN, 2003.447 s.
16. Gomółka K. Między Polską a Rosją : Białoruś w koncepcjach polskich ugrupowań politycznych, 1918–1922. Warszawa: Gryf, 1994. 263 s.
17. Gomółka K. Polskie ugrupowania polityczne wobec kwestii białoruskiej 1918–1922; Centralny Ośrodek Metodyczny Studiów Nauk Politycznych. Warszawa: COM SNP, 1989. 267 s.
18. Borzęcki J. The Soviet-Polish peace of 1921 and the creation of interwar Europe. New Haven; London: Yale University Press, 2008. 401 s.
19. Węzeł polsko-białoruski 1918–1921: dokumenty i materiały / wybór i opracowanie Wojciech Materski; współpraca Uładzimir Snapkouski. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych Polskiej Akademii Nauk, 2018. 859 s.

A.G. Tsimbal
Minsk State Linguistic University
National Academy of Science of Belarus

The Belarusian nation and state (beginning of the XX century – 1921) in reflection of contemporary Polish historiography

Key words: *Belarus; Belarusians; Polish historiography; early twentieth century; Belarusian nation.*

The article provides an overview of the key topics on the formation of the Belarusian nation and state at the beginning of the twentieth century, which are raised in contemporary Polish historical science. It is noted that the growth of interest in the history of Belarus is observed after the collapse of the Soviet Union, the formation of the sovereign Republic of Belarus and the beginning of the processes of post-communist transformation. The focus of Polish studies of the history of Belarus is on the issues of the Polish presence in the east, the possibility of including of Belarusian lands into a single state with Poland on the basis of federation at the beginning of the 20th century. The problems of ethnic roots, the formation of a modern nation and the identity of Belarusians are raised, where the situation of Belarusians at the junction of Western Catholic and Eastern Orthodox civilizations is emphasized. The dominant narrative remains the weakness of the Belarusian national movement and the split of the elites, the lack of formation of national self-awareness among the rural masses of the population, which determined the attitude of the stronger neighbors towards the Belarusian lands as an object of their territorial claims.

С.Е. Новиков

Минский государственный лингвистический университет

УДК 930.23(430): 94(476) “1941”

Новый немецкий взгляд на Брестскую крепость в июне 1941 года*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война; Брестская крепость; историографические факты; нарратив; немецкий штурм; советская оборона.*

В статье показано значение методологических подходов германской исторической науки для объективной реконструкции событий истории немецкого штурма и советской обороны Брестской крепости летом 1941 г. Освещается ход июньских боев за крепость на основе анализа результатов двусторонних боев, а также потерь личного состава с обеих сторон. Раскрывается сущность формирования в послевоенное время официальной советской концепции о героической обороне западного рубежа СССР. Определяется историческое место советских военнопленных в истории обороны Брестской крепости в июне 1941 г. Представлена специфика использования в историческом описании метода сравнения исторической реальности и историографического нарратива.

Новый взгляд стал историческим фактом современной германской историографии спустя 80 лет после начала Великой Отечественной войны благодаря многолетнему исследованию немецкого историка из Лейпцига Кристиана Ганцера (Christian Ganzer). Научная работа, более года назад успешно защищенная в виде докторской диссертации, в 2021 г. уже нашла свое место на книжных полках библиотек Германии под названием «Kampf um die Brester Festung 1941. Ereignis – Narrativ – Erinnerungsort» [7]. Но до сих пор ни в Интернете, ни в средствах массовой информации, ни в рамках музейного учреждения пока не назначена дата научной конференции, методологического семинара или расширенного круглого стола, в центре обсуждения которых значился бы анализ новой немецкой работы, в первую очередь выводов, сделанных представителем германской исторической науки на основе критического рассмотрения большого массива документальных первоисточников и историографических фактов разного происхождения. Не со всеми авторскими выводами и оценками можно согласиться, но их наличие в ведущей зарубежной историографии на сегодняшний день является важным научным рубежом: после выхода в свет новой работы на тему обороны Брестской крепости в 1941 г. белорусской научной общественности, музейным сотрудникам мемориала «Брестская крепость-герой» предстоит ответить на

* Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ и РФФИ в рамках научного проекта Г20Р-011 «Современное зарубежное историческое белорусоведение: эволюция методологических подходов и оценок».

новый вызов, понять возможности дальнейшей инструментализации выводов в белорусской науке, учебной и экскурсионной практике, общественном дискурсе.

Насколько это возможно? Ответ на поставленный вопрос дает обращение к методологической базе, использованной немецким историком при исследовании исторической тематики. Свой научный дискурс он ведет путем новаторского использования приемов описания исторических событий, воссоздает каркас исторического нарратива на основе объективности и верификации знаний. Обязательным критерием автор определяет полноту анализа содержания исторического нарратива, соотнесение как объективных факторов, так и реальных ключевых субъектов в контексте исторических событий. По убеждению К. Ганцера, реальная ситуация требует по возможности точной и глубокой интерпретации всех деталей, фактов и факторов [7, S. 8–11]. На наш взгляд, мастерство историка проявилось в том, что ему удалось не только выявить, но и показать связь событий немецкого штурма и советской обороны Брестской крепости летом 1941 г.

Отметим к тому же, что автор аргументированно обосновывает свои выводы, на которые имеет право, как любой исследователь, только после критического анализа комплекса источников и научной литературы. Их постановка, порой в императивной форме, может быть, на первый взгляд, не совсем приемлемой, но всегда достаточно аргументированной. В контексте этого белорусским историкам нужно найти ответы, почему в отношении советского нарратива, часто открыто идеологизированного или политизированного, в современной германской историографии звучат следующие выводы: об односторонности показа исторических событий, необъективности раскрытия и умалчивании наиболее важных фактов, умышленном искажении существующих в новейшей научной историографии оценок, стереотипной подачи исторических сведений, а также недостаточно полном использовании хорошо известных в настоящее время документальных источников, особенно немецкого происхождения. Как итог такого подхода, немецкий историк пишет об одностороннем отражении боевых действий, фокусировании главного внимания в советском и постсоветском нарративах только на аспектах героической обороны крепости в ущерб реальному показу исторических событий в контексте объективных фактов и массовых потерь защитников или их попадания в немецкий плен в ходе боев за крепость в конце июня 1941 г.

Поэтому исследовательский фокус монографии К. Ганцера наведен на сравнение, сопоставление с документальными сведениями исторических описаний разных авторов, в своей совокупности позволяющих глубже осознать и точнее зафиксировать уникальность исторической обороны и верифицировать исторические знания, без чего в настоящее время уже нельзя объективно представить научный нарратив.

Один из важных историографических моментов нового исследования связан с первой частью самого названия книги «Kampf um die Brester Festung 1941» (бой за Брестскую крепость 1941 г.), где на первом месте стоит ключевое существительное мужского рода единственного числа «**бой**». Содержание работы подтверждает исторический факт неоднократного немецкого штурма этого рубежа советской обороны, а также контратак защитников, т.е двусторонних боев на территории крепости. Более того, в исследовании красной нитью проходит следующая мысль: не только боевые действия пехотных частей германского вермахта и Красной армии оказались в фокусе многолетних идеологических боев, развернувшихся в послевоенное время вокруг сохранения политической, а не исторической концепции немецкого штурма и советской обороны Брестской крепости летом 1941 г. Итогом всего этого стали послевоенные **сражения** на идеологическом, общественно-политическом и научном фронтах, которые продолжаются до сего времени. Поэтому более точным термином в названии книги могло бы стать именно существительное, производное от слова «**сражение**»: на наш взгляд, оно более точно отражает характер ведущегося по настоящее время в полном смысле слова сражения за Брестскую крепость летом 1941 г. Оно началось ровно 80 лет назад и продолжаются по сей день.

С выходом немецкого издания не менее значимым историографическим фактом становится определение ключевых исследовательских тезисов о ходе двусторонних боев и понесенных частями вермахта и Красной армии потерях на территории Брестской крепости в течение последней декады июня 1941 г. Сразу же отметим критический подход, к которому немецкий исследователь обращается при работе с архивными первоисточниками, максимально полно используя их для показа событий, обязательно сопоставляя с другими документами и материалами, а также привлекая эго-источники бывших участников событий, их личную переписку, фотографии. Главной целью такого подхода являлось преодоление недостатка в документах, использование прямых и косвенных доказательств в процессе исследования.

Исходным пунктом для рассмотрения темы боевых действий в ходе немецкого штурма и советской обороны в монографии определен **советский нарратив**, сформированный в советское время и сохраненный в определенной мере в постсоветский период в современной белорусской историографии и действующей музейной экспозиции. По убеждению К. Ганцера, центральную идею такого подхода необходимо искать в «Памятке красноармейца», подготовленной Главным политическим управлением Красной армии, где отмечается, что «воин Красной Армии борется до последней капли крови, но не сдается врагу. Лучше смерть в бою, чем фашистский плен». Исходя из этой политической аксиомы под руководством коммунистической партии была организована оборона крепости, длившаяся до конца июня. Потом начался

второй этап борьбы, которую на территории захваченной крепости вели отдельные очаги сопротивления. В конце концов бои завершились по причине отсутствия сил и средств для сопротивления. Последним защитником, который сражался 32 дня до момента попадания в немецкий плен, был майор Гаврилов. Обессилевший и почти без сознания, он был пленен, но не сдался сам. Так заканчивалась героическая оборона Брестской крепости, заложившая первый кирпич в фундамент Великой Победы. Как отмечено в монографии, в советском нарративе две главные идеи являлись опорными положениями концепции героической обороны Брестской крепости летом 1941 г.: 1) об упорных, тяжелых и многодневных боях за крепость; 2) о самоотверженной борьбе каждого защитника, чаще всего до последней капли крови [7, S. 8].

К. Ганцер приходит к выводу, что из многочисленных документов, доступных на нынешнее время, в том числе широкой общественности [6, с. 55–472], становится очевидным: для детального анализа хода двухсторонних боев в крепости и понесенных при этом потерь в наличии имеется достаточно много документов. В случае недостатка прямых доказательств, как отмечает автор, он использовал иные доступные материалы, в том числе личного происхождения. При этом К. Ганцер отмечает, что итоговый отчет о взятии Брест-Литовска, подготовленный спустя неделю после завершения боев в крепости командиром 45-й пехотной дивизии генерал-майором Шлипером, даже при наличии определенных фактологических пробелов является надежным источником. Из исследования вытекает, что на сегодняшний момент известно почти 40 документов, в которых речь идет о пленении советских солдат в ходе боев за Брестскую крепость [7, S. 111].

Исходя из немецких документов, К. Ганцер воссоздает хронологию боев за крепость, разделяя их на три фазы: 1) первые три дня боев с 22 по 24 июня – период, когда на территории крепости шли тяжелые бои; в это время немецкая сторона понесла самые тяжелые потери – почти 86,3% убитых и до 70–80% раненых немецких солдат, а также 56% оказавшихся в немецком плену советских солдат; 2) во время второй фазы (25–26 июня) были ликвидированы отдельные очаги сопротивления; на это время выпадает почти 7% немецких потерь убитыми и около 30% советских военнопленных; 3) во время третьей фазы – с 27 по 29 июня – был ликвидирован последний объект – Восточный форт на северном острове. За это время вермахт не понес существенных потерь, тогда как с советской стороны количество пленных составило почти 14% [7, S. 112].

В своем исследовании немецкий автор оспаривает принятые в советском нарративе утверждения о 32-дневной продолжительности оборонительных боев на территории крепости. Немецкие документы дают конкретный ответ: основные силы 45-й пехотной дивизии после выполнения боевой задачи ушли из Бреста 2 июля 1941 г. Небольшое охранное подразделение общей численностью до роты, оставленное в крепости до ее передачи тыловым частям, не испытывало

никаких серьезных проблем из-за того, что на территории крепости оставались красноармейцы. Как отмечает автор, ни в одном известном документе о событиях начала и середины июля не содержатся сведения о том, что после взятия Восточного форта имели место факты боевого сопротивления [7, S. 112]. В отношении данных из учетных карточек на советских военнопленных из других лагерей, которые сохраняются в картотеке мемориала, автор пришел к выводу, что многие из них не соответствуют действительности, после сверки их с другими документами. Но главной идеей здесь является то, что, несмотря на наличие на территории крепости отдельных красноармейцев, в немецких документах не подтвержден ни один факт ведения или продолжения активных боевых действий с советской стороны [7, S. 114].

В книге собраны практически все существующие публикации, касающиеся истории создания нарратива о героической обороне Брестской крепости в начале Великой Отечественной войны. Автор показывает значение советского центрального учреждения – Главного управления по делам литературы и издательств (Главлита), без разрешения которого в советской стране не могла появиться ни одна публикация, ни одна радио- или телепередача, а также фильмы в кино, постановки в театрах и экспозиции музеев [7, S. 116]. Автор анализирует условия формирования официального нарратива по истории обороны Брестской крепости, определяет основные фазы его количественного и качественного развития, с момента создания первой экспозиции небольшого музея для солдат и офицеров Брестского гарнизона. После открытия мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» события, связанные с героической обороной, стали сакральной страницей советской истории [7, S. 230].

Начальная фаза формирования официального советского нарратива была связана с первыми послевоенными публикациями, основу которых составляли чаще «романтические легенды», чем подлинная правда [7, S. 140]. Немецкий исследователь отмечает, что журналист и писатель С.С. Смирнов обращается для написания своей первой статьи для газеты «Красная звезда», вышедшей в марте 1955 г., также не к первичным документальным источникам, а к личным рассказам очевидцев о «героической обороне» Брестской крепости. Из ранних документов, заслуживающих особого внимания, автор выделяет воспоминания одного из непосредственных участников обороны крепости в июне 1941 г. С.С. Матевосяна, оставленные в ходе беседы с одним из научных сотрудников «Комиссии по истории Великой Отечественной войны» Академии наук СССР в конце 1944 г., но по непонятным причинам пребывавшие в забвении до 2016 г. [7, S. 143].

Важным рубежом для формирования советского нарратива, который выделяет К. Ганцер, стал 1955 г., когда из-под пера С.С. Смирнова вышло несколько журнальных и газетных статей, посвященных героическому подвигу

Брестской крепости. Но особую роль немецкий автор отводит небольшой брошюре, подготовленной сотрудником Центрального музея Советской Армии Т. Никоновой на основе документов и военных реликвий музея [7, S. 152]. В монографии отмечено, что практически все выявленные на то время публикации имели типичную особенность - отсутствие первоисточников, прежде всего немецких. Хотя после публикации в «Красной звезде» 22 июня 1942 г. был известен доклад командира 45-й пехотной дивизии генерал-майора Шлипера, на который не хотели опираться советские авторы по причине его «фашистского» происхождения. В итоге к середине 1950-х гг. складывается общая концепция героической обороны Брестской крепости, продолжавшейся до начала третьей декады июля. При этом главными аргументами в защиту тезиса об упорных, мужественных и героических боях защитников советского гарнизона являлась их продолжительность и руководящая роль коммунистов и командиров [7, S. 152; 157]. Как отмечает автор, за первое послевоенное десятилетие было названо не более 15 имен конкретных защитников Брестской крепости [7, S. 166].

Основу для формирования советского нарратива немецкий историк видит в событиях, имевших место в 1955–1956 гг., когда на территории крепости сначала появился небольшой «музей-комната» для служащих местного воинского гарнизона, открытый для посещения с начала ноября 1956 г. Не менее важным фактом того времени становится выход первой монографической работы С.С. Смирнова «Крепость на границе» [7, S. 171]. Материалы книги и ряд других публикаций формируют базу «героического» нарратива. Немецкий автор отмечает, что анализ содержания журналистских и публицистических материалов говорит об их патриотическом характере с элементами художественной обработки. В них можно найти тщательно отобранные фрагменты из немецких первоисточников (доклад генерала Шлипера), избирательное цитирование советских документов (приказ № 1), а также использование сведений из воспоминаний отдельных участников обороны или очевидцев.

В то же время в публикациях Смирнова немецкий исследователь выделяет пять важных отличий от других авторов: 1) постоянный отход от литературных домыслов по причине все большего расширения контактов с непосредственными участниками обороны; 2) сохранение противоречивых утверждений, основанных на воспоминаниях очевидцев о бомбардировке крепости до 29 июня 1941 г., лишь по причине того, что Смирнов считал сомнительным факт существования доклада Шлипера, о чем он неоднократно упоминал в своих публикациях; 3) создание легенд о регулярных контратаках защитников, отвечавших в то время военной наступательной стратегии Красной армии; 4) начало отхода от идеи о продолжительной обороне крепости после того, как в начале 1955 г. был найден «последний защитник Брестской крепости» майор Петр Гаврилов; 5) активное использование обращений к личным судьбам

защитников, особенно тех, кто оказался в немецком плену, связываются при этом имена пленных с их беспримерным патриотизмом, безграничной любовью к Родине и партии, безоговорочной верой в дело марксизма-ленинизма. В плане определения хронологических рамок Смирнов придерживался идеи о месячной обороне, соотнося ее крайнюю дату с установленной надписью на одной из крепостных стен – 20.VII.41. Благодаря советскому писателю стали известны имена многих защитников, в том числе полкового комиссара Ефима Фомина, майора Петра Гаврилова, лейтенантов Андрея Кижеватова и Анатолия Виноградова, капитанов Владимира Шаблоского и Ивана Зубачева, лейтенантов Самвела Матевосяна* и Александра Мохнача, Александра Филя и других [7, S. 179–180].

К. Ганцер приходит к выводу, что на тот момент научная канва советского нарратива была определена в значительной мере благодаря первому директору музея А.А. Крупенникову, одному из главных организаторов научно-публицистического издания «Героическая оборона» (1961). Почти на 40 страницах предисловия к сборнику воспоминаний об обороне Брестской крепости в июне – июле 1941 г. были представлены главные положения истории обороны Брестской крепости летом 1941 г., с которыми сверялись все последующие публикации [7, S. 190–191]. Центральным из них являлся тезис об общем количестве защитников крепости, которое на начало обороны 22 июня 1941 г. не превышало 3500 человек. Поскольку оставшимся в крепости пришлось вести оборону без единого руководства и без заблаговременно подготовленного плана, как отмечалось в предисловии, степень героизма защитников характеризовалась еще выше. При этом автор предисловия упоминает бомбардировку крепости с самого начала немецкого штурма, контратаки, проведенные под руководством Матевосяна и Фомина, многократный захват гарнизонной церкви и т.д. Крупенников разделяет оборону на два периода: первый длился до конца месяца, когда велись сильные бои на всей территории крепости и делалось все для создания единого руководящего центра; второй - до середины июля и был связан с деятельностью отдельных очагов сопротивления на территории крепости. В предисловии говорилось также о фальшивом отражении сведений в итоговом отчете Шлипера. Крайнюю дату обороны крепости первый директор музея связывал с датой пленения майора Гаврилова 23 июля 1941 г. [7, S. 190–191]. Говоря о количестве пленных, упомянутых в докладе немецкого генерала, майор Крупенников утверждал, что их количество «надуманное», поскольку из 3500 защитников многие погибли, часть вырвалась из окруженной крепости и «…только часть раненых и контуженых была

* На момент ведения боев в Брестской крепости С.С. Матевосян не имел воинского звания лейтенанта Красной армии. Оно было присвоено ему только после окончания офицерских курсов в начале 1944 г. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 03.03.2021).

схвачена врагом» [7, S. 195]. Подводя итог, К. Ганцер подчеркивает, что в 1970-е гг. советский нарратив достиг стабильной формы [7, S. 205].

Фокус своей работы немецкий исследователь концентрирует на самом сложном вопросе истории обороны Брестской крепости летом 1941 г. – судьбах большого числа советских военнопленных, попавших в немецкий плен в ходе боев на ее территории и за ее пределами. Их точное количество до сих пор остается среди главных дискуссионных вопросов. Немецкий автор кладет в основу своего анализа количественные данные, впервые зафиксированные в «Отчете о боевых действиях в ходе взятия Брест-Литовска» от 8 июля 1942 г., подписанном командиром 45-й пехотной дивизии германского вермахта генерал-майором Шлипером. Именно этот вопрос оказался одним из самых сложных в ходе послевоенной мемориализации событий обороны Брестской крепости. Лишь летом 2014 г. в одной из сохранившихся частей кольцевой казармы была впервые открыта специальная экспозиция «Музей войны – территория мира» [7, S. 410]. В этой связи немецкий автор утверждает, что вынесенная за пределы музея истории обороны Брестской крепости новая экспозиция о плене, без конкретной привязки к самим защитникам, свидетельствует лишь о том, что в главной экспозиции музея обороны даже в новых условиях не нашлось места этому чрезвычайно важному историческому факту конца июня 1941 г.

В заключение анализа работ постсоветского периода К. Ганцер делает вывод, что сформированная раннее канва исторического нарратива «преимущественно сохранялась» и далее. В новой книге показано, что основу новых белорусских и российских изданий по-прежнему составляли воспоминания и традиционная литература [7, S. 14]. В исследовании немецкий автор упоминает только четырех авторов: Р. Алиева и И. Рыжова [7, S. 14], С. Новикова [7, S. 14], Н. Платошкина [7, S. 20] – тех, кто в постсоветский период пытался по-новому воссоздать историю обороны Брестской крепости. Особое внимание в работе немецкий историк уделил российским исследователям Р. Алиеву и И. Рыжову, благодаря которым появились солидные историко-документальные издания [1; 2; 3; 4; 5], основанные на оригинальных исторических документах из австрийских, белорусских, германских, российских архивов и музейных фондов.

Таким образом, исследование К. Ганцера ставит на повестку дня белорусской исторической науки и экскурсионной практики важные вопросы, которые накануне 80-летия обороны Брестской крепости приобретают особое значение. Главный ответ на них будет заключатся в том, каким образом и в какой степени зарубежная научная разработка станет фактом отечественной историографии, найдет отражение в концепции музейной экспозиции мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» и будет использоваться в текстах экскурсий для туристов из разных стран, в том числе из Германии.

Литература

1. Алиев Р.В. Штурм Брестской крепости. М.: Яуза; Эксмо, 2008. 800 с.
2. Алиев Р.В. Брестская крепость. Воспоминания и документы. М.: Вече, 2010. 448 с.
3. Алиев Р.В. Брест. Июнь. Крепость. В 2 кн. Кн. 1. Брест: Полиграфика, 2012. 272 с.
4. Алиев Р.В. Брест. Июнь. Крепость. В 2 кн. Кн. 2, ч. 1. М.: УП ПРИНТ, 2013. 288 с.
5. Алиев Р.В. Брест. Июнь. Крепость. В 2 кн. Кн. 2, ч. 2. М.: УП ПРИНТ, 2013. 220 с.
6. Брест. Лето 1941 г. Документы. Материалы. Фотографии / авт.-сост. К. Ганцер (рук. группы) и др. 2-е изд., испр. Смоленск: Инбелкульт, 2017. 728 с.
7. Ganzer Ch. Kampf um die Brester Festung. Ereignis – Narrativ – Erinnerungsort. Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh, 2021. 490 S.

S.Ya. Novikau

Minsk State Linguistic University

A new German view of the Brest fortress in June 1941

Key words: *Great Patriotic War; Brest Fortress; historiographic facts; narrative; German assault; Soviet defense.*

The article shows the significance of the methodological approaches of the German historical science for an objective reconstruction of the events of the history of the German assault and the Soviet defense of the Brest Fortress in the summer of 1941. The course of the June battles for the fortress based on the analysis of the results of bilateral battles, as well as personal losses composition on both sides, are considered. The essence of the formation in the post-war period of the official Soviet concept of the heroic defense of the western frontier of the USSR is revealed. Historical place of Soviet prisoners of war in the history of defense Brest Fortress in June 1941 is determined. The article also presents the specific of using the method of comparing historical reality and historiographical narrative in the historical description.

Е.В. Кодин

Смоленский государственный университет

УДК 94(476)

Американское послевоенное белорусоведение: становление, 1950–1960-е годы*

Ключевые слова: *история Белоруссии; американское белорусоведение.*

В статье показывается, как в послевоенный период в США начинался процесс формирования научного белорусоведения (на примере работ Н.П. Вакара и И.С. Любачко), закладывалась методологическая база с подходами и оценками, которые не потеряли своей актуальности и для современной академической исторической науки Белоруссии, создавалась библиографическая основа для дальнейших исследований истории Белоруссии, включавшая в себя и древние летописные своды, и документы эпохи Российской империи, и классические научные труды российских (советских), белорусских, украинских, польских исследователей, и первые работы американских политологов, социологов и историков (Мерл Фэйнсод, Ричард Пайпс, Алекс Инкелес и др.). Одновременно показывается вклад в развитие интереса к белорусской проблематике в американском обществе белорусских общественных организаций в США, в первую очередь Белорусской-Американской ассоциации.

Послевоенное становление американского белорусоведения в первую очередь связывают с именами Н.П. Вакара и И.С. Любачко.

Николай Платонович Вакар учился на юридических факультетах Московского, а затем Киевского университетов, участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах, служил в Добровольческой армии. Эмигрировал во Францию, жил в Париже, работал в газете П.Н. Милюкова «Последние новости». В 1940 г. в связи с начавшейся немецкой оккупацией Франции успел выехать в США, окончил Гарвардский университет, здесь же защитил докторскую диссертацию по славянской филологии. Работал преподавателем русского и белорусского языков в Гарвардском и Бостонском университетах.

Основной научный труд Н.П. Вакара – это его многолетнее исследование «Белоруссия. Создание нации» [13], подготовленное им еще в довоенном Париже, существенно доработанное по гранту Русского исследовательского центра Гарвардского университета и изданное там же в 1956 г.

Основные положения работы Вакара не потеряли своей актуальности и на день сегодняшний.

Вакар первым привнес в американское белорусоведение тезис об исключительности белорусского славянства. Вначале, пишет автор, белорусы осознали свое языковое отличие от других, затем отличия в обычаях и

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-59-00001/20 «Современное зарубежное историческое белорусоведение: эволюция методологических подходов и оценок».

верованиях и, наконец, в исторических корнях, и потому белорусы «считают себя самой древней и чистой ветвью славянской семьи» [13, p. 37].

С этим связано и неприятие Вакаром норманнской теории для Белоруссии. Делая вначале отсылку к рассказу в Никоновской летописи о захвате Аскольдом и Диром Полоцка, Вакар затем просто пересказывает для читателя заключение белорусских историков о том, что, в противоположность Новгороду, Полоцкая земля «не нуждалась в помощи иноземцев для того, чтобы привести их дом в порядок». Автор характеризует Полоцкое княжество как «первое независимое белорусское государство», которое стало богатым, подчинило себе соседние земли, торговало с греками, арабами, скандинавами и германцами, являясь на протяжении двух столетий «центром восточно-славянской культуры» [13, p. 40, 41, 42].

В современной Белоруссии данный тезис о первенстве Полоцкого государства в сравнении с Московским получил свое «официальное утверждение» в первом томе подготовленного Институтом истории Национальной академии наук Белоруссии пятитомника «История белорусской государственности». Читаем: Полоцк «не содержал в своем культурном слое материалов, свидетельствующих о присутствии варяжского контингента, который мог бы влиять на создание этого политического центра в государственной системе Восточной Европы» [1, с. 166]. В письменных источниках ничего не говорится о том, кто правил Полоцком в IX – начале X в., однако «археологический материал однозначно подтверждает единство материальной культуры Полоцка с его округой. Это позволило исследователям сделать вывод о том, что развитие Полоцка из племенного центра в раннегосударственный происходило на местной основе без вмешательства внешних сил» [1, с. 177]; «Восстановление в Полоцке правления династии Рогволодовичей на рубеже X–XI вв. красноречиво свидетельствует о том, что Полоцкое княжество окончательно стало на путь независимого развития, постепенно превращаясь из волости-княжества в государство-землю. В дальнейшем именно Полоцкая земля сыграла важнейшую роль в развитии белорусской государственности» [1, с. 141–177].

С легкой руки Вакара в американском белорусоведении закрепляется и тезис о том, что период пребывания белорусов в составе Великого княжества Литовского, а особенно 1350–1430 гг., был временем их расцвета, когда Литовско-Русское государство объединило в своем составе земли от Балтики до Черного моря, а самые восточные пограничные заставы находились в 65 милях от Москвы [13, p. 43]. Этот тезис находит свое дальнейшее развитие в современной белорусской академической науке: «ВКЛ являлось полиэтническим государством, в составе которого белорусский этнос оформил и осуществлял свою государственность в XIII-XVIII вв.; основу ВКЛ в период его возникновения и расцвета составляли белорусские территории и белорусское население» [1, с. 248].

У Вакара нет негативной оценки и пребывания белорусов в составе Речи Посполитой, однако со ссылкой на В.У. Ластовского он заключает, что в

процветавшей в прошлом белорусской нации не было ничего, что вызывало бы чувство симпатии у белорусского народа как к Польше, так и к России: «…Горькие воспоминания о прошлом отворачивают белорусов от тех и других» [13, p. 64]. При этом в современной белорусской исторической науке Речь Посполитая представляется и как *«союзное государство»* [1, с. 369], и как *«союзное соглашение государств»* [1, с. 449], и даже как *«единое федеративное государство»* [1, с. 374].

В оценке Вакара, перешедшие к Российской империи после разделов Речи Посполитой земли с белорусским населением называются не иначе как «аннексированными территориями», на которых осуществлялась политика русификации [13, p. 65–66]. Национальное же самосознание начинает проявляться у белорусов только в конце XIX в., но данный процесс был остановлен Первой мировой войной, когда тысячи белорусских семей двинулись на восток, а линия фронта разделила белорусов на части [13, p. 93]. Разделенными белорусы будут и при немецкой оккупации после Брестского мира, и при последовавшей польской аннексии западных белорусских земель, хотя, по утверждению автора, прибывшего в Минск Пилсудского с энтузиазмом приветствовали как «друга и освободителя белорусского народа» [13, p. 110]. Однако после Рижского мира политику полонизации в западной Белоруссии Вакар характеризует как «колониальную политику» [13, p. 132].

В восточной же части Белоруссии благодаря политике Москвы была достигнута главная цель, к которой десятилетиями стремились белорусские националисты: «было создано государство, равное в правах с самой Россией» [13, p. 138]. Речь идет вначале о провозглашении ССРБ, а затем и о создании БССР, где в противоположность полонизации проводилась политика белорусизации.

Договор с Германией 1939 г. автор называет четвертым разделом Польши, а наступление Красной армии 17 сентября – «советской оккупацией». Правда, здесь следует существенная оговорка: советско-германский раздел Польши означал для белорусов долгожданное воссоединение страны, когда они «смогли почувствовать, что их страна наконец-то стала по-настоящему нацией» [13, p. 155, 156].

Приведенные выше и другие оценки прошлого Белоруссии Вакар формулировал не на основе работы с архивными или иными документальными источниками, а главным образом сопоставляя и анализируя многочисленные труды российских (включая советских), белорусских, польских, украинских историков.

Иван Стефанович Любачко перед самым началом Второй мировой войны закончил физико-математический факультет Витебского педагогического института, в 1940 г. был мобилизован в Красную армию, попал в плен, в 1943 г. вывезен в Германию на работы. После окончания войны остался в Германии, преподавал в лагерях для перемещенных лиц, в белорусских школах. В начале 1950-х гг. эмигрировал в США. Учился в Блюмингтонском университете в штате

Индиана, в 1964 г. получил здесь же степень доктора наук по истории. Обучался в Колумбийском университете, преподавал в Блумингтоне.

И.С. Любачко известен по своей работе «Белоруссия под советской властью (1917–1957 гг.)» [10], изданной университетом штата Кентукки в 1972 г.

Любачко начинает свое повествование с констатации того, что в Белоруссии с энтузиазмом приветствовали Февральскую революцию 1917 г., в том числе и националисты. Они хотели сотрудничать с Временным правительством с целью дальнейшего формирования Белоруссии как части Российской федеративной демократической республики [10, p. 13]. И если в эпоху Временного правительства белорусские националисты довольствовались идеей автономии для Белоруссии, то сразу после Октября 1917 г. они начали требовать ее независимости. «Мечта о независимости была достигнута» 25 марта 1918 г., когда в оккупированном немцами Минске была провозглашена БНР [10, p. 24]. Однако немцы не стремились как-то поддерживать независимость Белоруссии, главным для них являлось экономическое использование оккупированных территорий для продовольственного снабжения армии.

Весной 1919 г., уже в ходе польско-советской войны, к белорусам с воззванием обратился Пилсудский, заверяя их, что он несет белорусскому народу свободу. В ответ, пишет Любачко, белорусы «приветствовали польские войска» [10, p. 35]. Однако в начале мая того же года стали очевидными реальные планы «освобождения» по Пилсудскому, когда польский сейм постановил, что Белоруссия исторически являлась частью Польского государства и потому должна полностью войти в состав Польши [10, p. 35]. Любачко оценивает это как стремление Польши «оккупировать территорию», а затем под польским наблюдением провести плебисцит о воссоединении с Польшей [10, p. 35].

Так и случилось, читаем дальше. 8 августа поляки захватили Минск. К этому времени «все обещания Пилсудского, данные им белорусскому народу, были окончательно забыты» [10, p. 38]. На оккупированных территориях польский язык объявляется государственным, белорусские и русские школы закрыты. 1919–1920 гг. – это время польской «оккупации», когда польская армия сжигала целые белорусские деревни [10, p. 38], что привело к началу партизанского движения.

Дата 11 июля 1920 г., когда Красной армией был освобожден Минск, автором называется Днем освобождения от польского гнета [10, p. 45], но после поражения под Варшавой последует Рижский мирный договор и очередной раздел Белоруссии.

К концу Гражданской войны, заключает Любачко, Белоруссия была на краю «полного экономического хаоса». После шести лет мировой войны и революции транспортная система была «полностью парализована» и до того «недоразвитая промышленность» практически перестала существовать, производство в сельском хозяйстве сократилось на 50% в сравнении с довоенным периодом [10, p. 62]. А наступившая эпоха нэпа характеризуется автором как «золотой век белорусской культуры» [10, p. 80]. Любачко очень

позитивно оценивает начавшийся с июля 1924 г. процесс белорусизации в республике [10, p. 85], называя происходившее в стране «ренессансом белорусского культурного развития» [10, p. 86].

В советской Белоруссии произошло невообразимое, читаем в работе, – «мирное вживание разрозненных национальных групп в Советский Союз...», когда «белорусские националисты и коммунисты смогли объединиться на общей основе – мирном восстановлении их разрушенной войной родины» [10, p. 92]. Однако далее последовала чистка 1933–1934 гг., которая «полностью уничтожила белорусское национальное и культурное руководство», прервала белорусское национальное сопротивление [10, p. 115], колхозный строй станет «вторым крепостным правом большевиков» [10, p. 118], а «диктатура партии» будет заменена «диктатурой одной личности – Сталина» [10, p. 118].

В сентябре 1939 г. жители Западной Белоруссии приветствовали Красную Армию «с большой радостью», считает Любачко, поскольку то было в их понимании «освобождение от польского гнета» [10, p. 139]. Страна воссоединилась в своих национальных границах.

В завершение книги автор предлагает читателю следующее рассуждение. В 1930-е гг. белорусы осознали, что советское правительство во главе со Сталиным «не предложило им ничего, кроме голода, политического террора и высылки в Сибирь». Зрел «молчаливый протест». Он стал очевидным с нападением Германии в июне 1941 г. Но немецкие оккупанты не являлись освободителями Белоруссии. Наоборот, им нужно было жизненное пространство на востоке за счет славянских народов. Да, Германия проиграла войну, но немцы «помогли Сталину сохранить террористический режим» [10, p. 191].

Работы указанных авторов стали по-настоящему первыми *научными исследованиями* по истории Белоруссии, подготовленными и изданными в США. Об этом свидетельствует обширная историографическая база, положенная в основу трудов Вакара и Любачко. Причем у Вакара непосредственно в работе «Белоруссия. Создание нации» вообще не перечисляются источники, на которые часто ссылается автор. Историография оказалась настолько обширной и объемной, что все источники были изданы отдельным томом в формате библиографического указателя [12]. В нем впечатляющий список справочной и научной литературы: труды Е.Ф. Карского, В.И. Пичеты, Т.Д. Флоринского, В.М. Игнатовского, М.В. Довнар-Запольского, Д.И. Иловайского, М.К. Любавского, В.Б. Антоновича, А.И. Луцкевича, П.Н. Милюкова и многих других ученых, энциклопедические издания, словари и др.

Конечно, данное обстоятельство никак не означало полной авторской объективности в оценке тех или иных событий и явлений в истории Белоруссии, по при этом оно свидетельствует о научных принципах подхода в исследовательской работе и Любачко, и, в особенности, Вакара, поскольку высокие научные стандарты Гарварда обязывали его к этому.

В том же 1956 г., когда вышла книга Вакара и его же отдельный том объемного библиографического указателя источников, университет Чикаго подготовил и издал небольшую брошюру «Библиография по Белоруссии» [3]. В

работе имеются 82 позиции аннотированных изданий, а также специальные библиографические материалы (например, алфавитный индекс белорусской прессы за 1917–1927 гг.). Общий перечень в разы меньше указателя Вакара и при этом довольно тенденциозный по характеру аннотированных в нем работ.

Подборка, выстроенная в алфавитном порядке, начинается с выступления председателя Рады БНР (в эмиграции) Николая Абрамчика «Я обвиняю Кремль в геноциде моего народа» в 1950 г. в Торонто перед созданным в 1948 г. «Союзом белорусов Канады» («Byelorussian Aliance in Canada»). Публикация аннотирована как «откровенное обвинение советского правления в Белоруссии, основанное на секретных документах военных прокуроров и НКВД» [3, p. 1].

Из работ русских и белорусских авторов следует выделить трехтомник Е.Ф. Карского «Белорусы», изданный в Варшаве в 1903–1922 гг., и переведенное на английский язык пятитомное издание В.О. Ключевского «История России», а из серии персональных воспоминаний – работу «Белорусский коммунизм и национализм» [9] С. Крушинского, одного из участников первых попыток создания независимого белорусского государства во время и после Первой мировой войны.

Как серьезное научное издание представлена совместная работа Дэвида Далина и Бориса Николаевского «Принудительный труд в Советской России», изданная Йельским университетом еще в 1947 г. [5]. В объемном труде приводятся данные о количестве исправительных лагерей в СССР, дается их перечень, указывается численность заключенных, описываются лагерные условия, отношения между заключенными, ценность человеческой жизни, рабский труд заключенных на стройках первой и второй пятилеток, отдельно рассмотрены северные лагеря, включая Соловки.

Из американских авторов читателю рекомендовались работы представителей Гарвардского университета: Мерла Фэйнсода «Как управляется Россия» (1953) [6], Алекса Инкелеса «Общественное мнение в Советском Союзе» (1950) [7] и особенно «Создание Советского Союза» (1954) Ричарда Пайпса [11], в которой Белоруссии были посвящены отдельные разделы в главе 3 (с. 140–154) и частично главы 1, 2 и 6, где автор описывает, как большевистские лидеры подстроили свою политику под национальные ожидания нерусской части населения страны, с тем чтобы получить их поддержку.

В брошюру успела попасть и главная работа Н.П. Вакара «Белоруссия. Создание нации», которая только вышла в издательстве Гарвардского университета. Книга представлена как исследование исторических, административных и юридических основ «подъема Белоруссии до уровня государственного положения», основанное на «очень тщательном изучении всей литературы, которая имеется в стране» [3, p. 11]. И, конечно, указана первая статья Вакара 1949 г. «Название "Белая Русь", в которой впервые для американцев он предложил разные трактовки возникновения названия Белоруссии [14].

Эта же тема национальной политики предлагалась к более подробному знакомству по книге Уолтера Коларза «Россия и ее колонии» (1952) [8], среди

которых значилась и Белоруссия (с. 153–162). В построенных на газетных публикациях выводах автора отношения России и других национальностей страны определялись как колониальные.

Параллельно с формированием научного направления по белорусоведению в США шел и иной процесс презентации американскому обществу истории белорусского народа. Делалось это под эгидой Белорусской-Американской ассоциации (Belarusan-American Association / Беларуска-Амерыканскае Задіночаньне, сокращенно BAZA), зарегистрированной в Нью-Йорке в 1950 г.

В 1958 г. к 40-летию провозглашения Белорусской Народной Республики (БНР) ассоциация подготовила и издала небольшого объема (80 страниц. – *Е.К.*) книгу на английском языке «День белорусской независимости» [4], в которой собраны тексты выступлений американских политиков по случаю нескольких годовщин провозглашения БНР. Авторы и составители не названы.

В небольшом предисловии утверждается, что, начиная с 25 марта 1918 г., белорусский народ в различных формах продолжает свою «борьбу... за свободу». Да, формально БССР – это независимое государство, которое даже является самостоятельным членом ООН. Но фактически белорусский народ находится под «гнетом, русификацией и колониальной эксплуатацией» русских, испытывает на себе «политику геноцида со стороны красного империализма москвичей» [4, p. 6–17].

В таком же ключе выступают и американские должностные лица. Так, мэр Нью-Йорка Роберт Вагнер (Robert F. Wagner) призывал белорусских по происхождению американцев и дальше поддерживать борющихся за свое освобождение «порабощенных соотечественников на родине» [4, p. 26].

Прокламация губернатора штата Нью-Йорк Роберта Мейнера (Robert B. Meyner) от 25 марта 1957 г. была более развернутой. Губернатор констатировал: «Несмотря на то, что эта республика пала в результате захвата вооруженными силами русских империалистических коммунистов, противостояние белорусского народа этому иностранному коммунистическому тоталитарному режиму никогда не прекращалось, и миллионы белорусских патриотов все еще надеются добиться национальной независимости и демократии для своей страны» [4, p. 31], в чем их следует поддержать не только морально, но и материально. Последнее адресовалось всему «свободному миру».

В выступлении сенатора от штата Нью-Йорк Альберта Боша (Albert H. Bosh) на заседании палаты представителей 24 марта 1955 г. говорилось о трагичной борьбе белорусского народа за свою независимость. Хотя в прошлом белорусы на протяжении нескольких столетий «наслаждались независимостью своего отечества», создав вначале Полоцкое государство, затем Литовское княжество, которое защитило Европу от монгольского нашествия. После разделов Польши в конце XVIII в. русские начали «искоренять» национальные и политические традиции белорусов, однако победить белорусское национальное движение не удалось ни царизму, ни большевикам [4, p. 51–53]. А 33 года

«коммунистического террора» на родине принесли белорусскому народу наибольший вред за всю его историю.

«Невинная белорусская нация» страдала от «советского империализма», от «советского геноцида», почти 40 лет существовала в условиях «бесчеловечной советской жестокости», «свидетельствует» другой сенатор. Но белорусы так и не приняли коммунизм и сохранили стремление к свободе. И в этом, заверял один из конгрессменов, американский народ всегда будет их поддерживать [4, p. 39–40].

Конечно, такого рода заявления и оценки со стороны политического истеблишмента США никак не отражались на научных оценках белорусской истории, однако они вносили свою лепту в общее формирование тоталитарной концепции в изучении Советского Союза.

Итак, в послевоенный период в США начинается процесс формирования научного белорусоведения, отвечающего высоким академическим стандартам Гарвардского университета (непосредственно Н.П. Вакар, И.С. Любачко, опосредованно Р. Пайпс, А. Инкелес, М. Фэйнсод и др.). Закладывается методологическая база с подходами и оценками, которые не потеряли своей актуальности и для современной академической исторической науки Белоруссии. Одновременно создается библиографическая база для дальнейших исследований истории Белоруссии, в которую включаются и древние летописные своды, и документы эпохи Российской империи, и классические научные труды российских (советских), белорусских, украинских, польских исследователей, и первые работы американских политологов, социологов и историков. Свою лепту, хотя и своеобразную, с ярким националистическим окрасом, в развитие интереса к белорусской проблематике в американском обществе и «политического» белорусоведения в среде американского истеблишмента внесли белорусские общественные организации, в первую очередь Белорусская-Американская ассоциация.

Литература

1. История белорусской государственности. В 5 т. Т. 1: Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII века / А.А. Коваленя [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2018. 598 с.

2. Abramcyk Mikola. I Accuse the Kremlin of Genocide of my Nation. Toronto: Byelorussian Aliance in Canada, 1950.

3. Bibliography of Belorussia. Prepared by University of Chicago. New Haven, Connecticut, 1956. 18 p.

4. Byelorussia's Independence Day. March 25, 1918. Documents, Facts, Proclamations, Statements and Comments. Byelorussian-American Association. New York, 1958. 77 p.

5. Dallin David Julievich and Boris Nikolaevskii. Forced Labor in Soviet Russia. New Haven: Yale University Press, 1947. 331 p.

6. Fainsod Merle. How Russia Is Ruled. Cambridge: Harvard University Press, 1953. 575 p.

7. Inkeles A. Public Opinion in Soviet Russia. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1950. 379 p.

8. Kolarz W. Russia and Her Colonies. New York: Frederick A. Praeger, 1952. 335 p.

9. Krushinskii S. Belorussian Communism and Nationalism; Personal Recollections. Research Program on the USSR, mimeographed series, number 34. New York, 1953. 81 p.
10. Lubachko Ivan S. Belorussia Under Soviet Rule, 1917–1957. University Press of Kentucky, 1972. 240 p.
11. Pipes R. The formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1954. 355 p.
12. Vakar N.P. A Bibliographical Guide to Belorussia. Cambridge: Harvard University Press, 1956. 63 p.
13. Vakar N.P. Belorussia. The Making of a Nation. A Case Study. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1956. 297 p.
14. Vakar N.P. The Name "White Russia" // The American Slavic and East European Review. Vol. 8. No. 3 (Oct., 1949). P. 201–213.

E.V. Kodin
Smolensk State University

American Post-war Belarusian Studies: Formation, 1950s–1960s

Key words: *history of Belarus; American Belarusian studies.*

The article shows how in the post-war period in the United States the process of formation of scientific Belarusian studies began (on the example of the works of N. P. Vakar and I. S. Lubachko), laid a methodological basis with approaches and assessments that have not lost their relevance for modern academic historical science of Belarus, created a bibliographic basis for further research of the history of Belarus, including ancient chronicles, documents of the era of the Russian Empire, and classic scientific works of Russian (Soviet), Belarusian, Ukrainian, Polish researchers, and the first works of American political scientists, sociologists and historians (Merle Fainsod, Richard Pipes, Alex Inkeles, etc.). At the same time, the contribution of Belarusian public organizations in the United States, primarily the Belarusian-American Association, to the development of interest in Belarusian issues in the American society is shown.

А.Н. Стебурако

Республиканский института высшей школы
Беларусь, Минск

УДК 94(476):930(44)“1990/2010”

Постсоветская трансформация белорусского общества и государства: современная французская историография*

Ключевые слова: *историческое белорусоведение; научное белорусоведение во Франции.*

Статья посвящена современной французской историографии, касающейся общественно-политических процессов в белорусском обществе на новом этапе его развития, связанного с обретением Беларусью независимости в 1991 г. Это одна из наиболее востребованных тематик в современном французском белорусоведении. В центре внимания данной публикации – книги и коллективные монографии французских ученых, изучающих сложный и противоречивый путь трансформаций белорусской политической системы и становления гражданского общества, над которыми продолжает довлеть советское прошлое.

В рамках современного французского белорусоведения выгодно выделяется направление, изучающее специфику развития белорусского общества и политического устройства в 1990–2000-е гг. Бесспорно, это не обозначает тотального отсутствия интереса к другим областям жизни и истории белорусского народа, однако этот интерес носит куда более избирательный и слабовыраженный характер. Французские ученые за последние три десятилетия создали достаточно значимый корпус текстов на вышеупомянутую тематику, анализу которых будет посвящена данная статья.

Таким образом, целью публикации станет знакомство с образом взаимоотношений государства с белорусским обществом на новом этапе жизни страны, связанной с обретением независимости в 1991 г. Бесспорно, и прежде подобная тематика существовала, но, скорее, в контексте советологии в общем. В последнее десятилетие XX в. новый статус Беларуси сделал страну достойным особого интереса французских политологов, историков, славистов, географов, социологов и т.д. Именно этим объясняется определённая пестрота профессиональных компетенций авторов книг и статей о белорусских политических реалиях 1990–2010-х гг. Подобная тенденция была отмечена в рамках белорусского опыта изучения французского белорусоведения еще десятилетие назад. Похоже, данная тенденция сохраняется, а после событий

* Исследование выполнено при поддержке БРФФИ и РФФИ в рамках научного проекта Г20Р-011 «Современное зарубежное историческое белорусоведение: эволюция методологических подходов и оценок».

2020 г. даже усиливается (что, безусловно, даст в скором времени новый пласт тематических научных публикаций).

Обратимся к наиболее значимым публикациям французских ученых, анализирующих постсоветские трансформации в белорусском социуме. Первые обзоры страноведческого характера стали появляться непосредственно в самом начале 1990-х гг. Одной из наиболее ранних книг, вдохновленных появлением на политической карте независимого Минска, стало издание Б. Дрвески в серии «"Что я знаю?" (QSJ collection, n° 2775))» [10].

Книга носит достаточно обобщающей характер, фактически не содержит аналитики, статистических данных и библиографии, что объясняется, по-видимому, задачей дать читателю самое общее представление о возникшей после распада СССР независимой республике. Как и почему правильно называется страна: Беларусь, Белоруссия, Белая Русь? Какие же существуют характерные черты белорусов, которые фактически не говорят на родном языке и не слишком стремятся к национальной самоидентификации?

Автор приводит наиболее яркие и трагичные страницы истории Беларуси (в том числе национальные катастрофы Первой и Второй мировых войн, сталинизма, чернобыльской аварии). В шести главах книги Б. Дрвески Беларусь предстаёт как страна на перекрестке влияний и интересов соседних государств – «... пункте пересечения границы между странами Центральной и Восточной Европы». Беларусь, таким образом, предстаёт как недооценённый европейский игрок, который в силу своего экономического значения играет заметную роль в Восточной Европе и может стать фактором умиротворения и сдерживания региональных конфликтов. Пожалуй, это одна из немногих книг, фиксирующих начальный этап независимости Беларуси как парламентской республики. Уже в самые ближайшие годы политические изменения 1994–1996 гг. в стране приведут к немедленному смещению акцентов во французском белорусоведении.

Одна из научных работ посвящена вопросу государства к белорусскому языку в два последних десятилетия XX в. – докторская диссертация Ж.-П. Жанто. Автор исходит из того, что за выбранный отрезок времени произошли три изменения в языковой политике государства. В его работе делается упор на их прослеживании, уделяется основное внимание языку школьного образования, который считается наиболее показательным для общей национальной политики. Автор в соответствии с принципом историзма стремился рассмотреть сами языковые процессы и связать их с политическими изменениями, особенностями формирования национального сознания в Беларуси. В результате автор диссертации выделяет поздний советский период, культивирующий национальный и языковой нигилизм, несмотря на статьи советской конституции 1977 г., декларирующие равенство всех союзных языков, но оставляющие за родителями право настаивать на получении образования их детьми на русском языке. Затем идет период белорусизации, связанный с принятием закона о языках 1990 г. и расширением образования на белорусском языке. Третий этап, начавшийся с утверждения результатов референдума 1995 г., характеризуется

как новый виток дискриминации белорусского языка, несмотря на сохранение де-юре его государственного статуса. Ж.-П. Жанте отмечает, что в таких условиях белорусский язык все больше теряет влияние в обществе и школе, но при этом приобретает роль политического и идейного маркера. В результате государственная политика в этой сфере на третьем этапе вновь сильно напоминает поздний советских период, наносящий непоправимый ущерб национальной белорусской культуре и языку [14].

Оригинальный взгляд на политику государства в области исторической памяти предлагает книга «Между Европой и Россией: Беларусь из школьных учебников» [19]. Монография доктора политологии Страсбургского университета А. Задоры посвящена формированию национальной идентичности при помощи школьных учебников по истории. Книга стала результатом успешного диссертационного исследования, сопровождаемого большим количеством тематических публикаций. Автор отмечает, что географическое положение между Россией и Европой наложило свой отпечаток на процесс идентификации жителей страны. А. Задора сначала анализирует советские учебники, предлагающие совершенно космополитное и классовое видение прошлого белорусским детям как советским людям и строителям коммунизма. На смену такому подходу приходят совершенно новые учебные материалы первой половины 1990-х гг., создающие у школьников ощущение богатой и достойной уважения истории собственного народа и воспитывающих свободную личность, способную критически и самостоятельно мыслить. И, наконец, третья редакция учебников появляется как ответ на государственный заказ после известных событий середины 1990-х гг. (выборы президента 1994 г. и трёх референдумов 1995, 1996, 2004 гг.) и отмеченных возвращением к многим мифологемам советского времени и созданием новых догм, поддерживающих установившееся политическое устройство страны.

Ценность данного исследования заключается в выявлении закономерностей по формированию национальной идентичности белорусов при помощи механизма трансляции образов и идей – школьного образования и учебной литературы.

Книга современного французского политолога Ф. Маршесана стала одним из наиболее заметных исследований развития Беларуси в первые пятнадцать лет её независимости. Это обусловлено погружением автора в изучаемую проблему через приобщение к созданию в 2003 г. франко-белорусского факультета политологии Европейского университета, а после упразднения высшего учебного заведения – управления Французско-Белорусским центром политологии и европейских исследований вплоть до возвращения ученого в 2005 г. во Францию.

Исследование имеет междисциплинарный характер, включает большое количество исторической и страноведческой информации. Издание, рассчитанное на неискушенного в белорусоведении читателя, начинает представление страны с вопроса происхождения названия и содержательных отличий названий «Белоруссия» и «Беларусь», столь значимых для современной

самоидентификации граждан государства. Этот вопрос тем более важен, поскольку французская традиция использования варианта названия «Biélorussie» контрастирует с официальным названием страны – «Bélarus».

При этом основной фокус внимания автора концентрируется на анализе политической системы Беларуси, которая прежде, по мнению автора, не имела значительного опыта самостоятельной жизни, входя в более масштабные государственные объединения от Киевской Руси и Великого княжества Литовского до Речи Посполитой, Российской империи и СССР. Ф. Маршесан акцентирует внимание на советском наследии в жизни современного белорусского общества, что проявляется как в названиях улиц и содержании праздников, так и в самой сути политической жизни страны. Белорусский феномен, таким образом, выглядит как некий «неосоветский режим» на постсоветском пространстве, своеобразный «политический музей» в центре Европы.

Примечательно, что французкий политолог даёт весьма обстоятельный анализ электоральной компании 2006 г., где действующему президенту противопоставлялся объединённой оппозицией кандидат – А. Милинкевич. Автор описывает разделение общества, где сторонниками А.Г. Лукашенко выступали преимущественно пенсионеры, ностальгирующие по СССР. А оппоненты, наиболее прогрессивная часть общества, подверглись различным формам преследования вплоть до обвинения в терроризме. Констатируя чрезвычайно слабое состояние гражданского общества Беларуси, ученый обосновывает авторское определение политического режима в государстве – «популистский авторитаризм» [18, с. 56].

Особое место среди французских книг о Беларуси в 1990-х гг. занимает издание мемуаров супруги первого посла Франции в Беларуси в период с 1992 по 1997 г. господина К. Жолифа. Автор книги, А. Жолиф, политолог по образованию, профессионально описывает, используя яркие детали, меткие характеристики, иронические замечания, становление французского дипломатического представительства в Минске в этот период, в стране, где до того момента не существовало институционального представительства Французской Республики [15].

Постепенно, объектом внимания А. Жолиф становится всё больше сама политическая элита молодой независимой Беларуси. Она отмечает энтузиазм части общества, стремящегося воспользоваться самостоятельностью для государственного строительства, растерянность и ностальгию по советскому прошлому у других её представителей. Затрагиваются в книге и более общие философские вопросы, витающие в воздухе в 1990-х гг.: «Чего хочет народ в поисках своей идентичности? Куда ведет его предводитель, которому он вверил себя?». В книге много внимания уделено актуальным на тот момент гуманитарным проблемам белорусского общества, сложностям в здравоохранении, порожденным катастрофой на Чернобыльской АЭС. Некоторые описываемые в книге факты чрезвычайно интересны, так как автор, как «первая леди посольства», имела возможность присутствовать на важных

неформальных встречах, быть свидетелем реплик и действий первых лиц государства. В частности, значительное место в книге имеет отражение феномена прихода к власти А.Г. Лукашенко и его первых шагов в создании своеобразной политической модели, к сторонникам которой никак нельзя причислить госпожу А. Жолиф [9].

Книга «L'équipée biélorussienne» вышло в рамках «Белорусской коллекции» издательства «L'Harmattan», курируемой В. Шиманец, что придает этой книге еще больший вес как составной части важнейшего для современного французского белорусоведения издательского проекта [20].

Было бы несправедливо обойти вниманием и еще одно издание по нашей теме, авторами которого выступили В. Шиманец и Ж.Ш. Лальман. Книга «Беларусь: устройство одной диктатуры» помогает французскому читателю понять специфику Беларуси 1990–2000-х гг., отвечая на вопросы о функционировании власти, идеологических основах, социальной и культурной динамике, влиянии Чернобыльской катастрофы, декларировании построения социального государства, деятельности цензуры в СМИ, национализме и популизме в белорусском обществе. Пробуя объяснить причины чрезвычайной устойчивости режима, авторы анализируют механизм политического лавирования и серии дипломатических кризисов то с Западом, то с Россией. Книга уходит от традиционного для французской историографии взгляда на Беларусь как на некий «заповедник» советской идеологии и плановой экономики, ведь в этой стране сформировался новый феномен, сочетающий ряд совершенно новых черт (в том числе и элементы капиталитической экономики – так называемой «социально ориентированной рыночной экономики») [2, с. 16]. Ж.Ш. Лальман и В. Шыманец, лучшие современные специалисты в белорусской политике и культуре соответственно, пробуют спрогнозировать будущее политической системы страны, рассуждая, возможен ли «украинский» или «грузинский» сценарии развития событий, как повлияет спор Беларуси с Россией о цене на энергоносители и т.д. Примечательно, что в данном издании в пику французской практике используются транскрипции имён и названий не с русского, а с белорусского языка («Loukachenka» вместо «Loukachenko», «biélorussien» вместо «biélorusse»).

Книга социолога Р. Эрвуэ из Бордо продолжает французскую научную традицию, фиксирующую большое внимании на типологии политических режимов и соответствующей трансформации общества. Французский ученый провел в Беларуси более двух лет в конце 1990-х гг., что позволило ему познакомиться с особенностями бытовой культуры белорусов и предложить европейскому читателю очерк этнографической микросоциологии повседневной жизни. Серость и однообразие постсоветских городов страны, типовые плохо изолированные квартиры в многоэтажных ординарных домах, низкий уровень жизни и некачественная еда, давление и неусыпный контроль со стороны государства. Как в таких условиях строить свою жизнь и к чему стремиться в столь бесперспективной ситуации? Автор полагает, что ответом белорусов стала тяга к созданию собственного убежища, куда можно отлучаться по выходным –

даче. Пределом мечтаний тут становится небольшой отдельный домик с шиферной крышей, где можно почувствовать себя, наконец, хозяином, достойной личностью («Когда ты на даче, тебе больше нечего делать по магазинам, нет переполненного общественного транспорта, больше нет бюрократических процедур») [12, с. 4]. С другой стороны, Р. Эрвуэ опасается, что государство отдаёт отчет о наличии подобной привязанности или отдушины для белорусского общества и стремится манипулировать гражданами при её помощи. В одной из рецензий эту монографию очень метко назвали «...этнографическим очерком о том, как переживается диктатура белорусами в рамках повседневности» [6, с. 455].

Сущность книги французского социолога лежит в исследовании повседневной жизни белорусского общества в условиях мягкой диктатуры («в университете восстанавливаются обязательные курсы, восхваляющие государственную идеологию») с ежедневной кафкианской бюрократией, очередями, коммунальными квартирами и бытовой неустроенностью [12, с. 15]. В таких условиях бегство на дачу может быть истолковано как «пассивное сопротивление логике власти» и выстраивание своего собственного мира совместно с несколькими поколениями семьи, ведь экономической целесообразности приверженность белорусов к своим огородам фактически не имеет [12, с. 151]. Книга Р. Эрвуэ о повседневности белорусского общества получила широкую известность благодаря парижскому изданию 2007 г. и берлинскому переизданию двумя годами позже.

Отметим, что в первое десятилетие XXI в. было подготовлено значительное количество книг и тематических сборников, посвященных положению в Беларуси. Остановимся еще на нескольких достаточно характерных примерах.

Чрезвычайно важная книга французской исследовательницы В. Дю Кастель обобщает опыт наблюдений за Беларусью в 1990-х гг. [11]. Автор книги, специалист по региону Восточной Европы, рассматривает ситуацию в стране в неразрывной связи с интеграционными процессами на постсоветском пространстве и учитывает её исторический опыт взаимоотношений с Россией, Украиной, Польшей и Литвой.

Опираясь, порой, на достаточно обобщённые и упрощённые данные и утверждения, она пытается объяснить феномен усиления авторитарной власти президента, поддерживаемого значительной частью граждан республики. Политическая оппозиция в Беларуси предстаёт лишь в свете её прозападной ориентации и представляется носителем демократических ценностей. Но автор не даёт должного ответа на вопрос о причинах её систематических проигрышей в противостоянии с властью. Книга В. Дю Кастель зафиксировала важный этап: преддверие расширения Европейского союза на восток, когда непосредственные соседи Беларуси – Польша и Литва присоединились к Шенгенскому соглашению. Какие возможности это открывает для «сбившейся с курса» Беларуси? Как будут развиваться её дальнейшие отношения с Россией? Какое место в конце концов займет Беларусь в политической архитектуре Европы в XXI в.? Ответы на эти вопросы ищет и, порой, не находит автор книги.

Достоинством книги является её взгляд на Беларусь как на недооцененного игрока в регионе, находящегося в описываемый момент в политическом и экономическом застое, но обладающего большим стратегическим потенциалом, находясь на пересечении транспортных коридоров и политических интересов [7, с. 793].

Книга А. Лапатневой о характере политической власти в Беларуси вносит весомый вклад во французскую традицию изучения жизни белорусского общества в последнее десятилетие XX в. Книга является составной частью проекта «Коллекция Беларуси» издательства «L'Harmattan», дающего, пожалуй, наиболее полный взгляд для французского читателя на историю, культуру, искусство и идентичность Беларуси [17].

Автор часто обращается к судьбам простых белорусов, их повседневности, чаяньям и стремлениям. С другой стороны, А. Лапатнева анализирует содержание выступлений президента Беларуси, механизм формирования властной вертикали власти, специфику ее легитимности. Ярчайшее явление политической истории середины 1990-х гг. – общереспубликанские референдумы 1995 и 1996 гг., – занимают особое место в издании как элементы квазипрямой демократии и «инсценировки народной поддержки». Соответственно, главные разделы книги посвящены политическому «восхождению» президента А.Г. Лукашенко и особенностям его власти, состоянию белорусского общества и его историческому прошлому. Таким образом, в книге создаётся образ гибридного общества, наполовину советского наполовину белорусского, полукоммунистического – полукапиталистического, полузападного – полуевразийского... [8, с. 837]. Общество, разочарованное распадом СССР, удрученное экономическими сложностями первых лет независимости, живущее прошлым, не слушающее слабые альтернативные голоса и мнения.

Благодаря усилиям Ф. Депельто, канадского социолога, в 2003 г. была издана коллективная монография, объединившая одиннадцать статей ученых в сфере социальных наук из Франции, Канады и Беларуси. Язык сборника – французский, что способствовало его преимущественному распространению не только в Канаде, но и во Франции [1].

Как отмечают составители, саму Беларусь, по их мнению, фактически можно назвать «сборником» самых драматических событий современной истории. Беларусь была захвачена нацистскими войсками, пережила сталинизм, испытала на себе заражение радиацией в 1986 г. Начало XXI в. Беларусь встретила под властью неосоветского и популистского лидера, насмехающегося над западными державами. Исключительность республики в том, что она является одной из немногих стран Европы, сопротивляющихся переходу к демократии и свободному рынку.

Вступительное слово подготовил бывший председатель Верховного Совета РБ – С. Шушкевич. В сборник вошли материалы, посвященные следующим темам: «От независимости до Лукашенко: политические события в Беларуси в 1990-е годы», «Лукашенко, Беларусь и Россия», «Восток или Запад:

двусмысленность и неопределенность внешней политики Беларуси», «Белорусская независимая пресса: постоянное нарушение свободы слова», «Вопрос культуры и идентичности в Беларуси», «Белорусский энергетический сектор: продолжающееся влияние России», «Чернобыльская катастрофа и политика государства в отношении пострадавшего населения», «Свидетельство о Чернобыле: гуманитарные науки и искусство перед лицом катастрофы». Одна из статей имеет весьма интригующее название – «Быть на даче» авторства французского социолога Р. Эрвуэ, в которой он делится собственным опытом социологических исследований повседневности белорусского общества, ищущего автономии от вмешательства бюрократии и власти в своеобразном бегстве на дачу [1, p. 257]. Примечательно, что через несколько лет обозначенная в данном сборнике тема Р. Эрвуэ переросла в отдельную вышеупомянутую монографию.

Еще один тематический сборник был издан во Франции, приуроченный к первому юбилею независимости Беларуси – «Хроники о современной Беларуси». Его появление было продиктовано желанием подвести некоторые промежуточные итоги развития страны за этот период. Авторы склоняются к тому, что вызывающая беспокойство ситуация в Беларуси не может быть объяснена лишь через парадигму покорности ее населения, которое было лишено самобытности и национального самосознания.

В книге собраны статьи как французских, так и белорусских авторов. Так, Б. Дрвески предлагает понять культуру современной Беларуси как синтез влияний различных западных и восточных традиций и религий в прошлом. В. Шиманец стремится дать оценку специфики развития культуры при авторитарном режиме. Отдельные материалы книги посвящены вопросам историографии изучения белорусских евреев (C. Le Foil); взаимодействию идеологии и политических практик в стране (A. Goujon); вопросу торговли Беларусью оружием на мировом рынке (J.-C. Lallemand); существованию кланов и проблеме коррупции в экономике (J.-C. Lallemand); сотрудничеству западных стран с Беларусью и её соседями в деле ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС 1986 г. и др. [5].

Книга «Нуклеарная политика: Чернобыль и национальная память в современной Белоруссии» базируется на материалах диссертационного исследования по политологии, защищенного в Париже в 2012 г. Т. Касперски [13]. Автор провела массу интервью с различными респондентами, вовлеченными в проблему Чернобыля: от переселенцев и жителей чернобыльской зоны до врачей и политиков. Книга снабжена обширной библиографией и тематическими приложениями, собранными в архивах [16, p. 302-343]. Автора интересовало, как трансформировалась память о катастрофе в связи с изменениями политического режима и как менялась риторика политиков на эту тему в зависимости от обстоятельств за последние десятилетия. Опосредованное отражение этих изменений Т. Касперски искала на страницах белорусских учебников, в текстах на досках мемориалов, в газетных публикациях.

Переходя в плоскость политологического знания, автор выделяет два нарратива о Чернобыльской аварии, берущих начало с конца 1980-х гг. и получающих в последующие десятилетия яркое развитие («две отдельные версии национального прошлого») [16, с. 31]. Первый, официальный оптимистический взгляд на катастрофу и пути её ликвидации и, второй, принадлежащий демократической общественной мысли, связывающий аварию на Чернобыльской АЭС с прочими злодеяниями режима («Одним из преступлений коммунистического режима против белорусского народа, которые, как и сталинские расправы, ознаменовали советское время «русского империализма» [16, p. 32]). В третьей главе автор сопоставляет официальный «патерналистский проект» и «протестный националистический проект», оба активно использующие память о чернобыльской трагедии. Речь идет о традиционных поездках президента в загрязненные районы на юге Беларуси в апрельские дни и проводимые оппозицией шествия в годовщины аварии («Чарнобыльскі шлях») [4].

Изучение деятельности негосударственных исследовательских центров общественного мнения в Беларуси позволяет автору, М. Бигде, пересмотреть границу между наукой и политикой, затронуть вопрос об интеллектуальном факторе в постсоветских преобразованиях в Беларуси. В 1992 г., опираясь на модель «мозговых центров», белорусские предприниматели-интеллектуалы основали первые частные научно-исследовательские институты. Тогда новый профессиональный способ интеллектуальной деятельности задумывается как инструмент «десовитизации» науки и «демократизации» политической жизни. Особый интерес автора вызывают международные связи белорусских негосударственных исследовательских центров (к примеру, с Фондом Сороса), проведение совместных научных мероприятий и социологических исследований. Политические преобразования 1995–1996 гг. маргинализировали это пространство и способствовали его значительной политизации. «Think tankers» в таких условиях стали основой для формирования альтернативных общественных взглядов на политику А.Г. Лукашенко. К 2006 г. почти все подобные центры функционировали вне рамок закона.

Новое поколение исследователей, пришедших в 2000-х гг., способствовало возрождению активности негосударственных исследовательских инициатив в Беларуси, не входящих в конфронтацию с политической элитой или даже напрямую ею поддерживаемых («Аналитический центр ecooM»). Новая система отношений между участниками политического поля и аналитическими центрами позволяет им претендовать на роли «независимых экспертов» в Беларуси. Произошла также институциональная адаптация (рост неформальных клубов и виртуальных платформ), позволяющая обойти ограничения и ужесточение административных правил в Республике Беларусь [3].

Подводя итог, отметим, что в данный краткий обзор были отобраны преимущественно книги либо коллективные монографии как наиболее важные и репрезентативные объекты для исследования. За скобками данной публикации остались статьи в научной периодике и французские диссертационные

исследования, затрагивающие различные острые вопросы общественной жизни в Беларуси (Shukan T., Shukan I., Belova O., Rivalain J.-F., Goujon A., Kryzhanouski Y. и др.).

Специфика французского подхода к трактовке общественно-политических событий в Беларуси очевидна как из описанного содержания, так и из многих названий вышеперечисленных книг, что обусловлено последовательностью и постоянством в отстаивании прав человека и приверженностью авторов демократическим ценностям и идеалам.

Литература

1. Bélarus : l'état de l'exception / Sous la dir. de F. Dépelteau. Sainte-Foy: Presses de l'université Laval, 2003. 387 p.
2. Biélorussie : mécanique d'une dictature / J.-C. Lallemand, V. Symaniec. Paris: les Petits matins, 2007. 254 p.
3. Bigday M. L'engagement intellectuel sous régime autoritaire: les think tankers biélorusses entre expertise et dissidence. Paris: Dalloz, 2017. 400 p.
4. Bocéno L. Tatiana Kasperski, Les Politiques de la radioactivité. Tchernobyl et la mémoire nationale en Biélorussie contemporaine. Paris, éditions Petra, 346 p. // Revue européenne des sciences sociales. 2020. № 2 (58–2). P. 261–264.
5. Chroniques sur la Biélorussie contemporaine / Sous la dir. de A. Goujon, J.C. Lallemand et V. Symaniec. Paris : L'Harmattan, 2001. 352 p.
6. Datcha Blues: Existences ordinaires et dictature en Biélorussie by Ronan Hervouet // Cahiers canadiens de sociologie. 2008. Vol. 33, N 2. P. 455–457.
7. Drweski B. Du Castel Viviane, Biélorussie: une indépendance à la dérive : un nouveau défi pour l'Europe de demain [compte-rendu] // Revue des Études Slaves. 1999. № 71–3–4. P. 792–793.
8. Drweski B. Lapatniova Alena, Biélorussie : les mises en scène du pouvoir, préf. Alain Blum [compte-rendu] // Revue des Études Slaves. 2001. № 73–4. P. 836–837.
9. Drweski B. Jolif Annie, l'Équipée biélorussienne [compte-rendu] // Revue des Études Slaves. 2001. № 73–4. P. 837.
10. Drweski B. La Bélorussie. Paris: Presses Universitaires de France, 1993. 128 p.
11. Du Castel, V. La Biélorussie, une indépendance à la dérive : un nouveau défi pour l'Europe de demain / V. du Castel – Paris; Montréal (Québec): l'Harmattan, 1999. 267 p.
12. Hervouet R. Datcha blues : existences ordinaires et dictacture en Biélorussie. Paris : Trèfles, 2007. 193 p.
13. Hlukhava-Kasperski T. La politique de la mémoire d'une catastrophe nucléaire : les usages de l'accident de Tchernobyl en Biélorussie (1986–2008) (Thèse de doctorat en Science politique). Paris, 2012. 449 p.
14. Jeantheau J.-P. Les choix linguistiques parentaux en milieu scolaire au Bélarus; Révélateurs des politiques et du conflits linguistiques (1984 à 1998); Approche statistique et historique // Paris, thèse de doctorat de linguistique, Université de Paris V – René Descartes, Faculté des sciences humaines et sociales, sous la direction de Louis-Jean Calvet, 2001, 3 vol. 196, 274, 133 p.
15. Jolif A. L'équipée biélorussienne. Paris: l'Harmattan, 2001. 189 p.
16. Kasperski T. Les politiques de la radioactivité : Tchernobyl et la mémoire nationale en Biélorussie contemporaine. Paris: Editions Pétra, 2020. 345 p.
17. Lapatniova A. Biélorussie: les mises en scène du pouvoir. Paris; Montréal (Québec); Budapest: l'Harmattan, 2001. 136 p.

18. Marchesin P. La Biélorussie. Paris: Éd. Karthala, impr. 2006. 160 p.
19. Zadora A. Entre Europe et Russie: la Biélorussie des manuels scolaires. Paris : l'Harmattan, DL, 2016. 221 p.
20. Беларусазнаўства ў Францыі: безнадзейная справа? / В. Шыманец // АРХЭ. 05.12.2013. URL: https://news.arche.by/by/page/ideas/cultura-idei/13493 (дата доступу: 03.03.2021).
21. Калько В.Н. Феномен белорусоведения во Франции в XX – начале XXI вв. в отечественной и французской историографии // Веснік Палескага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя, Грамадскіх і гуманітарных навук. 2013. N 1. С. 9–14.

A. Stseburaka
National Institute For Higher Education, Belarus

Post-soviet transformation of the belarusian society and state: contemporary french historiography

Key words*: Belarusian historical studies; Belarusian studies in France.*

The article is devoted to modern French historiography, concerning the socio-political processes in the Belarusian society at a new stage of its development, associated with the acquisition of independence by Belarus in 1991. This is one of the most popular topics in contemporary French Belarusian studies. The focus of this publication is the books and collective monographs of French scientists who study the complex and contradictory path of transformation of the Belarusian political system and the formation of civil society highly dominated by the Soviet past.

О.В. Большакова

Институт научной информации
по общественным наукам (ИНИОН) РАН

УДК 93/94

Зарубежное белорусоведение в контексте дисциплины «Russian and East European Studies»*

Ключевые слова: *Russian and East European Studies; Беларусь; история XX века; национальная идентичность; Вторая мировая война; холокост; транснациональная история.*

В статье рассматривается современный этап в развитии англоязычного белорусоведения, выделяются ключевые темы исследований: белорусская национальная идентичность, Вторая мировая война, холокост. Особое внимание уделяется транснациональному и сравнительному подходам. Подчеркивается, что современная англоязычная историография Беларуси, по сути, является международной и наднациональной.

Изучение Белоруссии, ее прошлого и настоящего, стало активно развиваться за рубежом в начале нового тысячелетия. Основной массив исследований публикуется на английском языке и группируется под «зонтиком» так называемых area studies (региональных исследований). Англоязычное белорусоведение входит в состав дисциплины, занимающейся изучением крупного региона России / СССР, стран Восточной Европы и бывшего советского пространства, коротко называемой «Russian and East European Studies» (REES). Получив значительный импульс для своего развития после окончания холодной войны, дисциплина, прежде олицетворявшая противостояние «капиталистического Запада» и «коммунистического Востока», претерпела кардинальные изменения, превратившись в современную, живую, активно развивающуюся область знания. Мощные по своей инфраструктуре REES сохраняют мировое лидерство в изучении региона. Как показывает статистика за 2000–2015 гг., публикуемая журналом Slavic review, и база данных UTREES, ежегодно в США, Канаде, Великобритании и Австралии защищается в среднем четыре сотни диссертаций по странам, находящимся к востоку от Эльбы (см.: [16; 17; 18, p. 4]).

Безусловно, главными факторами, двинувшими эти исследования вперед, наряду с падением «железного занавеса», являлись деидеологизация дисциплины и утрата ею привилегированного статуса в плане финансирования. Последовавшие в 1990-е гг. изменения включали в себя перестройку инфраструктуры, введение новой методологии, расширение тематического и географического охвата исследований.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект №20-59-00001/20 «Современное зарубежное историческое белорусоведение: эволюция методологических подходов и оценок».

Одной из новых тенденций стало значительное (фактически наполовину) сокращение исследований собственно России (Russia proper) и увеличение объема исследований стран Восточной Европы и новых независимых государств – бывших советских республик [16; 17, p. 970–985; 18, p. 7]. Белоруссия стала одним из новых для REES регионов, который в 1990-е гг. привлек к себе внимание специалистов в связи с последствиями Чернобыльской катастрофы и с установлением режима Лукашенко, часто называемого «последним европейским диктатором».

Интерес к Белоруссии, вначале сводившийся к анализу текущей ситуации и к оценке ее политических перспектив с точки зрения строительства новой Европы, в 2000-е гг. приобрел отчетливо научный характер. Наряду с современностью начинают более активно изучать историю и культуру этой бывшей советской республики. Создаются новые институции, и не только в Европе, – как, например, Center for Belarusian Studies at Southwestern College в Канзасе. Проводятся конференции и ежегодные симпозиумы, формируется грантовая поддержка. В Великобритании в 2013 г. возрождается The Journal of Belarusian studies, который издавался в 1965–1988 гг. Англо-белорусским обществом и являлся старейшим англоязычным журналом по белорусской проблематике. Статьи по истории Белоруссии публикуются и в ведущих славистических журналах.

Интерес явно возрос в 2010-е гг., когда значительно увеличилось количество защищаемых диссертаций – за последние 10 лет их было подготовлено более 30, целый ряд – в таких авторитетных учебных заведениях, как Гарвард и Принстон, Кембридж и Лондонский университет. Немало диссертаций защищается в Канаде, в том числе в университетах Торонто и Альберты (см. также: https://search.proquest.com). Все это говорит о строительстве научной инфраструктуры новой дисциплины.

Возникли новые темы исследований, которые значительно расширили диапазон изучаемых проблем, касающихся как современности, так и истории. В силу мультидисциплинарного характера REES изучением Белоруссии занимаются политологи и социологи, историки, социальные и культурные антропологи, лингвисты и литературоведы, специалисты в области гендерных исследований. Список дисциплин можно было бы продолжить, но важно отметить, что интерес к Белоруссии в мире стабильно растет, а теперь, после событий 2020 г., совершенно очевидно, что он только усилится.

Несомненно, влияние политической повестки дня на изучение Белоруссии является ведущим, однако оно, как демонстрирует уже довольно долгая история REES, приводит не только к повышению финансирования и развитию исследований «текущего момента». Интерес к тому или иному региону, возникающий в западном обществе и привлекающий студентов в университеты и колледжи, как правило, несет в себе позитивные коннотации. При всех политических (и геополитических) запросах он неизбежно выливается в углубленное изучение истории и культуры региона, причем, как правило, в благожелательном ключе [5].

Тенденции такого рода наблюдаются и в англоязычном беларусоведении, причем в большей степени в США и Канаде, чем в Великобритании (там преобладает внимание к современности). Это подтверждается тематикой защищенных за последнее десятилетие диссертаций, в которых рассматривается широкий спектр исторических проблем [16; 17; 18]. Большинство работ по истории Белоруссии сосредоточивается на XX в., в то время как дореволюционный период, когда она входила в состав Российской империи, и более ранняя ее история привлекают пока явно недостаточное внимание. И это понятно, поскольку одной из ведущих тем белорусоведения является формирование национальной идентичности – а это история достаточно недавняя, как и сам национализм в современном его понимании. Корни белорусского национализма прослеживаются ретроспективно до середины XIX в., что вполне совпадает с представлениями о хронологии вызревания национального самосознания в Европе. Тем не менее основное внимание уделяется событиям после 1905 г. и последующим катаклизмам, ставшим, как считается, основными – внешними – факторами формирования «белорускости» [14].

Актуальности изучению национальной идентичности в 1990-е гг. придавало бытовавшее тогда представление о том, что все страны движутся (или должны двигаться) к демократии западного типа, которая подавалась как «золотой стандарт». Его необходимыми составляющими являлись национальное государство и гражданское общество. Именно их наличие в тех или иных странах являлось «входным билетом» в европейское сообщество, перестраивавшееся после окончания холодной войны. Пример такого подхода – работы Д. Марплза [10].

Откровенный европоцентризм этой позиции начали критиковать с самого начала, причем в 2000-е гг. и на материале Белоруссии, как и других стран Центральной и Восточной Европы. Представлениям о том, что национальная идентичность многих народов этого обширного региона является как минимум «незрелой», а то и «неправильной», противопоставляли позицию постколониальных исследований, плохо совместимую с классическими учениями о национализме. Речь шла о недопустимости «эталонного» подхода, о необходимости учитывать всю сложность и разнообразие историко-культурных и этнических реалий, наконец, о неприемлемости высокомерного «европейского» (империалистского) отношения к другим странам [8; 12].

Критика европоцентризма и связанного с ним представления о линейном характере исторического процесса привела к пересмотру соотношения империи и национального государства как последовательных стадий развития. Выяснилось, что национальное государство не менее (а зачастую и куда более) репрессивно, чем империя, что отношения между двумя этими государственными формами гораздо сложнее, чем казалось, что в той же Польше межвоенного периода можно обнаружить признаки как империи, так и модерного национального государства [11].

Как бы ни относиться к постколониальной критике империализма и либеральной демократии, в любом случае понятие национального государства

было серьезно проблематизировано, как и понятие национальных границ. Взгляд глобализируется, и внимание исследователей начинают привлекать контактные зоны империй, в которых границы были проницаемы, движение населения – активным, а само население отличалось языковым и этническим разнообразием [13]. Современная Белоруссия входит в одну из таких контактных зон, часто называемую после выхода популярной книги Т. Снайдера «Bloodlands» [15]. Это территории, наиболее пострадавшие в ходе двух мировых войн, входившие на протяжении XIX–XX вв. в состав разных государств, границы которых за это время неоднократно перекраивались. Неудивительно, что в современном историографическом контексте к их изучению стал все чаще применяться транснациональный подход.

Одной из первых его использовала американский антрополог Кейт Браун. Ее получившая широкую известность книга стала установочной, продемонстрировав, как нужно исследовать территории, выходя за пределы границ национальных государств [4]. В центре внимания – территория, которую поляки называют «кресы» (правда, более южная их часть). Автор прослеживает, как за исторически небольшой срок (1920–1950-е гг.) культурно очень сложная агломерация, где бок о бок проживали русские, украинцы, поляки, евреи, белорусы, немцы и др., превратилась в этнически гомогенную часть советской Украины. Собственно, те же самые процессы происходили в другой части кресов, которая вошла в состав БССР. И исследование Браун задает угол зрения и предлагает методику, которую стали использовать исследователи этого региона, основываясь на архивах, устной истории (интервью) и этнографических материалах. В фокусе интереса – национальная классификация, которой занимались государства (Россия, Польша, нацистская Германия, СССР), и национальная идентичность как инструмент выживания. Методологически это во многом микро- и персонализированная история, которая наглядно демонстрирует, как происходил процесс (сначала бюрократически, а затем и насильственно) выделения, наименования, категоризации и разделения на отдельные этнические группы смешанного многоязычного сообщества людей, населяющих эти земли.

Применение транснационального подхода особенно уместно, если иметь в виду ключевые темы по истории Белоруссии, которые находятся в центре внимания англоязычных специалистов. Наряду с уже упоминавшейся национальной идентичностью, это Вторая мировая война и холокост. Оба предполагают рассмотрение сразу нескольких «игроков» и национальных территорий без учета их границ – что совершенно оправдано, поскольку речь идет о мировой войне.

Холокост в Восточной Европе – тема достаточно новая для зарубежной историографии. Истории уничтожения еврейства на обширных территориях «Bloodlands» еще предстоит войти в общественное сознание, и во многом этому должна способствовать книга Уэйтмана Беорна, изданная в 2018 г. [2]. Холокосту на территории Белоруссии посвящена его другая книга, подготовленная на основе диссертации, защищенной в 2011 г. [3]. В ней

исследуется участие вермахта в убийстве евреев – как оно начиналось, как превратилось в охоту за людьми и стало источником обогащения. Тема рассматривается на уровне отдельных ситуаций, анализируются социально-психологические факторы, система ценностей и стереотипов в подразделениях вермахта, взаимоотношения солдат и еврейского населения. Фактически показано соучастие вермахта в преступлениях, которое очень быстро из импровизации превратилось в рутину и стало нормальной практикой.

На основе диссертации, защищенной в 2015 г., была опубликована и книга Дж. Кербера о межвоенном поколении еврейской молодежи по обе стороны советско-польской границы, в Витебске и Гродно, и о формах выживания в оккупации [9]. В данном случае превалирует, скорее, сравнительный, чем транснациональный подход. Автор оценивает советскую политику в отношении евреев как «несомненный успех» большевиков, освободивших их и поставивших в один ряд с другими национальностями, а затем в условиях дальнейшей советизации создавших благоприятный климат для социального продвижения (1930-е гг. для молодежи – «дружба и никакого антисемитизма») (см. также: [1]). В Польше, особенно в 1930-е гг., климат для меньшинств был неблагоприятным, что укрепляло еврейскую идентичность молодежи, объединявшейся на почве сионизма и бундизма. В 1941 г. Гродно и Витебск оказались в разных оккупационных зонах (на западе убивали в газовых камерах, на востоке расстреливали (см.: [2]). В Витебске еврейская молодежь, уже вполне ассимилированная, старалась выдавать себя за русских, белорусов, татар, многие уходили в партизаны. В Гродно так поступали в самом крайнем случае, сопротивление было именно еврейским и сосредоточивалось в гетто.

Сравнительный подход в ряде случаев просто необходим, в особенности когда изучается история Белоруссии межвоенного периода. В получившей широкую известность книге П. Рудлинга рассматриваются две разных исторических траектории белорусского национализма, сформировавшихся после разделения Белоруссии между СССР и Польшей по Рижскому договору 1921 г. [14]. Помимо деятельности белорусских интеллектуалов по конструированию этничности автор уделяет большое внимание польской политике ассимиляции и советской – коренизации и «белорусизации», которая привела к культурному ренессансу, а затем сменилась сталинскими репрессиями. Тем не менее Рудлингу приходится вводить более широкий контекст при рассмотрении вопроса о том, как белорусский национализм (и его лидеры) становился политическим инструментом для соперничавших между собой Польши, Германии, Литвы, СССР.

Геополитика – необходимый аспект исследований, когда речь идет о Белоруссии, однако современный транснациональный подход отличается от традиционного своей исследовательской оптикой: проблема рассматривается как на макро-, так и на среднем и микроуровне. «Сложность» – ключевое слово для сегодняшних англоязычных историков Беларуси. Так, Дм. Головач в своей диссертации об обмене населением между Польшей и СССР в 1944–1948 гг. [7] описывает и оценивает действия государств и республиканских властей,

одновременно погружаясь в события «на местах»: сколько людей записалось на переселение, что за люди, как шло переселение, почему откладывалось. В центре его внимания – Украина и Литва, где национализм существовал уже достаточно давно и шло вооруженное сопротивление советизации. Белоруссию автор берет в качестве «контрольного показателя». И выясняется, что там, в условиях отсутствия значимого национального движения и сепаратистских поползновений, власти были озабочены исключительно вопросами экономическими – восстановлением региона после опустошительной войны.

Автор осознанно избегает процветавшей долгое время «виктимизации» и показывает, насколько сложной была реальность. Действия как СССР, так и Польши в ходе обмена населением нельзя назвать депортациями, они были вполне прагматическими, а насильственность присутствовала чаще как побочный продукт. Он рассматривает и проблему формирования белорусской идентичности, останавливаясь на процессе гомогенизации населения (в 1921 г. в Советской Белоруссии было 4 государственных языка, а к концу 1950-х она стала национально гомогенной). Делается это подробно и со многими нюансами – в частности, что (и как) происходило в годы войны и после ее окончания.

Этот период, похоже, является ключевым для формирования современной белорусской идентичности с точки зрения зарубежных исследователей. В статье Франциски Экзелер [6] исследуется сюжет о послевоенной «советской политике возмездия» в Белоруссии в обстановке, когда все находившиеся на оккупированной территории (включая партизан) и как-то контактировавшие с врагом оказались под подозрением. Автор рассматривает послевоенные модели поведения в БССР, исходя из понимания, что в годы войны это была территория конфликта, имевшего множество измерений. Немцы, советские партизаны, зондеркоманды, евреи, местное население, белорусские подразделения, сформированные националистами, в Западной Белоруссии партизаны Армии Крайовой, а южнее – подразделения украинских националистов – все воевали «против всех», и чаще всего люди в оккупации оказывались перед лицом «выбора без выбора» (choiceless choices).

Советская политика возмездия, как утверждает автор, являлась к тому же и инструментом утверждения власти на территориях, включавших в себя Западную Белоруссию, где советизация 1939–1940 гг. исчезла в одночасье с вторжением немцев. При этом автор отмечает, что поскольку стратегии поведения людей и в годы тяжелейшей для Белоруссии войны, и после нее были крайне разнообразны и индивидуальны, различия между Советской и Западной Белоруссией оказались на поверку куда менее выраженными, чем можно было ожидать.

В своих выступлениях на самых разных площадках Ф. Экзелер, собиравшая материалы для диссертации в архивах Белоруссии, России, Польши, Израиля, Украины и США, выступает за необходимость глобального подхода к изучению истории Советского Союза (см., в частности: https://toynbeeprize.org/posts/franziska-exeler/). Сама ее исследовательская биография подкрепляет «глобальный» взгляд. Родившаяся в Гамбурге,

Франциска много путешествовала по Европе и год провела в американской школе в Иллинойсе. Поступив в Гумбольдтовский университет в Берлине, Франциска начала работать под руководством одного из самых крупных немецких специалистов по истории России / СССР Йорга Баберовского. Диссертацию она защитила в 2013 г. в Принстонском университете под руководством Стивена Коткина (там готовится к печати ее монография), в качестве постдока какое-то время провела в НИУ ВШЭ в Москве, работает в Свободном университете Берлина.

Сообщество белорусоведов, публикующихся на английском, можно сказать, почти космополитично. Швед Пер Рудлинг получил степень магистра в университете Сан-Диего в Калифорнии и защитил докторскую диссертацию в университете Альберты в Канаде, работает в университете Лунда. Дмитрий Головач после окончания Минского университета продолжил свое образование в Центрально-Европейском университете в Будапеште и затем в Оксфорде. Защитился также в Принстоне у С. Коткина и на сегодняшний день работает в НИУ ВШЭ в Международном центре истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий. И таких примеров множество. Среди диссертантов 2010–2019 гг., защитившихся в США, Канаде и Великобритании, не слишком много людей с англосаксонскими именами и фамилиями, зато немало – с белорусскими. Но сегодня вряд ли стоит говорить о космополитизме, а, скорее, о глобализации науки. Эта тенденция становится все более заметной, и в дисциплине REES она проявилась уже в 2000-е гг. в форме так называемой «интернационализации».

Суть ее заключается в следующем. Прежде отделенные от объекта своего изучения «железным занавесом», региональные исследования после распада СССР обрели новые возможности. Барьеры, казалось, пали, возникло стремление к объединению, к созданию общей, единой историографии. На деле всё оказалось не совсем так, как мечталось в начале 1990-х гг., но изменилось многое. Главным, пожалуй, стало утверждение английского в качестве языка научной коммуникации. Это позволило привлечь и включить в научное сообщество исследователей Белоруссии из разных стран, в том числе и выходцев из Восточной Европы (и самой Белоруссии). Таким образом, зарубежное белорусоведение пополнилось значительным количеством научных кадров, которые, владея несколькими языками, получают образование и защищают диссертации в англоязычных странах, но вовсе не обязательно остаются там работать.

В принципе стоило бы говорить не об англоязычной, а о международной историографии Белоруссии, издающейся на английском языке. В количественном отношении она составляет большую часть всей имеющейся на сегодняшний день историографии по этому региону, а в качественном является во многом наднациональной, преодолевая узкие рамки национального подхода.

Литература

1. Bemporad E. Becoming Soviet Jews: the Bolshevik experiment in Minsk. Bloomington: Indiana University Press, 2013. XI, 276 p.
2. Beorn W.W. The Holocaust in Eastern Europe: at the epicentre of the Final solution. London ; New York : Bloomsbury Academic, an imprint of Bloomsbury Publishing, Inc, 2018. XII, 360 p.
3. Beorn W.W. Marching into darkness: the Wehrmacht and the Holocaust in Belarus. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2014. 314 p.
4. Brown K. A biography of no place: From ethnic borderland to Soviet heartland. Harvard University press, 2004. XII, 308 p.
5. Engerman D. Know your enemy: The rise and fall of America's Soviet experts. Oxford UP, 2009. X, 459 p.
6. Exeler Fr. What did you do during the war? Personal responses to the aftermath of Nazi occupation // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian history. 2016. Vol. 17, N 4. P. 805–835.
7. Halavach D. Reshaping nations: Population politics and Sovietization in the Polish–Soviet borderlands, 1944–1948. Princeton university, ProQuest Dissertation Publishing, 2019. URL: https://search.proquest.com/docview/2320967075/8D12569A452544C8PQ/1?accountid=30386
8. Kamusella T. The fallacy of national studies // Identities in-between in East-Central Europe. Routledge, 2019. P. 11–45.
9. Koerber J. P. Borderland generation: Soviet and Polish Jews under Hitler. Syracuse, New York: Syracuse University Press, 2020. XIV, 421 p.
10. Marples D. R. Belarus: a denationalized nation. Amsterdam, The Netherlands: Harwood Academic, 1999. XIV, 139 p.
11. Nationalizing empires / ed. by Miller A., Berger S. Budapest; B.Y.: CEU press, 2015. VIII, 691 p.
12. Pershai A. Minor nation: The alternative modes of Belarusian nationalism // East European Politics and Societies. 2010. Vol. 24, N 3. P. 379–398.
13. Rieber A. The struggle for the Eurasian borderlands: From the rise of Early Modern empires to the end of the First World War. Cambridge: Cambridge univ. press, 2014. X, 617 p.
14. Rudling P. A. The rise and fall of Belarusian nationalism, 1906–1931. Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh press, 2015. X, 436 p.
15. Snyder T. Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin. New York: Basic Books, 2010. XIX, 524 p.
16. Thurston P.K. «Doctoral Dissertations on Russia, the Soviet Union, Central Asia, and Eastern Europe Accepted by Universities in the United States and Canada, 1999". Slavic review, vol. 59, n. 4, 2000, pp. 947–958.
17. Thurston P.K. «Doctoral Dissertations on Russia, the Soviet Union, Central Asia, and Eastern Europe Accepted by Universities in the United States and Canada, 2013» // Slavic review. Vol. 73, N. 4, 2014, P. 970–985.
18. Walker G. «Doctoral Research in Russian and East European Studies: Trends and Realities from the UTREES Database» // Modern Humanities Research Association. 2016. www.mhra.org.uk/pdf/utrees-paper.pdf. Accessed 12 December 2020.

O.V. Bolshakova
Institute for Scientific Information on Social Sciences (Moscow)

Belarusian studies in the context of the discipline
«Russian and East European Studies»

Key words: *Russian and East European Studies; Belarus; history; XX century; World War II; holocaust; transnational history.*

The article deals with the recent developments in the Anglophone Belarusian studies, highlighting the key research themes: Belarusian national identity, World War II, the holocaust. Special attention is paid to transnational and comparative approaches. It is emphasized that the modern Anglophone historiography of Belarus is essentially international and supranational.

И.И. Родионов

Смоленский государственный университет

УДК 93/94

Деятельность центров белорусоведения в Великобритании в XXI веке*

Ключевые слова: *зарубежное белорусоведение; Великобритания; Центр М. Острогорского; Англо-белорусское общество; Библиотека-музей им. Ф. Скорины; UCL School of Slavonic and East European Studies (SSEES); The Journal of Byelorussian Studies; Slavonic and East European Review (SEER); Central Europe.*

В статье анализируется деятельность британских центров белорусоведения в XXI в. (Центра М. Острогорского, School of Slavonic and East European Studies (SSEES). В современности Центр Острогорского стимулирует интерес к изучению белорусской истории в Великобритании. В своей работе он опирается в первую очередь на общественные организации в Лондоне (Англо-белорусское общество, библиотеку-музей им. Ф. Скорины), а из университетских центров его поддерживает UCL School of Slavonic and East European Studies. В журналах UCL School of Slavonic and East European Studies история Белоруссии рассматривается через историю Великого княжества Литовского. Другие университетские центры (такие как Оксфорд и Кембридж) никак не взаимодействуют с Центром Острогорского. Белорусоведение в современных университетских центрах ушло на второй план. Его продолжают развивать в первую очередь исследователи, которые занимались белорусской тематикой в 1960–1980 гг. Современное британское белорусоведение исследует и описывает отдельные фрагменты исторического процесса развития Белоруссии.

Зарубежное белорусоведение, в том числе и историческое, все еще остается малоизученным направлением в современной историографии. Отдельными аспектами британского белорусоведения занимаются ученые Гродненского университета Д.В. Карев и А.Д. Дудько [1–6]. В их публикациях основное внимание уделяется влиянию на данное направление британской белорусской диаспоры и различных общественных объединений (например, Англо-белорусского общества), дается общая характеристика университетских центров белорусоведения в Великобритании и т.д. [3, с. 43]. При этом в большей степени белорусские исследователи анализируют работы британских филологов, а не историков [2]. Для анализа также привлекались публикации (статьи и ревью в журналах, книги, отчеты о деятельности), которые были изданы при поддержке британских центров белорусоведения.

К началу XXI в. белорусоведение в Великобритании приобрело самодостаточный дисциплинарный статус. Истоки британского

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект №20-59-00001/20 «Современное зарубежное историческое белорусоведение: эволюция методологических подходов и оценок».

белорусоведения были заложены в 1960-е гг. Так, продвижению белорусистики в Великобритании способствовало Англо-белорусское общество, которое появилось в 1954 г. Англо-белорусское общество в 1970-е гг. выступило одним из организаторов библиотеки имени Ф. Скорины, которая стала европейским научно-культурным центром, в котором проводились лекции по белорусской истории, научные конференции и т.д. Развитие научной деятельности библиотеки стало возможным благодаря поддержке Англо-белорусского общества. Совместная деятельность Англо-белорусского общества и Библиотеки-музея подталкивала развитие знаний о Беларуси в Великобритании на протяжении тридцати лет. Но из-за смены поколений роль Англо-белорусского общества в популяризации истории Белоруссии в Великобритании в XXI в. снизилась, а деятельность библиотеки имени Ф. Скорины в этом плане в XXI в. была практически полностью свернута в связи с финансовыми проблемами.

Помимо общественных организаций, работу в области изучения славянского мира Восточной Европы (с конца 60-х гг. XX в. и до сегодняшнего дня) проводили университетские славистические исследовательские центры Англии и Шотландии (Бирмингем, Лондон, Ноттингем, Эссекс, Лидс, Глазго, Эдинбург, Кембридж, Оксфорд) [4, с. 59]. В современной Великобритании пропагандой белорусоведения стал заниматься Центр М. Острогорского в Лондоне. Нынешние центры, которые занимаются белорусоведением в Великобритании, условно можно разделить на три группы: некоммерческие, общественные, университетские. В процентном отношении это можно выразить так: 10:10:80%.

На сегодняшний день большую роль в популяризации истории Белоруссии в Великобритании играют некоммерческие организации. Одной из таких организаций в Великобритании является Центр М. Острогорского в Лондоне. Центр был создан в 2008 г. Ярославом Кривым. Изначально и по 2014 г. он назывался «Центр переходных исследований». В 2014 г. центр был назван в честь Моисея Яковлевича Острогорского (1854–1921), белорусского, как считают организаторы, политолога, политика и историка, который внёс значительный вклад в изучение правовых и политических систем переходного периода от автократии к демократии.

Центр Острогорского ставит своей задачей анализ проблем постсоветской Белоруссии (внешняя политика, система управления, экономика), одновременно занимаясь и политической пропагандой. Основные направления работы данного центра – это регулярные дайджесты белорусской экономики, гражданской, общественной деятельности, внешней политики и безопасности; статьи по

вопросам внутренней и внешней политики Белоруссии, в частности об отношениях с Россией и Европейским союзом; создание доступной для поиска базы данных научных работ, выполненных различными аналитическими центрами [27, p. 1, 3].

Центр сотрудничает с несколькими белорусскими и зарубежными институтами, включая Белорусский государственный университет, Белорусский исследовательский совет, Польское радио для зарубежья, радио «Свобода» [28, p. 4]. Партнерами центра являются также Белорусский научно-просветительский центр, Британская ассоциация славянских и восточноевропейских исследований, Белорусская библиотека и музей Франциска Скорины, Школа славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университетского колледжа (UCL) [28, p. 12]. В 2015 г. Центр открыл свой филиал в Минске.

Начиная с 2015 по 2020 гг., центр проводит ежегодную лондонскую конференцию по белорусским исследованиям [9; 10]. При поддержке Центра Острогорского издается «Журнал белорусских исследований» (The Journal of Byelorussian Studies), история создания которого уходит в середину 1960-х гг. Инициатором создания журнала стало Англо-белорусское общество. Первый номер ежегодника вышел в 1965 г. На сайте журнала размещено 19 номеров, выпущенных в первый период его существования (с 1965 по 1988 гг.; нет журналов за 1979, 1983, 1985–1987 гг.). В этот период журнал публиковал статьи на разные темы (филология, лингвистика, история, история религии, очерки о религиозных деятелях и др.), но в целом он имел филологическую (лингвистическую) направленность. В номере журнала могло быть 2–3 статьи по истории. В журнале преобладали статьи британских авторов (38%), за ними шли авторы из США (12%) и из Польши (9%). Авторы из Канады и Израиля составляли 6%, из Германии, Австрии и Австралии – по 2%.

Журнал вновь стал издаваться с 2013 г. благодаря объединению усилий Центра Острогорского и Англо-белорусского общества. Он приобрел более научную структуру. На его страницах публикуются статьи по белорусской литературе, лингвистике, международным отношениям, гражданскому обществу, истории и искусству, а также рецензии на книги, что подчеркивает его научную составляющую. Современная версия журнала содержит большее число статей по исторической тематике (от 3 до 5 статей по истории, 1–2 статьи по политике, 2 рецензии на книги, отчет о работе Англо-белорусского общества) в сравнении с изданием второй половины XX в. Публикации современного журнала затрагивают такие темы, как: Великое княжество Литовское, раннесоветский период 1920–1930-е гг. и белорусизация, Западная Белоруссия в составе Польши, период Второй мировой войны, сталинизм, персоналии (вновь

К. Калиновский и др.) и т.д. Большая часть зарубежных авторов – обладатели докторских научных степеней. В современном журнале преобладают авторы из Белоруссии (23%), Великобритании (18%), Германии (15%), по 8% авторов из Польши, Чехии, Швеции, Канады, из США – 6%, по 3% авторы из Венгрии и России.

Чаще других на страницах журнала публикуются работы и доклады шведско-американского историка, специалиста по истории белорусского и украинского национализма П.А. Рудлинга. В 2014 г. П.А. Рудлинг в соавторстве с польским коллегой Д. Михалуком в статье «От Великого княжества Литовского до Белорусской народной республики» исследовали развитие белорусского национализма в период немецкой оккупации белорусских земель в 1915–1919 гг. [21]. Авторы в целом повторяют уже и ими самими не раз написанное: в первые десятилетия XX в. белорусская национальная идентичность находилась в зачаточном состоянии, националистическая агитация была ограничена небольшой элитой, политическая ситуация отражала состояние широко распространенной нищеты и экономической отсталости. Российское правительство оставило в наследство низкий уровень образования, малочисленность школ и повсеместную неграмотность. Накануне Первой мировой войны белорусский национализм оставался слабым [21, p. 4]. По мнению авторов, начало Первой мировой войны привело к насильственной «национализации» народов, населявших пограничные земли Российской империи, в том числе и Белоруссию [21, p. 6]. В период между 1915 и 1918 гг. восточная и западная части Белоруссии развивались относительно по-разному. На западе немецкие власти поощряли формирование национального самосознания, которое националистическая элита пыталась использовать в своих интересах. На востоке же власти вели обширную русскую националистическую пропаганду. [21, p. 7].

Д. Михалук и П.А. Рудлинг утверждают, что немецкая оккупация Белоруссии была мягкой, а власти относительно терпимыми и даже поддерживали местную культуру на оккупированных восточных территориях [21, p. 8]. Братья Антон и Иван Луцкевичи стали играть ведущую роль в Белорусском национальном комитете, работая с 1915 по 1917 г. над восстановлением Великого княжества Литовского в форме конфедерации [21, p. 11]. В целом, в оценке авторов, немецкая оккупация способствовала национальному возрождению Белоруссии. 1 января 1919 г. большевики провозгласили создание Социалистической Советской Республики Белоруссия (ССРБ) в Смоленске как конкурента БНР и как советского буфера против Польши. Началась новая страница в истории Белоруссии.

П.А. Рудлинг вновь «появляется» на страницах журнала в 2015 г., но уже как автор лекции «Истоки современной Белоруссии: идентичность, нация и политика в Европейском пограничье») [24]. Здесь он уже прослеживает развитие белорусской национальной идеи с XVIII в. до современной Белоруссии. Он утверждает, что белорусский национализм был одним из самых последних национализмов, появившихся в Европе [Ibid., p. 116], возникнув только между 60-и и 80-и гг. XIX в. после украинского национализма. А предшественниками современного этнического белорусского национализма были концепции западнорусизма (единство и близость трех славянских народов) и краевая идеология (из традиций ВКЛ и Речи Посполитой). Обе концепции внесли свой вклад в развитие современного белорусского этнического национализма. Главным катализатором организованного белорусского национализма стала немецкая оккупация периода Первой мировой войны [Ibid., p. 120]. Немецкая оккупационная администрация рассматривала белорусский национализм как потенциально полезный инструмент противодействия польскому национализму. Они основали школы и театры, печатали газету на белорусском языке, получившую широкое распространение. Начиная с появления первой белорусской газеты и вплоть до Рижского договора, это был также период роста белорусского национального самосознания и активности, считает автор. Белорусский национализм оставался маргинальным и спорным явлением с ограниченным количеством популярных последователей в подавляющем большинстве сельского неграмотного населения с расплывчатыми представлениями о таких понятиях, как нации, национализм, народность, суверенитет и политическая организация [Ibid., p. 127]. Рудлинг определял БНР и БССР как протогосударства, существование которых способствовало созданию белорусской государственности [Ibid.]. В целом в номере за 2015 г. были размещены статьи, написанные по итогам конференции, посвященной белорусскому национальному герою Кастусю Калиновскому, которую Центр Острогорского организовал совместно с Лондонским университетским колледжем и Англо-белорусским обществом [28, p. 3].

В 2016 г. в журнале А. Помецко опубликовал статью «Бандитизм в северо-восточных районах Второй Польской Республики в 1920-е годы» [22]. В статье автор рассмотрел распространение бандитизма с начала до середины 1920-х гг. в Виленском, Белостокском, Новогрудском и Полесском уездах [Ibid., p. 6]. Помецко на примере атамана Ю. Мухи попытался показать, как местные жители воспринимали бандитов. Автор пришел к выводу, что сочетание опыта военного времени и первых лет полонизации Западной Белоруссии создали почву для бандитизма [Ibid., p. 14]. Бандитизм являлся проявлением крестьянских

настроений [Ibid., p. 19]. В этом же номере В. Лапуцка опубликовала статью «Преступники Второй мировой войны в белорусских интернет-СМИ: дела Антония Савонюка и Владимира Катрюка» [17]. В статье автор стремилась описать дискурсы белорусских интернет-СМИ, связанных с делами двух нацистских преступников [Ibid., p. 69].

В выпуске 2017 г. особо следует отметить публикацию об американском политическом интересе к Белоруссии, подготовленную на основе документов Конгресса США. В статье Т. Кулакевич «Беларусь в документах Конгресса, 1873–1994 гг.» автор исследовала проявление американского внимания к Белоруссии, которое отражалось в отчетах Конгресса [16]. Автор пишет о том, что, начиная с 1873 г., американские официальные лица постоянно обращали внимание на Белоруссию в связи с ее политическим статусом на международной арене и лоббированием диаспорой признания Белоруссии отдельной нацией. Однако, по мнению Кулакевич, из-за отсутствия «реальной независимости» Белоруссия в отчетах представлялась как «Северо-западная территория» в составе Российской империи, а затем и в составе Советского Союза [16, p. 44]. Только в начале 1950-х гг., когда послевоенные иммигранты стали активно представлять Белоруссию как «угнетенную» в составе СССР национальность, американское правительство стало уделять ей больше внимания.

В номере за 2018 г. в основном публикуются статьи, связанные с советским периодом белорусской истории. Рассмотрим одну из них, посвященную дискуссионному и на сегодня аспекту белорусской истории 1920-х гг. – политике белорусизации. Историк из чешского Карлова университета А. Маркова в статье «Язык, идентичность и нация» [18], автор известной книги по политике белорусизации («Шлях да савецкай нацыі: палітыка беларусізацыі (1924–1929)». Минск, 2016 г.), показала, что белорусизация означала реальную поддержку советской властью процессов национального строительства и формирования нации в БССР в межвоенный период. В Белоруссии она продолжалась с 1924 по 1929 гг. и включала в себя значительное и интенсивное продвижение белорусского языка во всех сферах: государственное и партийное управления, в системе образования, в академической сфере, прессе и т.д. [Ibid., p. 26]. И в то же время автор указывает, что эта политика должна была позволить продвигать власть и идеологию в этнически нерусских областях и республиках. По её мнению, эта политика не была задумана как средство создания независимой БССР, и она не должна была способствовать пробуждению национальной идентичности [Ibid., p. 27–29].

Автор дает характеристику процессу формирования модели национальной идентичности, которая возникла и продвигалась в период белорусизации.

Именно в это время, заключает Маркова, была сформирована новая концепция белорусской национальной истории, создателями которой стали Владимир Пичета, Вячеслав Игнатовский и другие белорусские историки. В ней указывалось на европейский характер истории Белоруссии и на независимость от соседних государств, в первую очередь от России. Именно в это время Полоцкое княжество начинает представляться как первое белорусское государство, а белорусская ветвь славянства – как обособленная и исключительная в сравнении с другими славянскими группами. По мнению автора, политика белорусизации не удалась из-за русификации большинства городского населения в БССР и полной зависимости республики от Москвы.

В 2017 г., уже за рамками публикаций «Журнала белорусской истории», на площадке Острогорской академии (Ostrogorski Academy) был представлен тематический курс «Великое княжество Литовское в европейской и белорусской истории» («Вялікае Княства Літоўскае ў еўрапейскай і беларускай гісторыі») [7]. Автор курса А.К. Кравцевич – белорусский археолог, доктор исторических наук, считает, что сегодня с научной позиции более корректной будет постановка вопроса не о влиянии, а о содействии ВКЛ в формировании современных белорусского и литовского народов [7, с. 11]. В его оценке, государственная организация ВКЛ объективно оказалась более благоприятной для традиционной культуры белорусов, и белорусские земли, составившие основную часть государства, были собраны в «едином государственном организме» уже в XIV в., и потому ВКЛ было больше белорусским, чем литовским государством [Там же, с. 14]. А для белорусской культуры период нахождения в ВКЛ явился настоящим «золотым веком» [Там же, с. 29].

Итак, лондонский Центр Острогорского, возобновив совместно с Англо-белорусским обществом издание «Журнала белорусской истории» и организуя международные научные конференции, семинары и лектории, оказывает определенное влияние на формирование новых методологических подходов и оценок в современной белорусской историографии. Вместе с тем его деятельность стимулирует интерес к изучению белорусской истории в Великобритании.

Что же касается университетских центров, то мы рассмотрим некоторые из них: Оксфорд (колледж Св. Антония), UCL School of Slavonic and East European Studies (SSEES). Созданный в 1953 г. в колледже Св. Антония Центр российских и восточноевропейских исследований был преобразован в 2003 г. в Центр российских и евразийских исследований. В сфере его внимания из восточнославянских стран, прежде всего, находятся Россия и Украина. Белорусские сюжеты затрагиваются крайне редко и, как правило, в более

широких контекстах (ВКЛ и Российская империя) [4, с. 59].

School of Slavonic and East European Studies (SSEES) – это школа Университетского колледжа Лондона (University College London – UCL), специализирующаяся на Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе, России и Евразии. В школе преподается широкий спектр предметов, включая историю, политику, литературу, социологию, экономику и языки региона, она является крупнейшим центром изучения и исследований Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, а также России в Соединенном Королевстве. Школа имеет связи с университетами не только в Европе, так и по всему миру. Она была основана Р. У. Сетон-Уотсоном в Лондоне в 1915 г. как отделение Лондонского королевского колледжа и открыта Т.Г. Масариком, который позже стал президентом Чехословакии. В 1932 г. школа стала институтом Лондонского университета, больше не связанным ни с одним колледжем, в 1999 г. объединилась с Университетским колледжем Лондона (UCL).

В журналах школы преобладают статьи британских авторов (47% – большая часть из них сотрудники Университетского колледжа Лондона), за ними идут авторы из Польши и Литвы (по 16%). Статьи авторов из США, Германии, Канады составляют 7%. Так, в журнале «Slavonic and East European Review» (SEER) публикуются результаты исследований школы. Издание было основано в 1922 г. Б. Паресом, Р. У. Сетон-Уотсоном и Г. Уильямсом. В журнале публикуются научные статьи по всем темам, связанным с Россией, Центральной и Восточной Европой: по филологии и лингвистике, литературе, искусству, истории, политике, социальным наукам, экономике, антропологии, а также обзоры новых книг в этой области. Анализируя подборку журнала за 1990–2019 гг., мы пришли к следующим выводам: ревью по белорусской тематике публиковал узкий круг исследователей (больше всех: А. Макмиллан, Д. Дингли, А. Вилсон). Авторы рецензировали исторические публикации на следующие темы: Великое княжество Литовское, оккупация Беларуси (оккупация на востоке: повседневная жизнь немецких оккупантов в Варшаве и Минске, 1939–1944 гг.), еврейская революция в Беларуси, история нации и государства в Беларуси, черта оседлости: Белорусская синагога в царствование Екатерины II, «советское завоевание» Западной Украины и Западной Белоруссии Польши. Но большая часть ревью касается рассмотрения публикаций по современной Беларуси и ее власти, также даются обзоры работ филологического толка (белорусский язык, поэты и т.п.).

В журнале в промежутке 2016–2020 гг. преобладают ревью на публикации: филологические, исторические, мемуары и т.п. [8; 11–13; 15; 19; 20; 29]. Журнал

делится на два раздела: статьи (в его рамках выделяются подразделы: литература, история, музыка) и рецензции (reviews) на публикации. Процентное отношение статей к рецензиям: 10 к 90% (из них только 5% ревью относятся к белорусской тематике).

Второй журнал школы «Central Europe» – это междисциплинарное издание Центра изучения Центральной Европы, издаваемый как в печатном, так и в электронном форматах. В нем публикуются оригинальные исследовательские статьи по истории, языкам, литературе, политической культуре, музыке, искусству и обществу тех земель, которые когда-то входили в состав Габсбургской монархии и Речи Посполитой со Средних веков до наших дней, а также об отношениях между Германией и этими землями [14; 23; 25; 26; 30]. В нем также публикуются дискуссионные материалы, маргиналии, книги, архивы, выставки, обзоры музыки и фильмов. Подборка журнала за 2003–2020 гг. свидетельствует, что в нем по сравнению с первым журналом преобладают публикации по исторической тематике; белорусская история рассматривается сквозь призму истории Великого княжества Литовского; в нем небольшое количество статей, которые бы затрагивали белорусскую историю.

В журнале за 2019 г. Д. Геровская опубликовала статью «Death-Agony and Birth Pangs: Inheritors of the Grand Duchy of Lithuania under German Occupation 1915–1918» [14]. Автор статьи пишет о том, что администрация обер-оста, созданная в 1915 г., использовала национальные устремления белорусских лидеров, чтобы распустить бывшую Речь Посполитую. Немцы поддержали создание небольших взаимозависимых литовских и белорусских государств. В статье «The Experiences of a Polish Family from the Eastern Borderlands (1914–1921): The Protassewiczes of Borki» Г. Завадский рассматривал влияние политических и социальных потрясений, вызванных Первой мировой войной, русской революцией, угрозой большевизма и возрождением польского государства, на два поколения большой польской помещичьей семьи из Гродненской губернии [30].

По сути, UCL School of Slavonic and East European Studies в полной мере нельзя назвать организацией, которая изучает белорусскую историю. В журнале «Slavonic and East European Review» преобладают филологическая и политологическая составляющие, а знание истории и культуры Белоруссии ушли на второй план. В университетских центрах белорусская история рассматривается в рамках таких тем как истоки славянских наций, Великое княжество Литовское, Вторая мировая война и период оккупации, советское и постсоветское время. В журналах преобладают британские авторы, но в то же время в них публикуются ученые из США, Канады, Германии, Польши, Литвы,

Белоруссии, России. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что белорусоведение в Великобритании имеет международный характер.

Литература

1. Дудько А.Д. Беларусь и белорусы в контексте британской славистики второй половины XX – начале XXI века: институциональный аспект (направления и проблематика исследований научных и университетских центров) // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-конф., Пинск, 21–22 октября 2016 г. Пинск: ПГУ, 2016. С. 337–351.
2. Дудько А.Д., Кодин Е.В. Арнольд Макмиллин – британский исследователь белорусской литературы Нового и Новейшего времени // Известия Смоленского государственного университета. 2017. № 4(40). С. 73–89.
3. Дудько А.Д. Генезис и формирование белорусоведения в Великобритании (вторая половина XX – начало XXI века): дис. ... канд. ист. наук. Гродно, 2018. 198 с.
4. Дудько А.Д. Белорусоведение в мире славистики Великобритании второй половины XX–начала XXI века (научные и университетские центры) // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 55–61.
5. Карев Д.В., Дудько А.Д. Зарубежное белорусоведение XVI – начала XXI вв: основные этапы и проблемы становления и развития. Гродно: ЮрСаПринт, 2016. 140 с.
6. Карев Д.В., Дудько А.Д. Зарождение научного белорусоведения в Великобритании и Польше (1918–1939 гг.) // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе. Вып. 2: в 2 ч. Ч. 2: сб. науч. ст. по материалам II Междунар. науч.-конф. Пинск, 24–25 ноября 2017 г. Пинск: ПГУ, 2017. С. 151–157.
7. Краўцэвіч А. Вялікае Княства Літоўскае ў еўрапейскай і беларускай гісторыі: Навучальная праграма Акадэміі Астрагорскага. 2017 г. 49 с.
8. Avrutin Eugene M. The Jewish Revolution in Belorussia: Economy, Race, and Bolshevik Power by Sloin, Andrew // The Slavonic and East European Review. 2017, Vol. 95, No. 4. P. 778–779 JSTOR. www.jstor.org/stable/10.5699/slaveasteurorev2.95.4.0778. Accessed 2 Sept. 2020.
9. Belarus digest 2020 Belarusian Studies in the 21st Century conference. URL: https://belarusdigest.com/story/2020-belarusian-studies-in-the-21st-century-conference-call-for-papers/ (дата обращения: 27.05.2020).
10. Belarus digest Belarusian Studies in the 21st Century: 4th Conference and Annual Lecture in London. URL: https://belarusdigest.com/story/belarusian-studies-in-the-21st-century-4th-conference-and-annual-lecture-in-london (дата обращения: 27.05.2020).
11. Dingley J. Belarus at a Crossroads in History by Jan Zaprudnik // The Slavonic and East European Review. 1996, Vol. 74, No. 1. P. 182–183.
12. Fox John P. Occupation in the East: The Daily Lives of German Occupiers in Warsaw and Minsk, 1939–1944 by Lehnstaedt, Stephan // The Slavonic and East European Review. 2019, Vol. 97, No. 3. P. 580–581 JSTOR, www.jstor.org/stable/10.5699/slaveasteurorev2.97.3.0580. Accessed 2 Sept. 2020.
13. Harasymiw Bohdan Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia by Jan T. Gross // The Slavonic and East European Review. 1990, Vol. 68, No. 1. P. 157–159.
14. Joanna Gierowska-Kałłaur. Death-Agony and Birth Pangs: Inheritors of the Grand Duchy of Lithuania under German Occupation 1915–1918 // Central Europe. 2019, №17:2. P. 110–125. DOI: 10.1080/14790963.2019.1718452.
15. Klier J. D. Cherta osedlosti: Belorusskaia sinagoga v tsarstvovanii Ekateriny II by Evgenii Anishchenko // The Slavonic and East European Review. 2002, Vol. 80, No. 4. P. 745–747.

16. Kulakevich T. Belarus in the Congressional Record 1873–1994 // The Journal of Byelorussian Studies. 2017. Vol. 8, No. 2. P. 32–46.
17. Laputska V. World War II Criminals in Belarusian Internet Mass-Media: The Cases of Anthony Sawoniuk and Vladimir Katriuk // The Journal of Byelorussian Studies. 2016. Vol. 8, No. 1. P. 50–77.
18. Markova A. Language, Identity, and Nation: The Special Case of Belarusian State- and Nation-Formation // The Journal of Byelorussian Studies. 2018. Vol. 8, No. 3. P. 25–39.
19. McMillin Arnold. Belarus. The Epoch of the Grand Duchy of Lithuania: An Illustrated History by Arloŭ, Uladzimir, Hierasimovič, Źmicier // The Slavonic and East European Review. 2019, Vol. 97, No. 3. P. 555–557 JSTOR.
20. McMillin Arnold. Histarychny shliakh belaruskai natsyi i dziarzhavy / The History of the Belarusian Nation and State by Mikhas' Bich // The Slavonic and East European Review. 2002, Vol. 80, No. 4. P. 741–742.
21. Michaluk D., Rudling P.A. From the Grand Duchy of Lithuania to the Belarusian Democratic Republic: the Idea of Belarusian Statehood, 1915–1919 // The Journal of Byelorussian Studies. 2014. Vol. 7, No. 2. P. 3–36.
22. Pomiecko A. Banditry in the North-Eastern Regions of the Second Polish Republic in the 1920s. // The Journal of Byelorussian Studies. 2016. Vol. 8, No. 1. P. 5–31.
23. Rowell S.C. Was Fifteenth-Century Lithuanian Catholicism as Lukewarm as Sixteenth-Century Reformers and Later Commentators Would Have Us Believe? // Central Europe. 2010, 8:2, 86-106. DOI: 10.1179/174582110X12871342860045.
24. Rudling P.A. The Beginnings of Modern Belarus: Identity, Nation, and Politics in a European Borderland // The Journal of Byelorussian Studies. 2018. Vol. 7, No. 3. P. 115–127.
25. Šiaučiūnaitė-Verbickienė Jurgita. Blood libel in a multi-confessional society: the case of the Grand Duchy of Lithuania, East European Jewish Affairs // Central Europe. 2008, 38:2, 201–209. DOI: 10.1080/13501670802184082.
26. Siaučiūnaitė-Verbickienė Jurgita The Social and Legal Status of Jews in the Grand Duchy of Lithuania and its Influence on the Status of Tatars and Karaites // Central Europe. 2010, 8:2, 68–85. DOI: 10.1179/174582110X12871342860009.
27. The Ostrogorski Centre Annual report 2013–2014. 12 p. URL: http://ostrogorski.org/files/Annual%20Report%202013-2014.pdf (дата обращения: 15.05.2020).
28. The Ostrogorski Centre report 2015. 14 p. URL: http://ostrogorski.org/files/AnnualReport2015.pdf (дата обращения: 15.05.2020).
29. Wilson Andrew Belarus at the Crossroads by Sherman W. Garnett, Robert Levgold // The Slavonic and East European Review. 2001, Vol. 79, No. 3. P. 570–572.
30. Zawadzki Hubert. The Experiences of a Polish Family from the Eastern Borderlands (1914–1921): The Protassewiczes of Borki // Central Europe. 2019, № 17:2. P. 126–140. DOI: 10.1080/14790963.2020.1718451.

I.I. Rodionov
Smolensk State University

Activities of Belarusian Studies Centers in the UK in the XXI century

Key words: *foreign Belarusian studies; Great Britain; Center M. Ostrogorsky; Anglo-Belarusian Society; Library-museum F. Skaryna; UCL School of Slavonic and East European Studies (SSEES); The Journal of Byelorussian Studies; Slavonic and East European Review (SEER); Central Europe.*

The article analyzes the activities of the British centers of Belarusian studies in the XXI century. Ostrogorsky, School of Slavonic and East European Studies (SSEES). In modern times, the Ostrogorsky Center encourages interest in the study of Belarusian history in the UK. In his work, he

relies primarily on public organizations in London (the Anglo-Belarusian Society, the F. Skaryna Library-Museum), and from university centers, he is supported by the UCL School of Slavonic and East European Studies. In the journals UCL School of Slavonic and East European Studies, the history of Belarus is considered through the history of the Grand Duchy of Lithuania. Other university centers (such as Oxford and Cambridge) do not interact with the Ostrogorsky Center in any way. Belarusian studies in modern university centers have taken a back seat. It continues to be developed primarily by researchers who were engaged in Belarusian topics in the 1960s and 1980s. Modern British Belarusian studies examines and describes individual fragments of the historical process of the development of Belarus.

РОССИЯ И БЕЛАРУСЬ:
история и культура в прошлом и настоящем

Материалы исследовательского проекта
«Современное зарубежное историческое белорусоведение: эволюция методологических подходов и оценок»

Выпуск шестой.

Издательство
Смоленского государственного университета

Редакторы Л.В. Бушуева, О.В. Папко, И.В. Марусова
Компьютерная верстка А.П. Борисов

Подписано в печать 21. 12. 2020. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Печать ризографическая. Усл. п. л. 5,69. Уч.-изд. л. 5,69. Тираж 200 экз.
Заказ № 59.

Отпечатано в ИП Суркова Н.Н.
214000, Смоленск, ул. Б. Советская, 12/1

ISBN 978-5-88018-600-6

